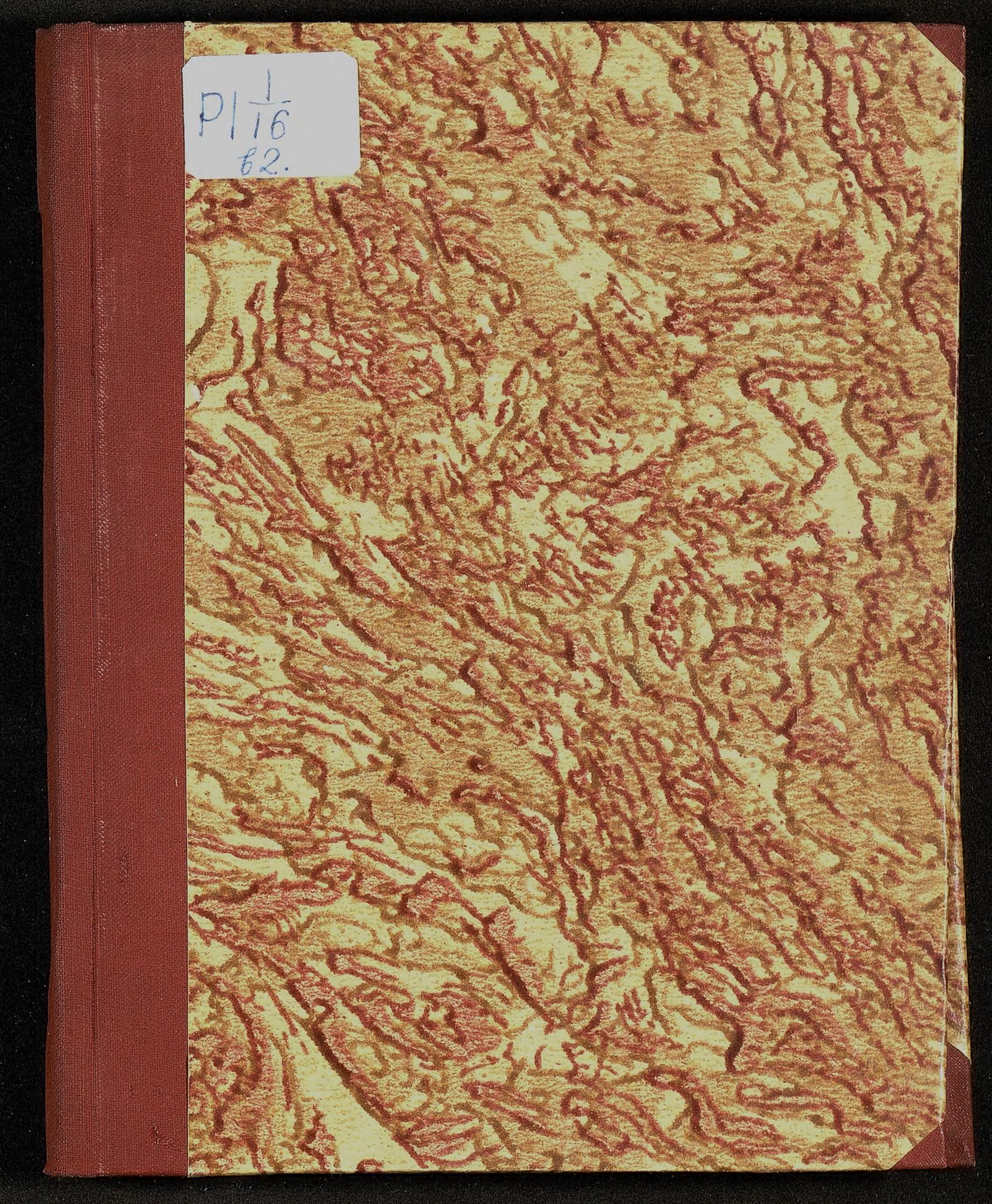

P | 1/16
62.

Война народовъ 1914-1917 г.г.

II.

Союзники о войнѣ.

Выпускъ 2

Изданіе Т-ва В. А. Березовскій

Рис. А. Крутецкій

Цѣна 2 р. 50 к.

Въ складѣ Т-ва «В. А. Березовскій», Петроградъ, Колокольная, 14.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

ПО НѢМЕЦКИМЪ *ПРЕДСКАЗАНІЯМЪ.*

Германа, Майнцскому и Финсбергскому, собраннымъ и комментированнымъ Ж. Ляворъ.

1915 г. Перевелъ съ франц. **Н. М. Лаговъ.** **Ц. 75 к.**

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

... Книга очень интересна и значеніе ея возрастаетъ, если принять во вниманіе, что все предсказанное за прошлое время свершилось съ буквальной точностью, что все относящееся къ настоящему времени сбывается. Отсюда ожиданіе, что все предсказаніе оправдается вполнѣ, тѣмъ болѣе что монахъ Германъ назвалъ точно имя нынѣ царствующаго Вильгельма Второго (sic), указалъ, что онъ, Вильгельмъ, будетъ послѣднимъ королемъ Пруссіи,—ему никто не наслѣдуетъ.

Л. В. Евдокимовъ. *„Рус. Инв." 1914 г. № 280.*

... Любопытная книжка Лявора, „Конецъ германской имперіи", со старинными нѣмецкими предсказаніями...

Поражаетъ въ нихъ, по словамъ Лявора, точность, съ какою они с средины XIII вѣка и до нашихъ дней излагаютъ судьбы Бранденбурга, Пруссіи и современной Германіи, въ особенности съ 1415 года. „Каждая фраза изумительно совпадаетъ съ дѣйствительностью".

І. Ясинскій. *„Биржев. вѣд." веч. вып. 1914 г. № 14469.*

1916 г. *В. Буняковскій.* **Ц. 85 к.**

ИЗЪ ОПЫТА ТЕКУЩЕЙ ВОЙНЫ.

I. Служба войскъ въ полѣ и бой.
II. Новѣйшія техническія средства борьбы.
III. Обученіе и воспитаніе войскъ.

Съ 6-ю схемами.

Полезную, хорошую книгу пріобрѣтаетъ нашъ офицерскій составъ съ выходомъ труда В. Буняковскаго, и нельзя не высказать за это автору большой благодарности. Надъ многими вопросами заставитъ она призадуматься, на многіе обратить должное вниманіе, а еще на большіе даетъ положительные отвѣты.

Смѣло можно рекомендовать всему строевому офицерскому составу, какъ нашей дѣйствующей арміи, такъ особенно запасныхъ частей, военныхъ училищъ и школъ прапорщиковъ.

992. *„Русскій Инвалидъ", 1916 г. № 252.*

Война народовъ
1914—1917 гг.

II
Союзники о войнѣ.

Выпускъ 2.

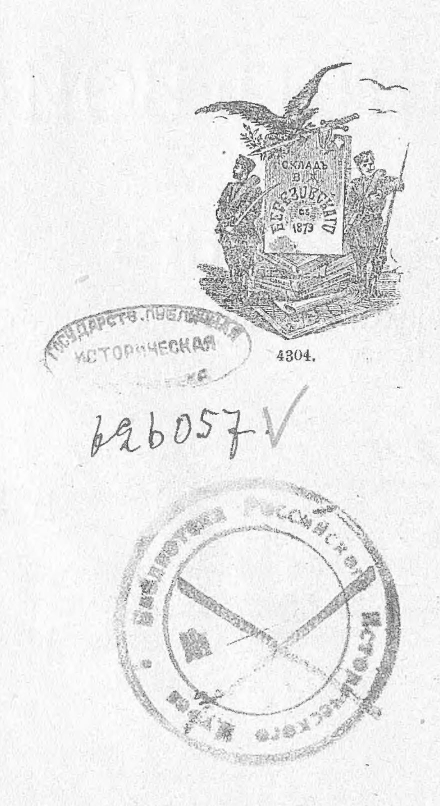
Германія и война.

Сборникъ
статей выдающихся французскихъ писателей.

Съ французскаго
М. Критъ.

Изданіе Т-ва В. А. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Петроградъ, Колокольная, 14.
1917.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 30 января 1917 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій, № 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ заглавіемъ „Германія и война“ въ „Revue des Deux Mondes“ въ 1914 и 1916 году появились двѣ взаимно дополняющія другъ друга статьи современнаго французскаго философа, члена французской академіи Эмиля Бутру.

Статьи эти, помѣщенныя мною въ переводѣ и въ выдержкахъ въ числѣ переводныхъ статей на страницахъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“, по своему глубокому смыслу и захватывающему интересу, навели меня на мысль сосредоточить въ отдѣльномъ изданіи, подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ, рядъ статей иностранныхъ авторовъ, выясняющихъ какъ глубокія причины современной войны, такъ и причины проявляемой нашимъ противникомъ озвѣрѣлости. Съ одной стороны, появляясь въ теченіе двухъ лѣтъ, въ разное время и часто въ двухъ, трехъ и даже четырехъ номерахъ, статьи эти конечно теряли нѣсколько въ своемъ значеніи; съ другой стороны, „Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, какъ органы чисто военные, сравнительно мало распространены среди широкой публики, для которой помѣщаемыя въ этомъ сборникѣ

статьи должны безусловно представить громадный интересъ, какъ серьезный, всесторонній матеріалъ для сужденія о нашемъ противникѣ и оцѣнки грозящей намъ отъ него опасности не только въ военное, но и въ мирное время.

Посвящаю свой трудъ русскимъ читателямъ, интересующимся затронутыми въ статьяхъ вопросами: о германскомъ міровоззрѣніи, о привитіи этого міровоззрѣнія путемъ строго проведеннаго соотвѣтственнаго воспитанія всей народной массѣ, о политическихъ цѣляхъ германизма, средствахъ, примѣняемыхъ нѣмцами для достиженія намѣченныхъ цѣлей, и о причинахъ, вызвавшихъ современную войну и безпримѣрно жестокій способъ ея веденія нашими противниками.

М. Критъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Германія и война [1]).

I.

Такъ вотъ, что вышло изъ этого философскаго, художественнаго и научнаго развитія, говоритъ философъ Бутру, величіе и идеалистическое направленіе котораго провозглашалось всѣмъ свѣтомъ. Такъ вотъ что таила утроба этого исчадія ада, говоритъ Фаустъ, видя превращеніе въ Мефистофеля пуделя, который игралъ около него. Какъ! объявивъ недостаточной и посредственной мораль Платона и Аристотеля, провозгласивъ ученіе долга ради самаго долга, установивъ безусловное превосходство нравственнаго достоинства, господство разума—прійти къ офиціальному объявленію, что обязательство, подписанное собственноручно, только клочокъ бумаги и что законы юридическіе и моральные не считаются, когда они стѣснительны и обладаешь превосходствомъ силъ. Усладивъ весь свѣтъ удивительной музыкой, въ которой, казалось, слышались самыя глубокія движенія души, поднявъ искусство и поэзію до высоты своего рода религіи, въ которой человѣкъ общается съ Создателемъ черезъ культъ идеальнаго, воздвигнувъ, какъ самое возвышенное изъ человѣческихъ твореній, университеты, храмы науки и свободной мысли—дойти до бомбардировки Лувена, Малина и Реймскаго собора. Принявъ на себя роль наивысшей представительницы культуры и цивилизаціи въ наиболѣе совершенной ея формѣ, въ концѣ кон-

[1]) «Revue des Deux Mondes» отъ 15-го октября 1914 г.—«L'Allemagne et la guerre»—Lettre de M. Émile Boutroux, de l'Académie française.

цовъ поставить себѣ цѣлью порабощеніе всего свѣта и стремиться къ достиженію этой цѣли, методически и безудержно разнуздывая грубые инстинкты, злость, варварство. Хвалиться тѣмъ, что они являются наивысшими представителями человѣчества, и оказаться пережитками гунновъ и вандаловъ!

Еще вчера къ Германіи относились во всемъ свѣтѣ со страхомъ, въ виду ея силы, но и съ уваженіемъ, въ виду ея науки и присущему ей идеализму. Въ настоящую минуту противъ нея съ одного конца свѣта до другого поднимается одинъ общій крикъ возмущенія и отвращенія.

Страхъ побѣжденъ негодованіемъ. Со всѣхъ сторонъ громко провозглашаютъ, что побѣда германскаго имперіализма и милитаризма означала бы торжество деспотизма, грубости и варварства. Подобное мнѣніе высказываютъ намъ и американцы, и испанцы, и португальцы, и итальянцы, и греки, и швейцарцы, и румыны и т. д. Народъ, который сжегъ Лувенскій университетъ и Реймскій соборъ, покрылъ себя позоромъ.

Что думать о поразительномъ контрастѣ, проявляющемся между высокой германской культурой, конечной цѣлью, къ которой она стремится, и тѣми средствами, къ которымъ она прибѣгаетъ въ настоящую войну? Достаточно ли для объясненія этого контраста сослаться на то, что, несмотря на всю ихъ науку, германцы все же въ сущности мало цивилизованы, что въ XVI вѣкѣ они еще были народомъ грубымъ и некультурнымъ, а что вся ихъ наука, созданная лишь спеціалистами и эрудитами, не проникла въ ихъ душу и не оказала вліянія на ихъ нравственный обликъ?

Это объясненіе совершенно вѣрно. Не говоря о нѣкоторыхъ явныхъ исключеніяхъ, посмотрите, въ пивной, въ обыденной жизни, въ развлеченіяхъ на этого ученаго профессора, который выдается своимъ умѣніемъ открыть и собрать весь матеріалъ для научной работы и тѣмъ, что умѣетъ путемъ механическимъ и безъ напряженія ума и здраваго смысла извлечь изъ него выводы, цѣликомъ обоснованные на текстахъ и разсужденіяхъ. Какое несоотвѣтствіе часто между его научнымъ и общимъ развитіемъ! Какая вульгарность вкусовъ, чувствъ, языка, какая грубость въ обращеніи у этого человѣка, авторитетъ котораго, въ предѣлахъ его спеціальности,

неоспоримъ! Перенесите этого эрудита съ его университетской каѳедры на театръ современной войны, гдѣ сила имѣетъ возможность проявить свое исключительное господство и самые грубые инстинкты развернуться во всю ширь: не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если поведеніе его будетъ подобно поведенію дикарей и людей первобытныхъ.

Такъ разсуждаютъ обыкновенно и не безъ основанія. Нѣмецъ, какъ ученый и какъ человѣкъ, очень часто два совершенно различныхъ существа. Этого объясненія, однако, недостаточно. Нѣмецъ на войнѣ безчеловѣченъ не только вслѣдствіе прорывающейся грубости его натуры, но и по приказанію. Грубость въ данномъ случаѣ является расчетомъ и возводится въ систему; это воплощеніе словъ Ла Гарпа: «Есть варварство ученое». Когда германскій императоръ въ 1900 г. говорилъ рѣчь солдатамъ, отправлявшимся въ Китай, онъ рекомендовалъ имъ уничтожать на своемъ пути все и вести себя, какъ въ свое время вели себя гунны. Если нѣмцы въ своемъ способѣ подготовки, способѣ вызова и веденія настоящей войны, безо всякаго зазрѣнія совѣсти нарушаютъ законы цивилизованнаго міра, то это не вопреки ихъ высокой культурѣ, а именно въ силу этой самой культуры. Какимъ же образомъ возможно соединеніе такихъ противорѣчивыхъ элементовъ, какимъ же образомъ возможно подобное умозаключеніе?

Въ своихъ знаменитыхъ *обращеніяхъ къ нѣмецкому народу*, произнесенныхъ Фихте въ берлинскомъ университетѣ зимою 1807—1808 г., этотъ философъ задается слѣдующею темой: поднять нѣмецкій народъ, приводя его къ самосознанію, т. е. къ сознанію чистокровности его германизма (Deutschheit), съ тѣмъ, чтобы болѣе широко проявить его, когда это станетъ возможнымъ, и доставить ему всеміриое господство. Общая идея, которой Германія должна руководствоваться при выполненіи этой двойной задачи, слѣдующая: нѣмецъ по сравненію съ иностранцемъ то же, что добро по сравненію со зломъ.

Призывъ Фихте былъ услышанъ. Въ послѣдующія столѣтія Германія все болѣе и болѣе опредѣленно и цѣлесообразно, съ одной стороны, создаетъ теорію германизма или Deutschtum'а, съ другой—подготовляетъ всеміриое владычество германизма.

Это толкованіе германизма даетъ, если я не ошибаюсь, исходное положеніе для дедукціи, которую я хочу произвести, т. е. объяснить неожиданную солидарность, которую нѣмцы устанавливаютъ между культурой и варварствомъ.

Интересно было бы глубже разобраться въ этомъ толкованіи и прослѣдить его развитіе.

Во-первыхъ, какъ народъ можетъ дойти до того, чтобы требовать для проявленій своей мысли, для своей добродѣтели, для своихъ начинаній не только права на существованіе и уваженіе со стороны другихъ народовъ, но и привилегію быть исключительнымъ выраженіемъ правды и добра, между тѣмъ какъ все исходящее отъ другихъ народовъ является лишь заблужденіемъ и зломъ?

Философъ Фихте, создавъ свою систему подъ вліяніемъ Канта и французскихъ мыслителей, особенно подъ вліяніемъ Руссо, о которомъ онъ говорилъ: «Миръ праху его, такъ какъ онъ потрудился!», думалъ, что ничѣмъ не можетъ лучше успокоить нѣмцевъ послѣ Іены, какъ убѣдивъ ихъ, что въ ихъ душѣ и въ ней одной вмѣстѣ съ намѣчаемымъ идеаломъ живетъ и сила осуществить его въ міровой жизни. Исходя изъ извѣстнаго понятія объ абсолютѣ, онъ послѣ Іены нашелъ, что это понятіе именно и составляетъ сущность германскаго генія.

Скоро эта мистическая метода слилась съ болѣе конкретной методой, болѣе приспособленной къ практическому направленію современныхъ поколѣній. Наука, въ которой соединяются всѣ познанія и мысли, относящіяся къ человѣческой жизни—это исторія. Этой наукѣ наша эпоха посвятила прямо-таки культъ. Нѣмцы извлекли изъ исторіи два поученія чрезвычайной важности: во-первыхъ, то, что исторія не только является послѣдствіемъ событій, отмѣчающихъ жизнь человѣчества, но и то, что это въ сущности судъ Божій по отношенію къ достоинству народовъ. Все, что существуетъ, стремится къ продолженію этого существованія и борется, чтобы навязать его другимъ. Исторія указываетъ намъ на людей и дѣла, избранные Провидѣніемъ. Признакомъ этого избранія является успѣхъ. Существовать, развиваться, преодолѣвать, покорять—это доказательство того, что являешься избранни-

комъ Провидѣнія, являешься его орудіемъ. Если исторія какъ бы указываетъ на какой-нибудь народъ для господства надъ другими, то это значитъ, что этотъ народъ является намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, даже воплощеніемъ самого Бога, видимымъ и осязаемымъ для его твореній.

Второе поученіе, которое нѣмецкая эрудиція извлекла изъ исторіи, это то, что дѣйствительное существованіе народа, избраннаго представителемъ Бога на землѣ, не есть миѳъ, что такой народъ существуетъ и что народъ этотъ—нѣмцы. Со временъ побѣды, одержанной Германомъ (Арминомъ) надъ Варомъ въ Тевтобургскомъ лѣсу въ IX году по Р. Х., воля Господня стала очевидной. Вся исторія среднихъ вѣковъ является тому доказательствомъ, и если въ новѣйшія времена Германія какъ будто стушевывалась, то это только потому, что она сосредоточивалась, чтобы набраться силъ и нанести еще болѣе сильный ударъ. Даже, когда она повидимому и не занимала перваго мѣста, оно по существу все же принадлежало ей. Въ 1841 г. Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ сочинилъ національный гимнъ: Deutschland über alles, über alles in der Welt: Германія выше всего, выше всего на свѣтѣ. Германія, простирающаяся отъ Мозеля до Нѣмана, отъ Адиджи до Бельта.

Германія не только является избранницей Провидѣнія, но и единственной избранницей; другіе народы—отвергнуты. Знакомъ ея избранія служитъ уничтоженіе трехъ легіоновъ Квинтилія Вара, и задачей ея является вѣчная месть за дерзость римскаго полководца. «Мы идемъ, чтобы сразиться подъ знаменемъ Германа и хотимъ отомстить»: und wollen Rache haben; такъ говорится въ извѣстной національной пѣснѣ: Der Gott, der Eisen wachsen liess. Германская цивилизація развилась на почвѣ полнаго антагонизма съ греко-римской цивилизаціей. Допущеніе Богомъ развитія одной цивилизаціи значило отринуть другую. Нѣмецкій духъ, осуществленный, безъ какихъ бы то ни было помѣхъ, во всей его мощи, не что иное, какъ Духъ Божественный. Deutschtum—это Богъ, Богъ—это Deutschtum. На практикѣ достаточно, чтобы какая-нибудь идея была дѣйствительно подлинно нѣмецкой, чтобы допустить и даже обязать прійти къ заключенію, что она

является истинной, что она вѣрна, что она превыше другихъ.

Въ чемъ же состоитъ въ ея основныхъ догматахъ эта истина, которая является нѣмецкой, потому что она истинна, и истиной, потому что она нѣмецкаго происхожденія? Это объясняется болѣе ясно, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ нѣмецкіе метафизики. Первая обязанность этой истины—это быть противоположной всему тому, что признается истиннымъ классической, т. е. греко-латинской, цивилизацiей.

Послѣдняя старается найти въ человѣкѣ тѣ человѣческія свойства, которыя дѣлаютъ человѣка выше другихъ существъ, и старается изыскать средства къ все большему и большему перевѣсу въ человѣческой жизни элементовъ высшихъ надъ низшими, разума надъ слѣпымъ инстинктомъ, справедливости надъ грубой силой, добра надъ зломъ. Греко-латинская цивилизація задалась цѣлью создать въ мірѣ моральную силу, способную управлять и одухотворять матеріальныя силы. Этой доктринѣ, центромъ которой являлся человѣкъ и которая была исключительно гуманной, нѣмецкая идея противопоставляется какъ безконечное къ конечному, какъ абсолютное къ условному, какъ цѣлое къ части. Послѣдователи грековъ могли руководствоваться только свѣтомъ человѣческаго разума, геній нѣмецкій обладаетъ разумомъ трансцедентнымъ, который проникаетъ тайны абсолютнаго и божественнаго.

И вотъ этотъ сверхчеловѣческій разумъ открываетъ, что небытіе, матерія, зло были неправильно лишены классическимъ разумомъ ихъ достоинствъ и цѣнности въ пользу бытія, интеллекта и добра. Что сталось бы со свѣтомъ, безъ мрака, на которомъ онъ выдѣляется? Какое положеніе заняло бы «я», если бы гдѣ-то не было «не я», которому оно противопоставляется?

Зло не менѣе необходимо, чѣмъ добро, въ трансцедентной міровой гармоніи.

Можно сказать даже больше: для греко-латинянина при его ограниченной логикѣ можетъ служить удовлетвореніемъ провозглашеніе добра—добромъ, а зла—зломъ. Но эти наивныя формулы противорѣчатъ истинѣ по существу. Добро само по себѣ абсолютно безсильно осуществиться: оно только идея,

абстракція. Одно зло только обладаетъ могуществомъ, способностью творенія. Такъ что добро можетъ быть только осуществлено при посредствѣ зла и притомъ зла, исключительно предоставленнаго самому себѣ. Богъ можетъ быть только, если онъ созданъ діаволомъ. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ, зло является добромъ, а добро зломъ. Зло является добромъ, потому что оно созидаетъ, добро—зломъ, потому что оно безсильно.

Высшій, дѣйствительно божественный, законъ таковъ, что именно зло, предоставленное самому себѣ, зло, какъ зло, порождаетъ добро, которое само по себѣ никогда не могло бы изъ идеальнаго стать реальнымъ. Я, говоритъ Мефистофель, часть той силы, которая всегда стремится къ злу и всегда создаетъ добро; таковъ божественный законъ: кто думаетъ дѣлать добро при посредствѣ добра, сдѣлаетъ одно зло. Только давъ волю злымъ силамъ, явится возможность осуществить до нѣкоторой степени добро.

Благодаря этимъ метафизическимъ принципамъ, вопросы, поднятые идеей цивилизаціи, получаютъ разрѣшенія замѣчательныя.

Что такое цивилизація въ смыслѣ нѣмецкомъ и дѣйствительномъ значеніи этого слова?

Народы вообще, особенно народы латинской расы, видятъ сущность цивилизаціи въ моральномъ элементѣ человѣческаго существованія, въ смягченіи нравовъ. Къ тѣмъ, которые такъ понимаютъ культуру человѣчества, германизмъ охотно примѣнилъ бы слова, которыя читаешь въ Brand'ѣ (Пожарѣ) Ибсена: «Вы хотите великихъ вещей, но у васъ не хватаетъ энергіи: тогда вы просите успѣха у кротости и доброты».

Согласно германской идеѣ, кротость и доброта—только слабость и безсиліе. Сильна одна сила, а высшей изъ силъ является наука, которая, предоставляя въ наше распоряженіе силы природы, умножаетъ наши силы до безконечности. Слѣдовательно, главнымъ объектомъ нашихъ усилій, должна быть наука. Отъ науки и культуры научно познавательной способности необходимо произойдетъ, при посредствѣ божественной благодати, прогрессъ воли и совѣсти, то, что называется прогрессомъ моральнымъ. Въ этомъ-то смыслѣ Бисмаркъ и гово-

рилъ: «Воображеніе и чувство для науки и интеллекта то же, что плевелы для злаковъ. Плевелы угрожаютъ заглушить злаки, вотъ почему ихъ вырываютъ и жгутъ». Истинная цивилизація заключается въ мужественномъ воспитаніи, имѣетъ своею цѣлью силу и силою же для этого пользуется. Цивилизація, которая подъ предлогомъ гуманности и вѣжливости нервируетъ и ослабляетъ людей, подобаетъ только женщинамъ и рабамъ.

Значитъ ли это, что понятіе о правѣ, къ которому взываютъ люди для протеста противъ силы, въ дѣйствительности не имѣетъ никакого смысла и что народъ высоко-культурный отъ этого отказывается?

Очень важно правильно понять существующую зависимость между понятіемъ о правѣ и понятіемъ о силѣ. Сила—не право. Всѣ силы не имѣютъ равнаго права на существованіе. Силы посредственныя лишь въ слабой степени пріобщаются къ силѣ божественной, но по мѣрѣ того, какъ сила становится болѣе значительной, она становится и болѣе возвышенной. Сила, повсемѣстно торжествующая и всемогущая, отождествилась бы съ силою божественной, а слѣдовательно ей надо было бы повиноваться и ее почитать въ той же мѣрѣ. Справедливость и сила соприкасаются, значитъ, только въ одномъ и лишь въ одномъ случаѣ, а именно, когда и та, и другая абсолютны.

Справедливость и сила принадлежатъ, однако, къ двумъ разнымъ мірамъ: матеріальному и духовному. Одинъ изъ нихъ является проявленіемъ и символомъ другого. Мы лично живемъ въ мірѣ символовъ, и такимъ образомъ господствующая сила для насъ является важнымъ и дѣйствительнымъ эквивалентомъ права. Было бы, значитъ, наивно допустить естественное право, присущее отдѣльнымъ лицамъ или народамъ, проявляющееся путемъ ихъ стремленій, желаній, симпатій, воли. Права народовъ должны опредѣляться по методу чисто объективному.

Въ этомъ смыслѣ народы должны раздѣляться на Naturvölker, Halbkulturvölker и Kulturvölker: народы въ первобытномъ состояніи, народы полуцивилизованные и народы цивилизованные. Но это еще не все: есть народы просто цивилизованные—Kulturvölker и народы вполнѣ цивилизованные—Vollkulturvölker. Степень правъ народовъ опредѣляется сте-

пенью ихъ цивилизаціи. По отношенію къ Kulturvölker, Naturvölker правъ не имѣютъ, а имѣютъ только обязанности: обязанности подчиненія, повиновенія, послушанія. Если на землѣ существуетъ народъ, болѣе другихъ заслуживающій наименованія Vollkulturvolk, народъ совершенной цивилизаціи, то этому народу принадлежитъ господство на землѣ. Его миссія состоитъ въ томъ, чтобы поработить всѣ народы подъ ярмо своего всемогущества, соотвѣтствующаго превосходству его культуры.

Такова идея господствующаго народа. Діалектика доказываетъ, что такой народъ не является только теоретическимъ измышленіемъ, а долженъ, въ силу вещей, неизбѣжно осуществляться на землѣ. Дѣйствительно, духъ, высшее проявленіе существа, неуклонно стремится къ бытію, и такъ какъ онъ безконеченъ, то можетъ лишь проявиться при посредствѣ силы, тоже безконечной. Народъ, способный навязать свою волю всѣмъ, является необходимымъ орудіемъ божественной воли постольку, поскольку она осуществляетъ евангельскую молитву: «Отче, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси, тако и на земли».

Какъ необходимъ на землѣ господствующій народъ, такъ необходимы и народы подчиненные. Не можетъ быть твердаго «да», безъ существованія рѣшительнаго «нѣтъ». «Я», говоритъ Фихте, это напряженіе; слѣдовательно, оно предполагаетъ нѣчто ему сопротивляющееся, т. е. именно то, что мы называемъ матеріей. Господствующій народъ повелѣваетъ, слѣдовательно должны существовать другіе народы, созданные для повиновенія. Необходимо даже, чтобы эти народы, которые по отношенію къ господствующему народу являются тѣмъ же, чѣмъ «не я» по отношенію къ «я», оказывали бы сопротивленіе воздѣйствію этого народа. Такъ какъ это сопротивленіе необходимо, чтобы дать ему возможность развить всѣ свои силы и достигнуть полнаго расцвѣта, т. е. сдѣлаться сосредоточіемъ всего, обогатившись захватомъ достоянія своихъ враговъ.

Такимъ образомъ опредѣляется, путемъ трансцедентной дедукціи, идея господствующаго народа, и эта же дедукція приводитъ къ утвержденію, что существованіе такого народа

является не только абстрактной идеей, но должно быть реальной дѣйствительностью. Ясно, что осуществленіе идеи господствующаго народа происходитъ на нашихъ глазахъ: нѣмецкій народъ является наивысшей расой всего мірозданія и превосходитъ всѣ другіе народы наукой и могуществомъ. Ему, и притомъ ему одному, надлежитъ выполнить на землѣ волю Господню.

Какія же средства долженъ примѣнить этотъ народъ для успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи?

Во-первыхъ, ему слѣдуетъ дойти до должнаго сознанія своего превосходства и своей геніальности. Ничто нѣмецкое не присуще въ равной степени другимъ народамъ. Нѣмецкія женщины, нѣмецкая вѣрность, нѣмецкое вино, нѣмецкія пѣсни занимаютъ въ мірѣ первое мѣсто. Для борьбы съ сатаной, т. е. врагами Германіи, къ услугамъ нѣмцевъ имѣется старый богъ, богъ нѣмцевъ, der alte, der deutsche Gott, дѣло котораго отождествляется съ общенѣмецкимъ дѣломъ.

Если все нѣмецкое, уже въ силу одного того, что оно нѣмецкое, является единственнымъ и неподражаемымъ, то и обратно все, что свѣтъ порождаетъ лучшаго, является нѣмецкимъ достояніемъ de jure или de facto. Рембрандтъ, Шекспиръ, Ибсенъ—нѣмцы; единственно нѣмецкій духъ способенъ оцѣнить ихъ и имѣетъ право восхищаться ими. Сомнительно, чтобы Жанна д'Аркъ, эта столь возвышенная героиня, была француженкой; есть ученые нѣмецкіе труды, приходящіе къ выводу, что она нѣмецкаго происхожденія. Если эльзасцы и лотарингцы вѣрны Франціи, то одно это уже доказываетъ ихъ принадлежность къ нѣмецкому народу, такъ какъ вѣрность—добродѣтель нѣмецкая.

Такъ какъ Германія въ принципѣ обладаетъ всѣми добродѣтелями, всѣми совершенствами, то она вполнѣ удовлетворяетъ сама себя и ничему отъ другихъ народовъ научиться не можетъ. Тѣмъ болѣе она ни въ коемъ случаѣ не обязана оказывать другимъ народамъ уваженія и доброжелательства. То, что называется гуманностью, для нѣмца лишено всякаго смысла, такъ какъ онъ считаетъ самого себя превыше другихъ людей. Слова Вильгельма II: «человѣчество кончается для меня Вогезами», свидѣтельствуютъ не объ одномъ только

національномъ эгоизмѣ: германскій императоръ сознаетъ, что то, что находится внѣ предѣловъ его имперіи, получитъ значеніе лишь тогда, когда будетъ поглощено ею.

Какъ же держаться Германіи по отношенію къ другимъ народамъ?

Есть народы, которые желаютъ, чтобы ихъ любили, которые полагаютъ, что между народами также, какъ и между отдѣльными людьми, можетъ существовать вѣжливость отношеній и что для человѣчества являлось бы прогрессомъ установленіе правосудія и справедливости въ международныхъ сношеніяхъ. Но нѣмцу, по отношенію къ другимъ народамъ, нечего считаться со справедливостью; онъ презираетъ женскую чувствительность, которая особенно характерна для латинскихъ расъ. Чувство стремленія къ справедливости и гуманности—слабость, а Германія—сила и должна быть силой. «Wo Preussens Macht in Frage kommt, kenne ich kein Gesetz», говорилъ Бисмаркъ: «тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о могуществѣ Пруссіи, я законовъ не признаю».

Нѣмецъ не стремится быть любимымъ: онъ предпочитаетъ, чтобы его ненавидѣли, лишь бы боялись. Oderint, dum metuant. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы быть окруженнымъ врагами; онъ испытываетъ чувство удовлетворенія отъ того, что въ сердцѣ самой имперіи нѣкоторыя изъ поглощенныхъ провинцій не перестаютъ протестовать противъ насилія, которое было совершено надъ ними. «Я» выдѣляется лишь путемъ противодѣйствія. Нѣмцу необходимы враги, чтобы поддержать его въ томъ состояніи напряженія и борьбы, которыя являются необходимымъ условіемъ силы. Онъ охотно примѣняетъ къ самому себѣ то, что Господь Богъ говоритъ о человѣкѣ вообще въ прологѣ Гётевскаго Фауста: «Дѣятельность человѣка и такъ имѣетъ слишкомъ большое стремленіе къ ослабленію; предоставленный самому себѣ, человѣкъ жаждетъ покоя. Въ виду этого я и даю ему въ спутники дьявола, который возбуждаетъ его и мѣшаетъ его покою». Въ сосѣдяхъ, для которыхъ она является угрозой, въ подданныхъ, которыхъ она порабощаетъ, Германія съ удовлетвореніемъ видитъ тѣхъ случайныхъ дьяволовъ, злоба которыхъ всегда будетъ стимулировать ея дѣятельность и добродѣтель.

Это не значитъ, чтобы Германія по отношенію къ другимъ народамъ не допускала другого образа дѣйствія, кромѣ враждебнаго. То, къ чему она стремится—это къ господству, единственной роли, которая подобаетъ народу Божьему. Для достиженія этого ей представляются два средства: первое, это очевидно устрашеніе, которое никогда не должно быть ослабляемо. Слабые быстро дѣлаются нахальными, какъ только имъ перестаютъ напоминать объ ихъ слабости. Надо, чтобы другіе народы постоянно чувствовали надъ собою угрозу самыхъ страшныхъ катастрофъ, въ случаѣ попытки ихъ сопротивленія Германіи. Но, считая неоспоримымъ фактомъ, что Германія является наиболѣе сильной, что она ничего не уступитъ изъ того, чѣмъ владѣетъ, хотя бы и неправымъ образомъ, все же и болѣе мягкіе пріемы, предложенія добрыхъ услугъ, выгодныя соглашенія не только для самихъ себя, но, при случаѣ, и для другихъ, могутъ иногда вести къ намѣченной цѣли болѣе прямымъ и менѣе тернистымъ путемъ, чѣмъ насилія. Германія, значитъ, будетъ попеременно или вѣрнѣе одновременно угрожающей и привѣтливой. Даже любезность можетъ съ успѣхомъ вести къ цѣли, если она основывается на ненависти, презрѣніи и всемогуществѣ.

Слѣдовательно, преимущественное значеніе принадлежитъ могуществу. Германія должна обладать вооруженіемъ, превосходящимъ вооруженіе другихъ народовъ; необходимость этого объясняется очень просто:

Германія—твердыня мира, der Hort des Friedens. Всѣ силы, которыя она скопляетъ, имѣютъ единственной цѣлью подчинить человѣчество нѣмецкому миру, миру божественному. Такъ какъ Германія является представительницей мира, то всякій, оказывающій ей сопротивленіе, значитъ, стремится къ войнѣ.

Вполнѣ естественно для Германіи—возможно усиливать свое вооруженіе, такъ какъ она воплощаетъ миръ. Но противники Германіи, которые оказываютъ ей сопротивленіе и такимъ образомъ сопротивляются миру, не могутъ имѣть того же права. На Германіи лежитъ обязательство довести свои вооруженія до maximum'a. Другіе народы имѣютъ право вооружаться лишь постольку, поскольку Германія имъ это разрѣшитъ.

Германія не ищетъ войны, она напротивъ старается, терроризируя всѣхъ, сдѣлать ее невозможной. Но, если какой-нибудь народъ, пользуясь миролюбіемъ Германіи или хотя бы стремясь только воспользоваться имъ, желаетъ установить какія-нибудь свои права, идущія въ разрѣзъ съ ея стремленіями, она покоряется необходимости жестоко покарать его за это. Она будетъ огорчена насиліемъ, совершеннымъ надъ нею, и тѣми жестокостями, которыя придется примѣнить по отношенію къ виновному; но, какъ Божій воинъ, она должна неуклонно итти по намѣченному ею пути. Народъ, который отказывается выполнять волю Германіи, этимъ самымъ доказываетъ свою болѣе низкую степень культуры и становится виновнымъ по отношенію къ Германіи, которая обязана его покарать.

Этими данными опредѣляется тотъ способъ веденія войны, который будетъ примѣненъ Германіей. Война—это возвращеніе къ первобытному состоянію. Германія покоряется необходимости этого временнаго регресса, такъ какъ имѣетъ дѣло съ народами болѣе низкой культуры, которымъ надо дать урокъ, при чемъ съ ними приходится говорить языкомъ для нихъ понятнымъ. Характернымъ для первобытнаго состоянія является безраздѣльное господство грубой силы. Въ этой-то чертѣ и сказывается вся красота первобытнаго состоянія, его величіе и его плодотворность. Пусть намъ не говорятъ о томъ романическомъ рыцарствѣ, которое мнило умѣрять на войнѣ силу вредоносныхъ инстинктовъ посредствомъ притворной женской чувствительности. Война—это война, Krieg ist Krieg. Это не дѣтская забава, это не спортъ, гдѣ можно было бы дозировать варварство и гуманность такъ, чтобы была возможность ихъ примирить и гармонизировать. Это варварство въ натуральномъ его видѣ, откровенное, ничѣмъ не сдерживаемое. Въ этомъ нѣтъ никакой извращенности. Человѣкъ, поскольку онъ человѣкъ, страдаетъ даже, вновь превращаясь въ варвара, но человѣкъ, являющійся замѣстителемъ Бога, подавляетъ свою человѣческую слабость и отвращеніе. Онъ покоряется таинственному и божественному закону, въ силу котораго зло тѣмъ болѣе добротворно, чѣмъ съ большей полнотою и рѣшительнѣе оно творится Pecca fortiter!

Главнымъ положеніемъ законовъ войны, слѣдовательно, должно быть подавленіе всего того, что носитъ характеръ чувствительности, жалости, гуманности. Цѣль войны убивать и разрушать. Чѣмъ болѣе она разрушительна и убійственна, тѣмъ болѣе приближается къ своему идеалу.

Она, помимо того, по существу тѣмъ болѣе гуманна, чѣмъ менѣе гуманно она ведется, такъ какъ одинъ ужасъ, который наводитъ ея жестокость, дѣлаетъ ее менѣе продолжительной и, въ концѣ концовъ, менѣе губительной.

Кромѣ того, война неизбѣжно игнорируетъ законы нравственные. Уваженіе къ законамъ, къ договорамъ, къ конвенціямъ, къ лойяльности, честности, чувству чести, угрызеніямъ совѣсти, благородству души, великодушію является помѣхой— народъ, олицетворяющій Бога, не допускаетъ этого. Онъ будетъ, значитъ, нарушать безъ колебаній права нейтральныхъ государствъ, если это будетъ въ его интересахъ; онъ будетъ примѣнять ложь, вѣроломство, измѣну. Онъ будетъ совершать, основываясь на самыхъ ничтожныхъ или даже выдуманныхъ предлогахъ, самыя ужасныя дѣянія: будетъ бомбардировать незащищенные города, будетъ избивать ни въ чемъ неповинныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, будетъ совершать жестокія казни и убійства, грабить, насиловать женщинъ, будетъ искусно устраивать поджоги и методически разрушать памятники, древность и историческое значеніе которыхъ и всемірное восхищеніе которыми дѣлали ихъ, казалось бы, неприкосновенными. «Мнѣ это сказали, я долженъ отомстить». Этой причины достаточно. Намъ говорятъ, что нѣкоторые жители того или другого города съ недостаточнымъ уваженіемъ отнеслись къ кому-то изъ нашихъ; надо, значитъ, предать этотъ городъ огню, а жителей—разстрѣлу. Въ общемъ, все заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе дать волю примитивнымъ инстинктамъ человѣческой натуры, развить maximum силы и достичь максимальнаго результата.

Эффектъ этихъ дѣйствій долженъ быть не только матеріальнымъ, но и моральнымъ. Акты, которые люди считаютъ ужасными и которые наводятъ страхъ, слѣдуетъ признать желательными, потому что они угнетаютъ души, признать даже въ томъ случаѣ, если они не имѣютъ никакого военнаго значенія.

Между прочимъ то, что возмущаетъ обыденную нравственность, по существу вполнѣ согласуется съ трансцедентной нравственностью. Миссія нѣмцевъ на войнѣ—карать. Они приводятъ въ исполненіе божественное мщеніе; они заставляютъ непріятеля искупать его преступное сопротивленіе. Такимъ образомъ, если непріятель имѣетъ дерзость отбить у нихъ ранѣе взятый ими городъ, то будетъ вполнѣ справедливымъ, какъ только это станетъ возможнымъ, предать городъ разграбленію, жителей—смерти, а лучшіе памятники—огню.

Если исходить изъ того положенія, что силы зла слѣдуетъ разнуздать возможно болѣе, то станетъ ясно, что народъ наивысшей культуры лучше всякаго другого долженъ быть приспособленъ къ разрѣшенію этой проблемы. Дѣйствительно, наука, которой онъ владѣетъ въ совершенствѣ, даетъ возможность примѣнить для разрушенія и творенія зла всѣ тѣ силы, которыя природа примѣняетъ лишь для созданія свѣта, тепла, жизни и красоты. Народъ, олицетворяющій Бога, совокупляетъ maximum науки съ maximum'омъ варварства. Слѣдовательно, его дѣятельность можетъ быть формулирована такимъ образомъ: варварство, усиленное наукой.

Таково послѣднее слово пресловутой доктрины, извѣстной подъ названіемъ германизма. Связь между крайними послѣдствіями этой доктрины и характерными особенностями современной войны теперь становится совершенно очевидной. Поставленная нами себѣ задача является разрѣшенной. Если, какъ будто противъ всякаго здраваго смысла, варварство у нѣмцевъ существуетъ на ряду съ культурой, если въ настоящую войну оно даже кажется связаннымъ съ этой культурой, то это потому, что германская культура въ значительной мѣрѣ отличается отъ того, что всѣмъ человѣчествомъ считается культурой и цивилизаціей. Человѣческая цивилизація старается сдѣлать даже самую войну болѣе гуманной.

Германская культура стремится, путемъ науки, безконечно увеличить ея первобытную жестокость. Все нѣмецкое должно отличаться исключительнымъ превосходствомъ: женщины, Богъ, вино, честность. Война, которую ведутъ германцы, вызываетъ у всѣхъ ужасъ и отвращеніе, такъ какъ она ведется въ полной мѣрѣ «на нѣмецкій ладъ».

Констатируя этотъ удивительный фактъ, весь свѣтъ съ тоской спрашиваетъ себя, каковы могутъ быть впослѣдствіи его отношенія къ Германіи. Германія сознательно и послѣдовательно нашей эллинской и христіанской цивилизаціи противопоставила разрушительную ярость гунновъ. Правда, что послѣ войны она сошлется на то, что, поступая такимъ образомъ, она, не безъ душевной боли, покорялась лишь условіямъ войны божественной и идеальной; въ то же время она дастъ понять, что готова простить своимъ врагамъ тѣ жестокости, которыя она была вынуждена примѣнить противъ нихъ. Но весь міръ рѣшительно откажетъ ей въ восхищеніи передъ этимъ опаснымъ великодушіемъ, которое при малѣйшемъ признакѣ сопротивленія превращается въ полное одичаніе. Всѣ покровы, скрывавшіе это, теперь сброшены. Германская культура дѣйствительно и безспорно является научнымъ варварствомъ. Міръ, который стремится въ настоящее время сбросить всякій деспотизмъ, никогда не сможетъ примириться съ деспотизмомъ варварства.

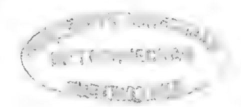
Какое, однако, разочарованіе, какое горе, потому что Германія прежде дѣйствительно считалась великой націей. Ей возносили хвалу во многихъ странахъ солидной и высокой культуры. Это потому, въ чемъ легко дать себѣ отчетъ, что направленіе нѣмецкой цивилизаціи заключало въ себѣ другія доктрины, чѣмъ тѣ, которыя развились въ ней подъ вліяніемъ Пруссіи. Германизмъ, формулированный пруссаками, состоитъ преимущественно въ презрѣніи къ другимъ народамъ и стремленіи къ главенству надъ ними; между тѣмъ, напр., Лейбницъ, столь же уважаемый въ латинскомъ мірѣ, какъ и въ германскомъ, проповѣдывалъ философію, которая признавала объединеніе лишь подъ видомъ гармоничнаго сочетанія свободныхъ, взаимно независимыхъ силъ. Лейбницъ восхвалялъ многогранность, разнообразіе, самоопредѣленіе. Между соперничающими силами онъ стремился установить отношенія, которыя примирили бы ихъ, не затрагивая и не уменьшая ихъ достоинства и независимости другъ отъ друга. Таковы, напр., его усилія по возсоединенію католической и протестантской церквей. Послѣ Лейбница появился Кантъ, безспорно нѣмецъ по духу, но, тѣмъ не менѣе, признающійся въ томъ, что на-

учился у Руссо чтить превыше ученыхъ, не имѣющихъ другихъ заслугъ, кромѣ науки, людей простыхъ, которые, не будучи научно образованными, обладаютъ моральными достоинствами. Исходя изъ положенія, что каждый человѣкъ, поскольку онъ способенъ къ проявленію моральныхъ достоинствъ, заслуживаетъ уваженія, онъ призываетъ человѣчество къ созданію не деспотической, универсальной монархіи, а свободнаго союза народовъ, въ которомъ каждый изъ нихъ имѣлъ бы свой личный нравственный обликъ, былъ бы свободенъ и независимъ.

Наклонность ставитъ свободу выше единства, а слѣдовательно уважать и считаться съ достоинствомъ другихъ народовъ, одновременно съ заботой о благѣ собственнаго народа, не угасла въ Германіи и послѣ Лейбница и Канта.

Въ январѣ 1869 г. я былъ посланъ министромъ народнаго просвѣщенія, Викторомъ Дюрюи, въ Гейдельбергъ для изученія и ознакомленія съ организаціей нѣмецкихъ университетовъ. Германія была для меня страной метафизики, музыки и поэзіи.

Я былъ весьма удивленъ, когда увидѣлъ, что внѣ лекцій весь интересъ сосредоточивался на вопросѣ о войнѣ, которую Пруссія предполагала объявить Франціи. Приглашенный на вечеръ, я услыхалъ за собою шопотъ: «Vielleicht ist er ein französischer Spion» (пожалуй, онъ французскій шпіонъ). Въ пивной студентъ садится рядомъ со мной и говоритъ: «Намъ предстоитъ воевать съ вами; мы возьмемъ у васъ Эльзасъ и Лотарингію». Ночью я видѣлъ изъ своего окна, выходящаго на Неккаръ, какъ студенты спускались на иллюминованномъ плоту по рѣкѣ въ своихъ корпоративныхъ костюмахъ, съ пѣніемъ пѣсенъ въ честь Блюхера, «который училъ французовъ на нѣмецкій ладъ». Даже въ университетѣ лекціи Трейчке, на которыхъ толпилась масса возбужденныхъ слушателей, въ дѣйствительности представляли изъ себя зажигательныя рѣчи противъ Франціи, возбуждая къ ненависти и войнѣ. Видя, что все вниманіе обращено лишь на подготовку къ войнѣ, я вернулся въ Парижъ къ пасхальнымъ каникуламъ того же 1869 г. вполнѣ убѣжденный, что скоро начнутся враждебныя дѣйствія. Вскорѣ мнѣ пришлось вновь вернуться въ Гейдельбергъ и познакомиться тамъ съ совсѣмъ другими лицами,

совсѣмъ иного направленія, съ совсѣмъ инымъ кругозоромъ. Я понялъ тогда, что общественное мнѣніе въ Германіи разбилось между двумя вполнѣ противоположными доктринами. Всѣ одинаково стремились къ объединенію Германіи, но расходились въ пониманіи способа его осуществленія.

Основнымъ положеніемъ Трейчке было—«Freiheit durch Einheit»: «свобода при посредствѣ единенія», т. е. объединеніе прежде всего, а затѣмъ уже свобода, потомъ, когда обстоятельства дадутъ возможность объ этомъ подумать, а чтобы сразу осуществить это объединеніе, которое въ данный моментъ и имѣло лишь значеніе, Германія должна объединиться подъ властью Пруссіи, въ виду предстоящей войны съ Франціей. Формулировкѣ Трейчке противопоставлялась формулировка Блюнчли, «Einheit durch Freiheit»: «единеніе при посредствѣ свободы». Эта доктрина, насчитывавшая тогда выдающихся представителей, стремилась прежде всего охранить независимость и равноправіе отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ и только затѣмъ установить между ними на этой почвѣ равноправія союзъ федеративнаго характера. Стремясь къ объединенію, безъ какой бы то ни было гегемоніи, въ предѣлахъ союза, эта партія одновременно стремилась и къ тому, чтобы не задѣвать другіе народы, въ особенности ничѣмъ не угрожать Франціи. Это было стремленіе къ созданію свободной Германіи въ ряду другихъ свободныхъ государствъ.

Германія въ это время стояла на распутьи. Послѣдуетъ ли она своимъ собственнымъ стремленіямъ, живымъ еще въ сердцахъ многочисленныхъ избранныхъ ея представителей, или же, отрекшись отъ себя самой, слѣпо пойдетъ по путямъ, намѣченнымъ ей Пруссіей? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

Партія войны, объединенія, какъ средства для нападенія и обогащенія на счетъ Франціи, т. е. партія прусская, побѣдила, а успѣхъ далъ ей еще большій перевѣсъ. Съ этихъ поръ мыслители, стремившіеся остаться вѣрными идеалу свободы и гуманности, были фактически уничтожены.

Возможно ли еще Германіи когда-нибудь вернуться къ тому распутью, на которомъ она стояла въ 1870 г., и пойти затѣмъ по другой дорогѣ, по дорогѣ Лейбницовъ, Кантовъ, Блюнчли, по дорогѣ, ведущей сперва къ свободѣ отдѣльныхъ

личностей и народовъ и лишь затѣмъ, только затѣмъ—къ нѣкоему виду согласія и гармоничнаго объединенія, въ которомъ въ равной мѣрѣ уважались бы права всѣхъ?

Мнѣ какъ разъ приходитъ въ голову изреченіе шотландскаго профессора Вильяма Найта: «The best things have to die and be reborn»: «лучшимъ вещамъ приходится умереть и вновь возродиться». Германія, которую уважалъ и которой восхищался весь свѣтъ, Германія Лейбница кажется умерла окончательно: возродится ли она?

II.

Фактъ, который съ самаго начала войны поразилъ и теперь еще поражаетъ весь міръ, это то попраніе божескихъ и человѣческихъ законовъ, которое съ первыхъ же шаговъ обнаружила Германія. Совершенныя преступленія такъ громадны, что часть общественнаго мнѣнія нейтральныхъ странъ, присоединяясь къ официальнымъ завѣреніямъ представителей нѣмецкой науки и искусства, *a priori* отвергла самую возможность совершенія ихъ. *They cannot have done that* (Они не могли этого сдѣлать), слышимъ мы съ разныхъ сторонъ.

Однако всѣмъ, кто не стремился подъ видомъ нейтралитета поддержать дѣло нѣмцевъ, пришлось сдаться очевидности. Было слишкомъ неоспоримымъ, согласно самымъ неопровержимымъ анкетамъ, что современная Германія, взявшая своимъ девизомъ «Deutschland über alles» [1]), предполагала навязать всему свѣту всѣ моральныя и матеріальныя послѣдствія этого принципа, выставленнаго аксіомой. Съ этого момента міръ очутился передъ тягостнымъ вопросомъ: Какъ! отечество Лейбница, Канта, Бетховена, Гёте дошло до того, что умышленно становится діавольскимъ оплотомъ противъ права, противъ цивилизаціи, противъ человѣчества? Что думать о такой метаморфозѣ? Реальна ли она? Глубока ли? Можетъ ли она быть длительной? Не сдѣлается ли вновь Германія сама собою, какъ только исчезнутъ тѣ обстоятельства, которыя заставили ее измѣнить своему основному характеру? Воз-

[1]) Германія превыше всего на свѣтѣ.

можно ли, что на свѣтѣ существуетъ народъ, который возводитъ варварство на степень проявленія культуры, и что этотъ народъ нѣмцы?

Вопросъ настоятельный, отъ разрѣшенія котораго будетъ зависѣть отношеніе другихъ націй къ Германіи по окончаніи войны.

Надо сознаться, что многіе довольствовались и довольствуются такимъ отвѣтомъ: «Да, Германія измѣнилась, преобразилась, стала неузнаваемой». Но это только случайное и временное явленіе, даже нормальное; это чисто физіологическая реакція организма, борющагося на смерть, организма, который пользуется безразлично всѣми средствами, находящимися въ его распоряженіи, чтобы побороть непріятеля. Разъ борьба будетъ окончена, организмъ, не ощущая болѣе опасности, естественно вновь вернется къ своему прежнему состоянію.

Это объясненіе натуралиста, равнодушнаго къ урокамъ исторіи, возразятъ тѣ, которые наблюдали эволюцію Германіи, въ особенности съ 1864 г. Но среди послѣднихъ многіе удовлетворяются въ свою очередь допущеніемъ, что въ Германіи, вслѣдствіе гегемоніи Пруссіи, мало-по-малу вкоренился милитаризмъ. Уничтожьте, говорятъ они, прусскій милитаризмъ, и благодарная Германія вновь станетъ той мирной и идеалистической страной, за процвѣтаніемъ которой міръ слѣдилъ съ симпатіей.

На ряду съ этими толкованіями, болѣе или менѣе оптимистическими, явилось и толкованіе совершенно противоположное. Роясь въ самомъ отдаленномъ прошломъ Германіи, многіе ученые думали найти тамъ доказательство устойчивости Германіи, все той же въ теченіе вѣковъ въ своихъ основахъ, каковы бы ни были поверхностныя изліянія ея теологовъ, ея философовъ, ея поэтовъ, ея музыкантовъ. И эта вѣчная Германія нисколько не разнилась отъ той Германіи, которую мы видимъ въ настоящее время. Мечтать объ обращеніи германскаго духа было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать превращенія волка въ ягненка.

Признаюсь, что мой умъ находится подъ давленіемъ этого толкованія, которое все вновь появляется во всѣхъ книгахъ,

получаемыхъ мною изъ-за границы, во всѣхъ разговорахъ съ представителями нейтральныхъ державъ.

Зародыши современныхъ теорій и нравовъ я нахожу не только въ Германіи среднихъ вѣковъ, столь тщательно и, быть можетъ, столь несовершенно обращенной къ христіанской доктринѣ любви и добра, но и въ идеалистической Германіи недавняго прошлаго, которую такъ охотно въ видѣ контраста противопоставляютъ Германіи настоящаго времени.

Кантъ, напримѣръ, составилъ трактатъ о вѣчномъ мирѣ. Но тотъ же Кантъ въ своемъ сочиненіи объ «Идеѣ всемірной исторіи» (1784 г.) пишетъ: «Да будетъ благословенна природа за отвращеніе къ примиренію, за ненасытное желаніе къ обладанію и господству, которыми она надѣлила человѣческую душу. Человѣкъ стремится къ согласію, но природа знаетъ лучше его, что для него хорошо: она стремится къ разногласію». Гёте заканчиваетъ своего Фауста знаменательными словами: «Вѣчно женственное (а подъ этимъ онъ подразумѣваетъ, какъ кажется, любовь, доходящую до самопожертвованія) тянетъ насъ за собой въ высь, къ небесамъ». Но на самомъ дѣлѣ Фаустъ обязанъ своимъ искупленіемъ Мефистофелю, т. е. діаволу, злу. Только отъ зла можетъ рождаться добро: таковъ въ этой поэмѣ незыблемый законъ реальнаго міра. Зло въ Фаустѣ Гёте—это необходимое условіе для возникновенія, даже источникъ добра; зло хорошо, потому что изъ зла, даже какъ конечной цѣли, непремѣнно проистекаетъ добро. «Я, говоритъ Мефистофель, частица той силы, которая всегда стремится къ злу и всегда порождаетъ добро».

Значитъ ли это, что идеологія современной Германіи проистекаетъ по прямой линіи отъ Канта и Гёте?

Нѣмецкая мысль, въ томъ видѣ, какой ее создали Лютеръ, Лейбницъ, Кантъ, Гёте и Бетховенъ, была разностороння, разнообразна и удивительно богата. Принципамъ, которые мы привели, въ извѣстной мѣрѣ составили противовѣсъ другіе, совершенно противоположные.

Мало смущаясь противорѣчіемъ, такъ какъ ей нравилась доктрина, что высшій разумъ умѣетъ соединить въ трансце-

дентальномъ синтезѣ тѣ самые принципы, которые обыкновенный умъ считаетъ несовмѣстимыми, нѣмецкая мысль культивировала съ одинаковымъ жаромъ—идеализмъ и реализмъ, объективизмъ и субъективизмъ, искусство и повседневную практичность, низкія и благородныя свойства человѣческой природы.

Начиная съ 1648 г., года Вестфальскаго договора, и въ теченіе послѣдующихъ 1806, 1813, 1815, 1864, 1866, 1870 годовъ, Германія среди различныхъ принциповъ, которые она питала, производила соотвѣтственный выборъ. Отбрасывая тѣ, которые не отвѣчали болѣе настоящему направленію ея ума, развивая исключительно и систематично другіе, она достигла того, что стала очень существенно отличаться отъ самой себя. Этимъ объясняется горестное и даже какъ бы недовѣрчивое удивленіе, которое испытываютъ многіе, знавшіе Германію до 1870 г., въ ту эпоху, когда ея судьбы не казались еще такъ опредѣленно и окончательно намѣченными. Тогда, конечно, прежнія разностороннія направленія свелись, видимо, къ двумъ тезисамъ: Германія выше Пруссіи, Пруссія выше Германіи, и между двумя подобными тезисами никакого примиренія быть не могло. Но тогда еще можно было спрашивать себя, которое изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ направленій одержитъ верхъ. Послѣ 1870 г. сомнѣнія больше быть не могло.

Германія настоящаго времени не есть попросту непосредственное развитіе прежней Германіи. Въ то же время она не является и фатальнымъ послѣдствіемъ неожиданнаго скороспѣлаго развитія. Это до нѣкоторой степени случайное сочетаніе вѣковыхъ наклонностей нѣмецкой души. Какъ же произошло это сочетаніе?

Въ послѣднее время часто повторяли слова Фридриха II: «Я сперва захватываю, зная, что всегда найдутся спеціалисты, которые сумѣютъ доказать, что я былъ въ своемъ правѣ». По этому взгляду слѣдовало бы искать объясненія поведенія нѣмцевъ единственно въ инстинктахъ, аппетитахъ, т.-е. импульсивныхъ силахъ, нѣдра нѣмецкой души. Напрасно выдвигаютъ

они идеи, принципы и разсужденія, которые выдаютъ за причины и мотивы своихъ дѣйствій. Отказываешься допустить, чтобы подобные акты дѣйствительно могли въ какой бы то ни было степени быть плодомъ разума, и волей-неволей приходится придерживаться въ этомъ случаѣ разсужденія, что мысль—это только отблескъ поступковъ. Поэтому предполагаютъ, что нѣмецкія теоріи, которымъ міръ удивляется, не что иное, какъ оправданіе *post factum* образа дѣйствія, не обоснованнаго на какой бы то ни было продуманной и серьезной мысли. Изъ этого заключаютъ, что если когда-нибудь нѣмцы встрѣтятся съ матеріальной невозможностью удовлетворять своимъ инстинктамъ, то всѣ эти постыдныя доктрины разсѣются какъ по волшебству. Но согласно ли это столь простое толкованіе съ дѣйствительностью?

Въ другихъ странахъ идеи, по отношенію къ фактамъ, по отношенію къ проявленіямъ иногда и играютъ скорѣе роль эпифеноменовъ, чѣмъ причинъ. Въ Германіи онѣ несомнѣнно сыграли свою роль. Каково было первоначальное происхожденіе этихъ германскихъ идей, вліяніе которыхъ устанавливаетъ историкъ? Никто не сможетъ этого сказать: въ глубинѣ человѣческой души мысль, воля и чувство тѣсно связаны между собою и постоянно воздѣйствуютъ и вліяютъ другъ на друга. Но не невѣроятно, что мысль сама по себѣ, мысль сознательная способна сама оказать непосредственное вліяніе, и Германія являетъ намъ исключительно разительный примѣръ такого рода воздѣйствія.

Начиная съ 1648 г., мы видимъ, какъ нѣмецкіе мыслители стараются все систематичнѣе и систематичнѣе насадить въ нѣмецкой душѣ ту идею, что состояніе раздробленности, въ которомъ находится Германія, и ея зависимость по отношенію къ иностраннымъ державамъ противны ея геніальности и ея судьбамъ и что, сплотившись и сознавъ своеобразность, Германія будетъ въ состояніи противостоять всему міру, пока не достигнетъ господства. Эта мысль, которая явилась въ 1841 г. основной темой пѣсни: «Deutschland über alles», въ XVII вѣкѣ не была продуктомъ движенія историческихъ фактовъ, такъ какъ тогда Германія была радикально и, какъ казалось, на вѣки-вѣчные раздроблена: это была напротивъ реакція

духа противъ факта. И это именно изъ нѣдръ германской мысли, мало-по-малу, пользуясь событіями, эта идея воплотилась и получила реальное осуществленіе.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ способѣ, какимъ произошла эта эволюція, было бы не безполезно разсмотрѣть нѣкоторыя положенія, странныя на первый взглядъ, которыя играютъ важную роль въ нѣмецкой философіи; это—понятія о трансцедентномъ сознаніи, о безсознательно присущей финальности, о конкретности мірозданія и о міровомъ волевомъ началѣ.

Эти понятія суть различныя выраженія той мысли, что индивидуальное сознаніе можетъ быть направляемо, управляемо, измѣняемо по усмотрѣнію, идеальнымъ общимъ планомъ, который, будучи болѣе реаленъ, чѣмъ сами эти сознанія, господствуетъ надъ ними, проникаетъ ихъ и до извѣстной степени пересоздаетъ эти сознанія. Такимъ образомъ, по Давиду Штраусу, не воплощенный Іисусъ видимаго міра основалъ христіанство и является его душою и двигателемъ, а Іисусъ идеалистическій, который одинъ можетъ быть совершенствомъ бытія и силы. Германскій планъ, способъ осуществленія этого плана, методъ, по которому, для этого осуществленія, будутъ использованы событія: все это живыя силы, воздѣйствующія на нѣмецкія сознанія, съ которыми эти сознанія могутъ и должны отожествляться.

И все происходитъ такъ, какъ будто нѣмецкое Провидѣніе ведетъ фатально нѣмецкія души къ предначертанной имъ этимъ Провидѣніемъ, цѣли. Итакъ, 1813, 1864—1866—1871 и 1914 гг. съ германской точки зрѣнія лишь послѣдовательные моменты одного общаго логически развивающагося процесса. Въ 1813 г. германское «я» освобождается отъ иностраннаго ига. Съ 1864 по 1871 г. это «я» достигаетъ могущества путемъ внутренняго объединенія. Въ 1914 г. оно приступаетъ къ агрессивнымъ дѣйствіямъ для созданія себѣ большаго простора.

По мѣрѣ того, какъ развертываются событія, ихъ истолковываютъ какъ откровенія и прогрессивное выполненіе плана, порожденнаго германскимъ сознаніемъ. Люди чувствуютъ себя избранниками и пассивными орудіями высшей воли. Они больше не мыслятъ, они не дѣйствуютъ болѣе самостоятельно

по своей волѣ: какъ въ нихъ, такъ и ими самими всецѣло осуществляется общая германская идея.

Въ чемъ же состоитъ этотъ планъ, зачатый и лелѣемый германской волей и мыслью, какъ нѣчто реальное, что дѣйствительно паритъ надъ людьми и внутри ихъ порождаетъ ихъ мысли и поступки?

Этотъ планъ—это сокращенная исторія всего міра, это цѣлая серія моментовъ, черезъ которые онъ долженъ пройти, чтобы выполнить свое предназначеніе.

Первая фаза—эта хаосъ; силы, изъ которыхъ состоитъ міръ, дѣйствуютъ вначалѣ такъ, какъ будто каждая существуетъ одна на свѣтѣ, какъ будто каждая независима и одарена свободой дѣйствія. Лишенныя всякой координаціи, всякой организаціи, эти силы производятъ только кратковременныя сочетанія и сами же разрушаютъ свои нелѣпыя порожденія.

Второй моментъ—это появленіе въ нѣдрахъ этой разнородности и этой радикальной неустойчивости сознанія, мысли, понятія. Это не извнѣ, не чудомъ, мысль явилась парить надъ этимъ хаосомъ, гдѣ сталкиваются первобытныя силы. Это изъ глубины самаго хаоса, благодаря борьбѣ, которую элементы ведутъ между собою, въ назначенный судьбою часъ зарождается идея. Въ самомъ нѣдрѣ хаоса нѣкоторыя сочетанія являются болѣе прочными, болѣе сильными, чѣмъ другія. Идея есть сознаніе той причины, по которой эти сочетанія обладаютъ подобнымъ преимуществомъ. Этой причиной является систематизація, организація, которая изъ множественнаго образуетъ единство, изъ раздѣльнаго создаетъ цѣлое. Съ этого времени идея возстаетъ передъ лицомъ хаоса и индивидуализма, какъ подтвержденіе превосходства и побѣды единства, иначе говоря, организаціи. Идея—это заповѣдь осуществлять совокупность, какъ единство.

Эта идея въ самомъ началѣ обладаетъ только безконечно малой долей объективной реальности. Но, порожденная реальнымъ, она способна воздѣйствовать на реальное, и мало-помалу, благодаря методичности, съ которой она послѣдовательно достигаетъ намѣченнаго и суммируетъ свои успѣхи, она по-

лучаетъ тѣлесность и становится способной побѣдоносно бороться съ безпорядочными толпами элементарныхъ силъ. Эта борьба идеи съ анархическимъ господствомъ отдѣльныхъ элементовъ есть вторая фаза развитія.

Третья фаза—это организація не только центральнаго ядра, но и совокупности всего міра; это объединеніе, методично распространяющееся, дѣлающееся болѣе сплоченнымъ и совершеннымъ по мѣрѣ того, какъ, благодаря своимъ пораженіямъ въ борьбѣ противъ идеи, отдѣльные элементы (отдѣльныя личности) и цѣлыя группы элементовъ (группы человѣчества) освобождаются отъ своего стремленія къ индивидуальности и независимости.

Таковъ планъ божественнаго промысла. Онъ a priori очевидно таитъ въ себѣ абсолютную неизбѣжность осуществленія. Впрочемъ намъ стоитъ только оглянуться вокругъ, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно осуществляется непреоборимымъ образомъ.

Идея породилась и окрѣпла—и не осталась отвлеченной идеей; она матеріализировалась и жила среди насъ: она воплотилась въ германской націи. Германцы, или тевтонская нація, это нація по преимуществу, потому что слово thiud происходитъ отъ deutsch (thiudisks), что значитъ нація, а Allemand (нѣмецъ), по Фихте, это All-Mann, т. е. все-человѣкъ, иначе говоря, человѣкъ міровой. Германская нація появилась какъ противоположность греко-римскаго разложенія и упадка. Попытки организаціи древняго міра, не вытекая изъ духа, были только опытами, предназначенными подготовить почву для тевтонской организаціи.

Германія проявила себя въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ 9 г. по Р. Хр., силой, не только враждебной могуществу латинскому, но вообще силой по своему существу воинственной. И въ самомъ дѣлѣ не въ свѣтлыхъ храмахъ классической мудрости, а только среди ужасовъ войны идея будетъ въ состояніи обрѣсти ту матеріальную силу, въ которой она нуждается, чтобы имѣть возможность насильно навязать себя непокорнымъ націямъ, упорнымъ въ отстаиваніи своей независимости.

Побороть латинянъ, создать и заставить восторжествовать теорію культуры, морально, религіозно и интеллектуально, противоположную принципамъ классической цивилизаціи—такова задача, выпавшая на долю Германіи.

А идея греко-латинская состояла въ томъ, что человѣкъ, обладая добродѣтелью и собственнымъ достоинствомъ, можетъ увеличить ихъ, стараясь приблизиться къ идеалу истины, красоты, справедливости и добра, идеалу, который постигается человѣческимъ разумомъ.

Германская идея слѣдовательно будетъ отрицаніемъ всякаго достоинства и добродѣтели, свойственныхъ человѣку по его сущности; это будетъ сосредоточіемъ въ совокупности, какъ единицѣ, какъ реальности существенной и высшей; выше какой бы то ни было добродѣтели, какой бы то ни было мощи, какого бы то ни было превосходства, и это будетъ низведеніемъ человѣческихъ личностей на ступень простыхъ инертныхъ составныхъ частей, получающихъ отъ цѣлаго, которое онѣ составляютъ, всю свою дѣятельность, все свое значеніе, всю свою реальность.

Съ другой стороны, такъ какъ греческая мысль видѣла въ злѣ, въ варварствѣ, въ грубости отрицательныя стороны человѣка, которыя цивилизація должна стремиться уменьшить и заставить исчезнуть, мысль германская возвела зло, насиліе, разрушеніе на степень элементовъ, присущихъ Цѣлому, божественному и абсолютному. Еще того болѣе, она устанавливаетъ взглядъ, что добро, миръ, свѣтъ могутъ быть порождаемы лишь зломъ, войной, мракомъ. Бога не будетъ, если Его не создастъ діаволъ, которому одному свойственно созидательное Могущество, а Богъ будетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока зло существуетъ, чтобы его вѣчно возсозидать. Если Мефистофель перестанетъ стимулировать Фауста, Фаустъ мгновенно успокоится, а въ тотъ день, какъ Фаустъ призоветъ покой, онъ умретъ. Человѣкъ неблагодаренъ по отношенію къ грѣху, къ преступленію: онъ не понимаетъ того, что надо грѣшить, чтобъ стать праведнымъ. «Sündig müssen wir werden, wenn wir wachsen wollen», говоритъ Магда Зудермана: «Мы должны стать грѣшными, если хотимъ развиваться». Германскій умъ постигъ Цѣлое, и только онъ одинъ можетъ его

постичь. При этомъ идея Цѣлаго такова, что постичь ее можетъ только тотъ, кто самъ равенъ Цѣлому, кто съ нимъ идентиченъ.

Весьма глубокомысленно и весьма учено a priori и a posteriori, особенно путемъ анализа характера нѣмецкаго языка, самаго коренного изъ всѣхъ языковъ, языка, олицетворяющаго жизнь по сравненію съ мертвыми языками латинскаго міра, философъ Фихте доказалъ нѣмцамъ, что нѣмецкое сознаніе составляетъ одно съ сознаніемъ міровымъ. Съ этого момента нѣмецъ можетъ во всѣхъ областяхъ подняться къ самому источнику бытія и жизни. Онъ можетъ, углубляясь въ себя, присутствовать и даже принимать участіе въ самомъ твореніи вещей, можетъ видѣть ихъ интуитивно, изнутри, раскрывая себѣ причины ихъ зарожденія, смыслъ и законы ихъ существованія. Другіе люди, наоборотъ, могутъ видѣть вещи только извнѣ при посредствѣ концепціи, вслѣдствіе мертвенности и инертности ихъ душевныхъ свойствъ. Они видятъ только цвѣты въ травникѣ, нѣмецъ познаетъ силу, которая заставила ихъ развиться изъ сѣмени.

При этомъ Духъ міровой, осуществляющійся въ германскомъ геніи, есть главнымъ образомъ сила организаціонная. Такимъ образомъ одни нѣмцы владѣютъ секретомъ всемірной организаціи. Другіе народы могутъ пытаться подражать идеальной организаціи, какъ художникъ подражаетъ краскамъ жизни. Но это подражаніе всуе, потому что оно идетъ извнѣ и потому что жизнь не можетъ быть творима путемъ сочетанія матеріальныхъ веществъ, непроницаемыхъ другъ для друга.

Dann hat er die Teile in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige Band.

«Онъ держитъ въ рукахъ отдѣльныя части; но, увы! ему не хватаетъ духовной связи».

Нѣмецъ, повѣренный, alter ego Бога, видитъ въ самомъ себѣ всю дѣятельность, начало всему: schaut alle Wirksamkeit und Samen.

Поэтому-то ему и принадлежитъ право организовать міръ согласно идеи Цѣлаго и второстепенныхъ идей, вытекающихъ

изъ нея. Это его дѣло составить изъ человѣческихъ націй всемірную систему человѣчества, все болѣе и болѣе сплоченную, могущественную, умиротворенную и прочную.

Этимъ опредѣляются судьбы, къ которымъ долженъ быть направленъ прогрессъ человѣчества.

Слѣдуетъ, въ этомъ отношеніи, отличать роль Германіи отъ роли, подобающей другимъ націямъ. Александръ Гумбольдтъ пишетъ: «Не существуетъ расы, про которую можно было бы сказать, что она благороднѣе другихъ: всѣ одинаково предназначены къ свободѣ». Ложная доктрина, принятая подъ французскимъ вліяніемъ. Связь германской націи съ Богомъ непосредственна, она божественная раса, раса наиболѣе благородная. Германскій императоръ имѣетъ право сказать «Я и Богъ». Другія націи могутъ войти въ сношенія съ Предвѣчнымъ только при посредствѣ Германіи. Въ виду этого Германіи нечего считаться съ нуждами, желаніями, нравами и правами другихъ націй.

«Одинъ голосъ, съ добавленіемъ къ нему гласа Божьяго, говоритъ Вильгельмъ II, всегда составляетъ большинство».

Вотъ почему германскій принципъ въ сущности не что иное, какъ мысль, заключающаяся въ изреченіи, которымъ Гёте заканчиваетъ свое произведеніе «Германъ и Доротея». Dies ist unser! so lasst uns sagen und so es behaupten! «Это наше!» Вотъ тотъ принципъ, который надо поддерживать по отношенію ко всѣмъ и противъ всѣхъ.

Германія должна думать только о себѣ. Эгоизмъ для нея— это законъ. Причина этому очень проста: Германія носитъ въ себѣ все то, что можетъ возвысить и прославить человѣчество, тогда какъ націи земныя, дѣти рода человѣческаго представляютъ изъ себя лишь производныя и низшія формы бытія. Германія исчерпывающе понимаетъ идеи, исторію, языкъ и стремленія народовъ и дѣлаетъ имъ справедливую оцѣнку. Но другіе народы не могутъ постичь и оцѣнить того, что касается Германіи. Вотъ то, что нѣмцы безъ устали стараются объяснить всему свѣту. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ философъ Вильгельмъ Вундтъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Die Nationen und ihre Philosophie», 1916 г. (стр. 78), оцѣниваетъ участіе французовъ до войны въ под-

готовкѣ интеракадемическаго изданія сочиненій Лейбница: «Французы предложили интернаціональному обществу академій довѣрить французской и берлинской академіямъ трудъ сообща издать полное изданіе сочиненій Лейбница. Но именно тѣ идеи, которыя составляютъ суть философіи Лейбница, остались непонятыми французскою мыслью. Въ этой философіи германская реформа, германская мистика и сверхъ всего германская манера исчерпывающе разрабатывать проблемы примѣняли слишкомъ жизненный методъ, чтобы эта философія могла пустить прочные корни на французской почвѣ». Такимъ образомъ все нѣмецкое превосходитъ пониманіе другихъ народовъ: нѣмецкая религія, нѣмецкая нравственность, нѣмецкая музыка, нѣмецкая нація, нѣмецкая наука, нѣмецкое благородство души.

Что касается однако нѣмецкаго эгоизма, то онъ не таковъ, какъ эгоизмъ другихъ народовъ.

Когда дѣло касается Германіи, абсолютный эгоизмъ идентиченъ съ абсолютной преданностью человѣчеству, потому что Германія—соль земли и что все то, что полезно ей, отражается благодѣтельно на цѣломъ мірѣ. У Германіи есть нравственный долгъ довольствоваться самой собой, думать и дѣйствовать только для себя и только самой по себѣ. Она одна обладаетъ свойствомъ цѣли въ себѣ (Zweck an sich selbst), которое Кантъ, подъ вліяніемъ французскаго индивидуализма, считалъ долгомъ приписать всѣмъ людямъ, всѣмъ націямъ. Націи идутъ по вѣрному пути только тогда, когда онѣ играютъ по отношенію къ Германіи роль средства или орудій.

Германіи одной должна быть предоставлена сила, при посредствѣ которой только и могутъ быть водворены миръ и справедливость среди людей. Подъ господствомъ Германіи народы обрѣтутъ истинныя блага, которыя они не смогли бы отвоевать сами по себѣ: безопасность, порядокъ, методичность, роль, которая соотвѣтствуетъ ихъ достоинствамъ и способностямъ, средства для извлеченія наибольшей выгоды изъ матеріальныхъ данныхъ и ихъ способностей. Способствовать какъ вспомогательные органы существованію и развитію высшаго организма, это для всего живого болѣе высокое назначеніе, чѣмъ образованіе, оставаясь изолированными, организмовъ индивидуальныхъ, независимыхъ, но элементарныхъ.

Первая фаза возрожденія состоитъ такимъ образомъ для народовъ въ отреченіи отъ своей независимости, чтобы подняться на степень орудій нѣмецкой воли. Но есть еще степень высшаго совершенства, на которую великодушіе Германіи позволяетъ имъ претендовать. Германія не только воплощеніе единства, она кромѣ того, и притомъ она одна, является олицетвореніемъ принципа истинной свободы. Она обладаетъ и можетъ требовать обладаніе той свободой, которая состоитъ не въ произвольномъ распоряженіи самимъ собою, не въ стремленіи, въ силу яко бы присущей индивидуальной свободной воли, т. е. силы, возстающей противъ цѣлаго, а состоитъ въ отождествленіи съ цѣлымъ, которое не что иное, какъ олицетвореніе Бога. Раздѣляя съ Богомъ потребность въ распространеніи, которое характеризуетъ безконечное, Германія расширяетъ свои предѣлы и естественно дѣлается защитницей національзма и свободы народовъ. Напрасно эти народы полагали бы, что обладаютъ своею особою личностью и стремленіемъ развиваться согласно съ особенностями своихъ свойствъ: если они противятся направленію, даваемому Германіей, то, значитъ, они обманываются. Только черпая изъ божественнаго источника бытія и сознанія, человѣкъ можетъ создать себѣ личность реальную, живую, достойную и способную существовать. Народы и отдѣльныя личности станутъ сами собою, облекутся въ національность и свободу, уже не воображаемую и анархическую, а дѣйствительную и нравственную, только тогда, когда они станутъ способными думать и дѣйствовать не только подъ управленіемъ Германіи и въ видахъ ея возвеличенія, но въ силу самой германской души, такъ, чтобы они могли провозгласить: это уже не я живу, а это Германія живетъ во мнѣ.

Объединившись съ Германіей сознаніемъ и волей, они не будутъ уже, собственно говоря, орудіями Германіи. Они будутъ дѣйствительно сами собою, дѣйствительно свободны, такъ какъ сами собою пожелаютъ служить Германіи. Единеніе отдѣльной личности съ цѣлымъ, Einheit des Einzelnen mit dem Ganzen — таково нѣмецкое опредѣленіе свободы.

Такъ совершится, во всей полнотѣ, задача Германіи, которую можно было бы резюмировать слѣдующимъ образомъ: пересоздать міръ, вложивъ въ него германскую душу.

Таковъ божественный Промыселъ. Какимъ же путемъ Германія станетъ осуществлять его?

Принятый ею методъ является слѣдствіемъ доктрины, повидимому одной изъ самыхъ характерныхъ для нѣмецкой мысли.

Греки, настойчиво различая въ вещахъ два элемента, которые они называли матеріей и душою, хотѣли указать этимъ, что законы этихъ двухъ сущностей радикально различны другъ отъ друга. По ихъ мнѣнію, въ мірѣ матеріальномъ господствуетъ слѣпая необходимость. Для области духа, наоборотъ, является закономъ истина и красота, и духъ поднимается къ идеальной цѣли свободнымъ полетомъ, сбросивъ гнетъ необходимости и повинуясь свободно притягательной силѣ убѣжденія. Тамъ царитъ грубая сила, здѣсь сила слова и интеллекта, а задачей цивилизаціи считалось сдѣлать дѣйствительными эти силы — интеллектъ и слово—чисто моральнаго свойства, въ самыхъ нѣдрахъ матеріальнаго міра. Богъ Аристотеля—Богъ правды и доброты, но не силы. Его дѣятельность состоитъ въ томъ, чтобы притягивать къ себѣ, покорять и одухотворять силы, которыя разнуздываются въ мірѣ необходимостей. Нѣмецкіе же философы, считая психическія силы несоизмѣримыми съ силами физическими, въ то же время допустили, что первыя подчинены не менѣе суровымъ законамъ необходимости, чѣмъ вторыя. Почти у всѣхъ ея представителей нѣмецкая мысль отрицаетъ, какъ нелѣпую, какъ нечестивую, всякую доктрину свободы воли и старается установить понятіе о нравственной свободѣ, какъ подчиняющейся еще болѣе суровымъ законамъ причинности, чѣмъ физическія явленія въ механикѣ. Быть свободнымъ, по Канту, значитъ быть освобожденнымъ отъ принужденія, которому подчинена личность, сложившаяся не по общему закону, и всецѣло слить свою волю со всемірной причинной необходимостью, первоначальной и абсолютной. Греція постаралась развѣнчать восточный фатализмъ, Германія въ своей трансцедентной метафизикѣ задалась цѣлью возстановить его господство.

Если моральныя силы, прежде всего, силы, подчиненныя абсолютному детерминизму, то онѣ зависятъ не въ меньшей степени, чѣмъ силы физическія, отъ аксіомы: знать значитъ

мочь. Кто обладаетъ знаніемъ законовъ психическихъ, тотъ можетъ управлять, полагаютъ нѣмцы, чувствами, мыслями, волей и душою людей, точно такъ же, какъ инженеръ, знаніемъ законовъ механики, управляетъ силами природы. Пусть поэтому не заблуждаются насчетъ значенія разницы, устанавливаемой нѣмецкими философами между реальностями, доступными нашимъ чувствамъ, и переживаніями области моральной. Эти послѣднія подчиняются у нихъ своего рода метафизически устанавливаемымъ механическимъ законамъ не менѣе неизмѣннымъ, чѣмъ законы механики физической. Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, сказано въ Св. Писаніи. Нѣмцы хотятъ заставить его вѣять тамъ, гдѣ они пожелаютъ.

Первое условіе, чтобы осуществить германскій планъ, это внѣдрить его основы въ нѣмецкіе умы такъ, чтобы они не могли больше думать, судить, понимать и дѣйствовать иначе, какъ подъ вліяніемъ германской идеи. Результатъ же этотъ можетъ быть достигнутъ при посредствѣ практической науки— педагогіи, принципы которой нѣмецкая философія позволяетъ установить лучше, чѣмъ всякая иная философія.

Латинскіе народы, чтобы развить человѣческое существо, придерживались того, что у нихъ называлось воспитаніемъ и образованіемъ. Это воспитаніе и это образованіе брали своимъ исходнымъ основаніемъ человѣческую природу, ея свойства, наклонности и стремленія.

Въ виду этого, это воздѣйствіе было сложнымъ сочетаніемъ науки и искусства, методичности и свободы и притомъ не претендовало достигнуть намѣченной цѣли съ непогрѣшимостью научной техники. Германія же хочетъ воспитанія, которое создало бы совершенно опредѣленный умственный и нравственный складъ, какъ при извлеченіи углерода изъ чугуна получается сталь: «Намъ надо, говоритъ Фихте въ своихъ *рѣчахъ къ нѣмецкому народу*, такое воспитаніе, которое непремѣнно порождало бы то необходимое намъ, что мы имѣемъ въ виду. Дѣло въ томъ, чтобы непремѣнно создать въ человѣкѣ непреклонную волю». Поэтому нѣмцы впредь никоимъ образомъ не будутъ считаться съ естественнымъ природнымъ развитіемъ и съ чувствами воспитываемаго. Во вниманіе будутъ приняты только одни механическіе законы пси-

хики, такими, какъ ихъ устанавливаетъ нѣмецкая наука, и эти законы будутъ примѣнены къ тому, чтобы создать въ воспитываемыхъ нѣмецкій образъ мышленія подобно тому, какъ въ промышленности примѣняются физическіе законы, чтобы достичь опредѣленнаго физическаго результата. Понятая такимъ образомъ педагогія заслуживаетъ того, чтобы ее различить отъ классическаго воспитанія и образованія, даже по названію.

Таковъ методъ, которымъ Германія замѣняетъ греко-латинское воспитаніе и образованіе. Какъ же она выполняетъ его?

Цѣль, которой она задалась—это обработать умы такъ, чтобы на каждое получаемое впечатлѣніе автоматически реагировалъ желаемый рефлексъ, рефлексъ прусскій, или, на языкѣ настоящаго времени, рефлексъ нѣмецкій. Задача, которую слѣдуетъ выполнить, можетъ быть опредѣлена, какъ созданіе извѣстнаго инстинкта. Инстинктъ же, это стремленіе и притомъ къ точно опредѣленной реакціи, стремленіе, которое, не будучи сдерживаемо никакимъ другимъ стремленіемъ, переходитъ въ актъ, какъ только оказывается возможность, немедленно и неудержимо. Чтобы создать подобную склонность, нѣмецкая педагогія дѣйствуетъ путемъ тщательно приспособленнаго подбора. Съ одной стороны она удаляетъ всѣ вліянія, могущія возбуждать или поддерживать противоположныя склонности. Съ другой стороны, она собираетъ и концентрируетъ всѣ вліянія, могущія создать то состояніе духа, которое надо вызвать. Создавая такимъ образомъ настоящій моноидеизмъ, она дѣлаетъ невозможнымъ обсужденіе, источникъ сомнѣній и колебаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ дѣйствію ту рѣшительность и цѣлостность, которыя даютъ ему полноту силы.

Разсматривая детально нѣмецкую систему воспитанія, мы видимъ, что она постоянно руководствуется подобными принципами. Нѣмецкіе школьники тщательно ограждаются отъ искушенія непосредственно ознакомиться съ чѣмъ бы то ни было иностраннымъ. Все иностранное, утверждаютъ нѣмцы, можетъ быть видимо въ настоящемъ его видѣ только сквозь призму нѣмецкихъ взглядовъ.

Въ Германіи основнымъ положеніемъ является то, что нѣмцамъ нечему учиться отъ иностранцевъ.

«Wir sind die Meister [1]) aller Welt»: «Мы мастера и владыки всего свѣта»,—такія слова можно прочесть въ собраніи стихотвореній для нѣмецкихъ солдатъ 1914 г., озаглавленномъ: «Der deutsche Zorn»: «Гнѣвъ нѣмцевъ».

Нѣмцевъ учатъ, чтобы оцѣнить то, что могутъ сказать иностранцы, становиться на точку зрѣнія, указанную въ знаменитой эпиграммѣ Шиллера:

«Du willst wahres mich lehren? Bemühe dich nicht: nicht die Sache will ich, durch dich, ich will dich durch die Sache nur sehen». «Ты хочешь научить меня истинѣ. Не трудись. Я не хочу видѣть вещи черезъ твое посредство, но тебя только черезъ посредство вещей». Въ философіи Декарта, въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, въ принципахъ французской революціи нѣмецъ не сумѣетъ увидѣть ничего другого, какъ документы, которые онъ употребитъ на то, чтобы опредѣлить французскій духъ. О значеніи этихъ произведеній съ точки зрѣнія красоты и истины, или справедливости не можетъ быть и рѣчи. Вотъ, напримѣръ, значеніе философіи Декарта такъ, какъ его опредѣляетъ профессоръ Вундтъ, на стр. 21 сочиненія, уже упомянутаго выше: «Декартъ обнаруживаетъ исключительный талантъ, вообще присущій французамъ, скрывать подъ великолѣпной риторикой скудность своей мысли. Онъ примѣняетъ это искусство убѣжденія съ совершенствомъ стилиста, которое, еще и теперь, дѣлаетъ чтеніе его сочиненій изысканнымъ умственнымъ наслажденіемъ».

Если съ одной стороны нѣмецкая педагогія тщательно обходитъ или перетолковываетъ на свой ладъ все ненѣмецкое, то съ другой стороны она одновременно нагромождаетъ и выдвигаетъ всѣ надежныя и ведущія прямо къ цѣли средства, которыми она располагаетъ, чтобы создать исключительно германскій образъ мышленія. Гимнастика, грамматика, ариѳметика, географія, танцы, естественная исторія, иностранные языки и литература, работа, игры, чтеніе, прогулки, торжества, религія, попойки и пирушки: во всемъ превозносится Германія, во всемъ подчеркивается ея исключительность и

[1]) Слово Meister имѣетъ два значенія—«мастеръ» и «владыка», въ данной пѣснѣ оно имѣетъ и то, и другое значеніе.

несравненность. И все воспитываетъ нѣмца къ презиранію и къ эксплоатированію иностранцевъ.

Никакія занятія не способствуютъ такъ достиженію этой цѣли, какъ изученіе исторіи. Преимущественная роль, которую играетъ въ нѣмецкой педагогіи пріемъ замалчиванія, здѣсь особенно бросается въ глаза. Всѣ руководства по исторіи, которыя даютъ въ руки школьникамъ, озаглавлены: «Weltgeschichte»: «Всемірная исторія». Мѣсто же, которое въ нихъ занимаютъ остальные, кромѣ нѣмцевъ, народы, крайне ограничено, и все, что въ нихъ о ненѣмцахъ допущено, систематически обезцѣнивается. Наоборотъ, роль Германіи выдвинута на первый планъ и превозвеличивается на каждой страницѣ. Вся исторія направлена къ идеѣ повсемѣстнаго водворенія царства Божьяго, т. е. германскаго, на землѣ.

Исторія раздѣлена на два періода, изъ которыхъ одинъ въ сущности составляетъ только вступленіе: періодъ до, и періодъ послѣ столкновенія Рима съ Германіей. И этапы всемірной исторіи, начиная съ побѣды Германа (Армина) надъ Квинтиліемъ Варомъ, отмѣчены именами Оттона Великаго, Лютера, Фридриха II и Бисмарка. Въ 1864 г. начинается послѣдняя и окончательная фаза исторіи. Начиная съ войны Германіи съ Даніей, въ самомъ дѣлѣ, исторія міра идетъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ впередъ, уже безъ задержекъ и уклоненій, къ своимъ преднамѣченнымъ судьбамъ. Въ виду этого обученіе всемірной исторіи въ нѣмецкихъ школахъ и начинается съ 1864 г. Выдающійся англійскій зоологъ, г. Чальмерсъ Митчелль, въ замѣчательной книгѣ, озаглавленной «Эволюція и война» (изд. 1915 г.), находитъ, что исторія, такимъ образомъ обработанная, профильтрованная, обеззараженная и начиненная, походитъ менѣе на то, что мы называемъ исторіей, чѣмъ на разводку культуръ для психологической прививки.

Германія воспитательница всего міра. Но вначалѣ народы не расположены признать за нею право на эту роль. Мы знаемъ, что обожествляющая себя германская педагогія начинаетъ свое воспитательное воздѣйствіе наведеніемъ страха. *Timor Domini initium sapientiae* [1]). Подобнымъ же образомъ

---

[1]) Страхъ Божій—начало мудрости.

Германія должна первоначально внушить ужасъ народамъ. Вотъ почему она постоянно или обрушивается на нихъ войною, или угрожаетъ имъ. Она неотступно держитъ ихъ передъ альтернативой: покориться или погибнуть. Хотя Германія, когда не объявляетъ войны, обыкновенно употребляетъ угрозы, все же она умѣетъ прибѣгать и къ средствамъ обольщенія. Она охотно становится двуличной, дѣлая съ одной стороны привѣтливое, любезное лицо, *kokettirend*, какъ говорятъ нѣмцы, чтобы обѣщать разумнымъ народамъ свое покровительство, съ другой — въ то же время надѣваетъ грозную маску, чтобы устрашить непокорныхъ.

Германія, впрочемъ, не хочетъ войны ради войны, она искренно миролюбива. Но она всегда самымъ настоящимъ образомъ находится наготовѣ къ войнѣ. И когда ей кажется, что народы положительно дѣлаются дерзкими («Als die Römer frech geworden» [1]), говорится въ пѣснѣ), когда она боится, какъ бы продолжительность мира не смягчила ея подданныхъ, она рѣшительно примѣняетъ великій естественный и божественный законъ, который требуетъ, чтобы миръ былъ всегда лишь завершеніемъ войны и поддерживался только вновь начинаемыми удачными войнами. Война при этомъ ведется согласно волѣ Провидѣнія со всею жестокостью первобытныхъ народовъ, совсѣмъ не считаясь съ протестами душъ чувствительныхъ, иначе говоря, женственныхъ. Война ведется Пруссіей, которая стоитъ выше той посредственной индивидуальной морали, какъ конца въ себѣ, на которой остановился Кантъ, но которая имѣетъ только относительную цѣнность и касается, во всякомъ случаѣ, только каждаго человѣка въ отдѣльности. Пруссія, какъ высшая осуществительница божественнаго промысла, можетъ имѣть обязательство только по отношенію къ самой себѣ. Иначе говоря, ея долгъ не допускать въ своихъ отношеніяхъ съ другими государствами иного закона, какъ право сильнаго, и всѣми средствами стараться всегда быть болѣе сильной, чѣмъ они. Ея задача организовать Германію, потомъ весь міръ, и пересоздать человѣчество. Ея дѣло сходно съ дѣломъ постройки большихъ средневѣко-

[1]) Когда римляне стали дерзкими.

выхъ каѳедральныхъ соборовъ. Кому какое дѣло въ настоящее время до бѣдствій, низостей, несправедливостей, преступленій и жестокостей, которыя могли сопровождать благочестивую работу, являясь притомъ ея послѣдствіями? Что такое отдѣльныя личности по отношенію къ грандіозному, коллективному дѣлу созиданія, въ которомъ они участвуютъ, не понимая его? Эти личности вновь погружаются въ лету, откуда онѣ всплыли только на одно мгновеніе по зову духа, которому нужны были ихъ руки, чтобы явить себя. Но плодъ этихъ рукъ остается—плодъ, который одинъ только и имѣетъ значеніе. Къ тому же, кто сможетъ обвинить Германію въ низкомъ избіеніи честныхъ и безобидныхъ народовъ, обвинить въ томъ, что она отрекалась отъ своей подписи, что убивала дѣтей, стариковъ и женщинъ, что она съ грубостью дикарей вливала свою благородную кровь въ выродившіяся расы... когда весь свѣтъ станетъ нѣмецкимъ и будетъ воспитанъ въ прославленіи и благословеніи нѣмецкаго ига?

Какъ наука и метода, порожденныя умомъ, даютъ всемогущество и возможность пересоздать міръ, такъ и дѣло, разъ оно закончено, реагируетъ на душу и сердце человѣка и вызываетъ въ немъ чувство. Спасенные Германіей и возрожденные ею къ новой жизни народы со временемъ полюбятъ ее.

Таковой мнѣ представляется нѣмецкая идея. Гейне говорилъ: «Германія, это душа, которая ищетъ себѣ тѣло». Германія съ постоянствомъ, съ методичностью и съ твердостью, которыя важно цѣнить по достоинству, задумала планъ устройства человѣческаго общества, отождествилась съ этимъ планомъ и, все болѣе и болѣе систематично, пустила въ ходъ всѣ физическія и моральныя силы, которыми только можетъ располагать человѣкъ, чтобы осуществить его.

Этотъ планъ необыкновененъ. Это идея абсолютной искусственности. Съ природными свойствами людей, ихъ склонностями, желаніями и чувствами считаться нечего. Нечего считаться и съ истиной и справедливостью, передъ которыми преклоняется человѣческій родъ. Планъ устроенія міра, который философъ Кантъ набросалъ *a priori*, комбинируя, по

предписанію трансцедентальнаго сознанія, формы чувствительности и категоріи мыслительной способности, не считался совершенно съ природой, присущей даннымъ элементамъ. Эти элементы безконечно разнообразны («das Mannigfaltige»), философъ предполагаетъ ихъ абсолютно индиферентными и податливыми, какъ воскъ, и вылѣпляетъ изъ нихъ міръ, гдѣ существа не имѣютъ другихъ свойствъ, кромѣ органически имъ присущихъ. Подобнымъ же образомъ нѣмецкая мысль видитъ во всемъ, что не она, только матеріалы и орудія, и она присваиваетъ себѣ право и власть употреблять по своему произволу все, чтобы самой осуществиться во всей полнотѣ.

Нѣмцы убили въ себѣ то, что люди называютъ искренностью, т. е. способность чистосердечно дѣйствовать, говорить и думать по правдѣ. Все для нихъ является средствомъ, уловкой, способомъ, комбинаціей, которые ведутъ къ осуществленію ихъ честолюбія. Во всемъ, что они говорятъ, во всемъ, что они дѣлаютъ, въ негодованіи, которое проявляютъ, въ ласкахъ, которыя они оказываютъ, «замѣтно намѣреніе, и это возбуждаетъ безпокойство» (слова Гёте).

Разрушить въ себѣ искренность—это значитъ разрушить въ другихъ довѣріе къ себѣ.

Еще однимъ германскимъ софизмомъ нѣмцы наконецъ объясняютъ свое презрѣніе къ истинѣ, болѣе высокой ступенью правдивости, искренностью совершенно исключительною. Настоящая искренность, учатъ нѣмецкіе философы, непремѣнно требуетъ соотвѣтствія словъ и поступковъ, не съ неизмѣнной формулой, не съ мертвой буквой, а съ живымъ принципомъ, изъ котораго проистекаетъ всякая истина и всякое бытіе, т. е. съ неуловимымъ трансцедентнымъ сознаніемъ.

«Какъ! ты просишь дать тебѣ это письменно? педантъ!— говоритъ Фаустъ Мефистофелю. Развѣ ты никогда не имѣлъ дѣла съ человѣкомъ, со словомъ человѣка? Слово умираетъ, сходя съ конца пера».

> Auch was Geschriebenes forderst du, Pedant!
> Hast du noch keinen Mann, nicht Mannerswort gekannt?
> . . . .
> Das Wort erstirbt schon in der Feder.

Единственная искренность, которая дѣйствительно идетъ

въ счетъ, это трансцедентальное сознаніе, она одна и притомъ всеобща, наши же частныя сознанія всегда являются только ея несовершеннымъ изображеніемъ. Трансцедентальное сознаніе удѣлъ именно нѣдръ нѣмецкой души и только ея одной. И такимъ образомъ нѣмцы одни судьи своей искренности, также, какъ своей отвѣтственности вообще. До мнѣнія о нихъ другихъ людей имъ нѣтъ никакого дѣла.

Возможно ли, скажутъ, чтобы такія странныя идеи могли имѣть практическое значеніе, и если, въ самомъ дѣлѣ, философія, пропитанная такими идеями, направляетъ въ настоящее время мысль не только нѣкоторыхъ людей съ оригинальнымъ складомъ ума, но и всего нѣмецкаго народа, взятаго въ совокупности, то можемъ ли мы видѣть въ этомъ явленіи что-либо другое, чѣмъ случай сумасшествія, уже не единичнаго, а коллективнаго, явленіе конечно весьма интересное для психолога или врача, но неспособное оказать реальнаго вліянія на судьбы человѣчества.

Было бы въ высшей степени неосторожнымъ смотрѣть на данную дѣйствительность просто какъ на объектъ медицинскаго изслѣдованія или предметъ для академическихъ преній. Не въ томъ дѣло, правдоподобны ли эти идеи или нелѣпы, трудно ли или легко опровергнуть ихъ. Не въ томъ дѣло, здоровы ли или разстроены мозги, пропитанные ими, а въ томъ, что эти идеи не остались отвлеченными. Путемъ психологической дрессировки, путемъ постояннаго искуснаго примѣненія цѣлой системы не только матеріальнаго, но и моральнаго характера, эти идеи, въ самомъ дѣлѣ, получили тѣлесность, стали силами, стали принципами активной дѣятельности. Душа получила тѣлесность по словамъ Гейне. Тѣло же—это собственно цѣлая система инстинктовъ, склонностей и привычекъ, усвоенныхъ, установившихся и образовавшихъ одно общее цѣлое, такимъ образомъ, что они впредь имѣютъ способность сопротивляться, самосохраняться и развиваться.

Германія въ настоящее время, а вмѣстѣ съ нею и значительная часть Австро-Венгріи, пропитана до мозга костей образомъ мысли и сужденія, волей и чувствами, привитыми ей прусскимъ господствомъ. Разсчитывать вернуть ее въ то

умственное и нравственное состоянie, въ которомъ она находилась, когда еще не подпала подъ это влiянie, праздная мечта. Напрасно было бы отрицать внутреннюю способность къ самовозстановленiю и къ концентрацiи силъ у страны, для которой эпохи 1648 и 1806 гг. были шагомъ назадъ, подготовляющимъ новый порывъ впередъ. А могущество нѣмецкихъ педагогическихъ методовъ достаточно проявилось въ глубокой, умственной и нравственной однородности, которая такъ характерна въ настоящее время для цѣлаго ряда народностей, столь различныхъ по происхожденiю и традицiямъ. Сколько насчитывается знаменитыхъ нѣмцевъ, сколько большихъ германскихъ городовъ, имена которыхъ, болѣе или менѣе измѣненныя, указываютъ на славянское, латинское или кельтическое происхожденie! Если иногда это происхожденie и оставило слѣды, или даже выразилось въ сильномъ сопротивленiи германизацiи, то въ большинствѣ случаевъ нѣмецкiй отпечатокъ кажется удивительно глубокимъ.

Послѣ, какъ и до войны, этотъ типъ полный ума и воли, который, объединяя нѣмецкiя души, создалъ германизмъ, будетъ продолжать существовать. Германiя измѣнится, если ей суждено измѣниться, только путемъ внутренняго, нравственнаго перерожденiя. Но кто можетъ сказать, что подобное перерожденie наступитъ?

Что зависитъ отъ насъ—это имѣть завтра не менѣе твердую волю, чѣмъ сегодня, поддержать не на словахъ, а на дѣлѣ, священные принципы, за которые мы боремся: свободу и человѣческое достоинство, независимость какъ великихъ, такъ и малыхъ народовъ, уваженie къ справедливости и нравственности въ международныхъ сношенiяхъ и сношенiяхъ между отдѣльными личностями.

Что зависитъ отъ насъ—это дать себѣ отчетъ въ смертельной опасности, которая намъ угрожаетъ въ случаѣ, если мы посмотримъ на эту войну просто какъ на кошмаръ, ужасный, конечно, но скоро преходящiй, и вообразимъ, что по подписанiи мира мы будемъ въ состоянiи вновь начать нашу жизнь съ того момента развитiя, на которомъ она остановилась въ iюлѣ 1914 г.

Мы въ должной степени предупреждены. Угрозы гер-

манскаго императора и генерала фонъ-Бернгарди, офиціальныхъ истолкователей нѣмецкихъ идей, не были пустыми словами. Германія считаетъ владычество надъ міромъ, а въ особенности окарнаніе и порабощеніе своихъ сосѣдей непремѣннымъ условіемъ для своего существованія. «Weltherrschaft oder Niedergang»: «Всемірное господство или паденіе!»—вотъ ея девизъ. Впрочемъ Германія давно уже вѣритъ, и несмотря ни на что, во всемогущество идеи, чтобы создать фактъ, во всемогущество воли и системы, чтобы вызвать силу духовную, объединеніе, энтузіазмъ и настойчивость, такъ же, какъ и физическую мощь. Не количество видимой силы, которая у нея останется послѣ войны, явится мѣриломъ опасности, которой она будетъ еще подвергать человѣчество, а степень настойчивости ея воли въ стремленіи къ господству, возвеличенію и угнетенію. Тайная, невидимая, скрываемая, отрицаемая, эта воля, если судить о будущемъ по прошедшему, будетъ продолжать существовать. А что такое мирный договоръ? Что такое обязательство нѣмцевъ? Нѣмецкая искренность состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ сознательно употреблять всѣ представляющіяся средства, чтобы обмануть другихъ на благо Германіи.

Мы, конечно, понимаемъ и не забудемъ впредь, что проповѣдывать разоруженіе—это значитъ желать отдаться во власть Германіи и что пацифизмъ означаетъ согласіе на германизацію всего міра. Не случайно Нобелевская премія мира была въ 1914 г. обѣщана Вильгельму II.

И въ насъ, конечно, постоянно будетъ господствовать мысль, что то, что составляетъ нашу страну, это наша земля, которая насъ породила, это нашъ народный духъ, выразившійся въ нашихъ традиціяхъ, въ нашей исторіи, въ нашей литературѣ, въ нашихъ памятникахъ, въ нашихъ нравахъ, въ нашемъ государственномъ устройствѣ, такъ что пренебрегать нашимъ прошлымъ, чтобы имѣть въ виду только будущее, отвлеченное и туманное, значило бы лишать наши взгляды ихъ внутренняго содержанія, ихъ красоты, ихъ жизни, ихъ дѣйствія на душу народа и низвести ихъ въ состояніе пустыхъ звучныхъ словъ, которыя не породятъ больше ничего, потому что они оторваны отъ живой жизни. Конкретнымъ и реальнымъ является прошлое; сохранить свою лич-

ность—это значитъ осуществить своему прошлому его цѣль въ настоящемъ и сохранить ему его виды на грядущее.

Но, если содѣйствовать сохраненію и процвѣтанію своей страны, наслѣдію отъ отцовъ нашихъ, является нашимъ первымъ долгомъ, то результатомъ настоящей войны должно быть то, что намъ придется отказаться отъ придаванія преувеличеннаго, чуть ли не жизненнаго, значенія мелочнымъ разногласіямъ, имѣющимъ въ сущности совершенно ничтожное значеніе.

Можно жить, не навязывая другимъ своихъ вѣрованій, своихъ мнѣній, своихъ привычекъ и не претендуя на господство и угнетеніе другихъ. Но что станется съ человѣческой жизнью, если у нея отнять ея традиціи, ея разнородность, ея свободу, ея поэзію, отнять вѣрность, справедливость и человѣколюбіе? Между тѣмъ и завтра, какъ сегодня, намъ придется отстаивать эти высшія блага, если мы хотимъ ихъ сохранить.

О германской политикѣ [1]).

(Мысли по поводу книги князя фонъ Бюлова).

Всего за нѣсколько дней до объявленія войны на французскомъ языкѣ появился переводъ книги князя фонъ Бюлова «Нѣмецкая политика», выпущенный г. Морисомъ Гербертомъ и снабженный предисловіемъ г. де Сельва. Г-нъ де Сельвъ хотя и былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ недолгое время, но вполнѣ достаточное, чтобы узнать общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и быть въ состояніи высказать о немъ вѣрное сужденіе. Онъ хорошо понимаетъ и разъясняетъ противорѣчіе, существующее между затаенными мыслями князя фонъ Бюлова и его книгой.

Рѣдко гдѣ, желанія и честолюбивые замыслы Германіи указаны и изложены такъ ясно, какъ въ этой книгѣ. Германія выставлена въ ней какъ страна новая, которая находится только въ самомъ началѣ своего развитія и едва только переступила первый его періодъ. «Политическое единство, говоритъ г. фонъ Бюловъ, не было заключеніемъ нашей исторіи, оно только было началомъ новаго будущаго. Занявъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ державъ, Германія вновь приняла крупное участіе въ жизни Европы. Впрочемъ старая Европа уже давно стала только участницей міровой жизни народовъ».

Г. фонъ Бюловъ окидываетъ германскій горизонтъ такимъ взглядомъ, который сразу безмѣрно расширяетъ его: «Мы очень далеки отъ того утвержденія, которое любилъ повторять

---

[1]) «Revue des deux mondes» кн. отъ 1-го октября 1914 г. «Le livre du prince de Bülow sur la politique allemande», par ***.

Бисмаркъ, что Германія—нація сытая, пресыщенная. Достигнувъ цѣли своихъ долгихъ политическихъ усилій, она сдѣлалась націей, наиболѣе консервативной». Уваженіе кн. фонъ Бюлова къ Бисмарку не мѣшаетъ ему однако безъ всякихъ колебаній отмѣтить, насколько онъ считаетъ подобную точку зрѣнія ограниченной. Когда-то такой взглядъ и былъ хорошъ, но теперь онъ не удовлетворяетъ—Германія не можетъ больше довольствоваться тѣмъ, что г. фонъ Бюловъ презрительно называетъ: «созерцательное существованіе континентальнаго государства». Ей надо предпринять и осуществить еще многое, ей надо достичь на морѣ того, чего она достигла на сушѣ, и сдѣлаться величайшей въ мірѣ морской и торговой державой, также, какъ она уже стала величайшей политической и военной державой въ Европѣ. Только тогда Германія достигнетъ того, что ей предначертано свыше. Таково воззрѣніе князя фонъ Бюлова, и насъ удивляетъ не оно, но то заключеніе, которое онъ изъ него выводитъ, потому что оно совершенно согласно съ мнѣніемъ Бисмарка, а именно: что Германія—самая консервативная страна въ мірѣ, самая миролюбивая, не угрожающая никому въ свѣтѣ. Этого мы не ожидали, и факты не замедлили дать г. фонъ Бюлову кровавое опроверженіе. Онъ впрочемъ и самъ былъ недостаточно увѣренъ въ своемъ тезисѣ, чтобъ не оградиться противъ возможныхъ сюпризовъ. Вся философія его книги заключается въ слѣдующей фразѣ, которую мы приводимъ и которая поразила также и г. де Сельва:

«Событіе, которое должно входить во всѣ политическіе расчеты—это война. Ни одинъ человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ, не желаетъ ея. Каждое добросовѣстное правительство старается изо всѣхъ силъ воспрепятствовать ея возникновенію, пока честь и жизненные интересы націи того позволяютъ. Но каждое государство должно быть такъ направляемо по всѣмъ отраслямъ, какъ будто ему завтра предстоитъ война».

Все это правда; это теперь даже слишкомъ очевидно, даже въ отношеніи наиболѣе искренно миролюбивыхъ націй и правительствъ, тѣмъ болѣе тѣхъ, кого политика захвата фатально толкаетъ на поле битвы. Германія не нуждалась въ томъ, чтобы ей объ этомъ напомнили.

Книга г. фонъ Бюлова очень цѣнный документъ, и никто этому не удивится. Дипломатъ по профессіи, ученикъ Бисмарка, и по всей вѣроятности лучшій, образованный, по опыту хорошо знающій людей и свое дѣло, обладающій даромъ слова, человѣкъ, бывшій долгое время довѣреннымъ лицомъ императора Вильгельма, князь Бюловъ лѣтъ двѣнадцать состоялъ канцлеромъ имперіи и управлялъ какъ внутреннею, такъ и внѣшнею политикой съ необычайною ловкостью и энергіей. Извѣстно, какъ онъ потерялъ довѣріе и милость своего повелителя. Въ одинъ прекрасный день Германія нашла, что императоръ говоритъ слишкомъ много, и г. фонъ Бюловъ не скрылъ, что и онъ раздѣляетъ это мнѣніе. Императоръ нисколько не былъ ему благодаренъ за его честную откровенность и при первомъ удобномъ случаѣ который не заставилъ себя ждать, далъ ему пасть подъ голосованіемъ Рейхстага.

Съ тѣхъ поръ князь фонъ Бюловъ, проводилъ бо́льшую часть своего времени въ Римѣ. Изъ дѣйствующаго лица онъ временно сталъ простымъ наблюдателемъ, но онъ не переставалъ дѣятельно слѣдить за тѣмъ, что творится въ Германіи и во всемъ мірѣ, и такъ какъ онъ самъ стоялъ не у дѣлъ, то охотно высказывалъ свое мнѣніе объ нихъ.

Впрочемъ, книга его носитъ характеръ ретроспективный. Г. фонъ Бюловъ говоритъ о политикѣ Германіи за то время, когда онъ самъ былъ канцлеромъ; но направленіе политики не перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ имперское канцлерство, и, рано или поздно, политика, которая мѣтила на міровую гегемонію и систематически дѣйствовала съ самымъ черствымъ и неумолимымъ эгоизмомъ, нисколько не заботясь объ интересахъ другихъ, равнымъ образомъ и объ ихъ достоинствѣ, должна была привести къ всеобщей войнѣ. Заблужденіе нѣмецкой политики состояло въ томъ, что она думала, что никто не осмѣлится вступить съ Германіей въ борьбу.

Книга раздѣляется на двѣ части. На этотъ разъ мы будемъ говорить только о первой, которая разбираетъ политику внѣшнюю. Въ чемъ состоитъ ея главная задача? Хотя г. фонъ Бюловъ и перебираетъ всѣ націи Европы и говоритъ даже объ Америкѣ и Японіи, но главнымъ образомъ онъ имѣетъ

въ виду Англію; онъ чаще всего возвращается къ ней съ безпокойствомъ, какъ будто чувствуетъ, что опасность для новыхъ честолюбивыхъ замысловъ его родины заключается именно въ ней. Конечно онъ удѣляетъ часть своего вниманія и Франціи и Россіи, но ихъ намѣренія не такъ безпокоятъ его. Чтобы хорошенько понять это, надо вернуться вмѣстѣ съ нимъ къ прошлому.

Г. фонъ Бюловъ не скрываетъ того, что выступленіе Германіи въ 1864, 1866 и 1870 годахъ, съ ея быстрыми и рѣшительными успѣхами, создало ея величіе и что могущественныя старыя европейскія державы, потревоженныя въ своемъ спокойствіи, почувствовали въ Германіи новую соперницу и неблагосклонно отнеслись къ ней. Ея появленіе на свѣтъ не улыбалось никому. Дѣйствительно, сначала Пруссія, а потомъ и Германія пошли впередъ гигантскими шагами, не заботясь о томъ, кого онѣ давили на своемъ пути. Надо было считаться съ нею, потѣсниться, чтобы дать ей мѣсто, чему всѣ покорились неособенно охотно.

Все осложнялось съ нарожденіемъ Германіи, которая нарушала установившееся равновѣсіе, выдвигала безпрестанно новыя требованія, выказывала свой тяжелый характеръ и вносила во всѣ дѣла личную точку зрѣнія, которую и навязывала всѣмъ. Этому покорялись, такъ какъ интересы не были слишкомъ многочисленны и достаточно важны, чтобы вызвать протестъ, но нѣмецкія домогательства уже начинали находить несносными. Г. фонъ Бюловъ по этому поводу приводитъ выходку одного изъ своихъ коллегъ: «Приблизительно въ 1895 г., пишетъ онъ, въ Римѣ, гдѣ я тогда былъ посланникомъ, мой англійскій коллега, сэръ Клери Фордъ, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «Насколько однако политическія соглашенія были удобнѣе и менѣе осложнены, когда Англія, Франція и Россія составляли европейскій ареопагъ и когда привлекать туда Австрію приходилось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ!»

«Это доброе, старое время прошло, гордо добавляетъ г. фонъ Бюловъ. Европейскій концертъ уже болѣе сорока лѣтъ, какъ увеличился новымъ членомъ, который имѣетъ право голоса и который не только намѣренъ громко заявлять о своихъ желаніяхъ, но и располагаетъ силами для соотвѣтствующаго воз-

дѣйствія». Вотъ его тонъ, онъ не мѣняется, онъ всегда одинъ и тотъ же, отъ первой страницы до послѣдней. Наподобіе людей, слишкомъ быстро преуспѣвшихъ, Германія испытываетъ горделивое удовольствіе, мѣшая другимъ; она въ этомъ видитъ доказательство своего значенія, которымъ наслаждается вполнѣ только тогда, когда даетъ его тяжело чувствовать другимъ. Она охотно создаетъ тяжелое положеніе: это въ ея характерѣ. Если же кто-нибудь этимъ недоволенъ, ей это все равно, такъ какъ она «располагаетъ силами для соотвѣтствующаго воздѣйствія».

Эти новые пріемы никому не нравятся и всѣхъ возмущаютъ, однако съ ними мирятся, пока они только не нравятся и возмущаютъ, не задѣвая важныхъ интересовъ. Многимъ жертвуютъ для мира все міра.

Германія этимъ пользуется, чтобы расти, увеличиваться, захватывать. Она дѣлается промышленной и торговой, ея способности даютъ ей возможность производить много и навязывать эти произведенія другимъ. Для этого хороши всѣ средства. Это первая стадія ея посвященія въ міровую дѣятельность, на которую она спѣшитъ всецѣло накинуться.

«По мѣрѣ того, говоритъ г. фонъ Бюловъ, какъ наша національная жизнь превращалась въ жизнь міровую, политика Германской имперіи въ такой же мѣрѣ дѣлалась политикой міровой».

Кромѣ того, вся Европа была увлечена по новымъ путямъ. Германія должна была тянуться за нею, опередить ее, занять ея мѣсто. Императоръ Вильгельмъ понялъ это ясно, быстро, глубоко, и г. фонъ Бюловъ прославляетъ его за это уже отъ имени исторіи. Развѣ не онъ первый провозгласилъ, что будущее Германіи на морѣ? Онъ не только это сказалъ, но и открылъ для Германіи пути и далъ ей флотъ, чтобы побѣдно бороздить эти водные пути.

Но то, что было—можетъ повториться, то, что является будущимъ для Германіи—для Англіи является настоящимъ, трудолюбиво достигнутымъ и прочно установившимся. Какимъ же образомъ Англія могла бы примириться съ честолюбивыми замыслами Германіи, въ которыхъ она сама признается?

Г. фонъ Бюловъ относительно этого не дѣлаетъ себѣ ни-

какихъ иллюзій; онъ предчувствуетъ, что она съ этимъ не примирится, такъ какъ ни одна держава не отказывается безъ сопротивленія отъ того, что считаетъ своимъ достояніемъ. Германія, значитъ, предвидѣла такое сопротивленіе, но этого не испугалась: она рѣшительно намѣтила себѣ побить Англію ея же собственнымъ оружіемъ.

Чтобы овладѣть ея тайной, г. фонъ Бюловъ задаетъ себѣ вопросъ, почему Англія сдѣлалась владычицей морей? Это потому, говоритъ онъ, что не вынужденная, въ виду своего островного положенія, бояться за свои границы, она могла, не имѣя этой заботы, сосредоточить всѣ свои силы на развитіи морского могущества. Германія мало гдѣ пользуется этимъ преимуществомъ, такъ какъ почти всѣ ея границы доступны, но если ей удастся сдѣлать ихъ недоступными, благодаря арміи, которая будетъ казаться непобѣдимой и будетъ сѣять вокругъ себя страхъ и трепетъ передъ ея силою, то не достигнетъ ли она того же результата, какъ и Англія? То, что природа даромъ дала Англіи, не достигнетъ ли того Германія болѣе заслуженно собственными силами инымъ путемъ, но съ тѣмъ же результатомъ?

Эта первая цѣль, по мнѣнію г. фонъ Бюлова, уже достигнута: Германія на сушѣ стала непобѣдимой и неуязвимой. Съ этого момента она можетъ обратить свои мысли въ сторону моря.

Ея политикѣ долгое время пришлось быть одновременно и отважной, и осторожной: отважной, такъ какъ этого требовало ея самолюбіе, осторожной, такъ какъ по крайней мѣрѣ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ Англія, оставаясь болѣе сильной, могла замѣтить угрожающую ей опасность и разсѣять ее, неожиданно нанеся первый ударъ.

«Въ теченіе десяти лѣтъ, говоритъ г. фонъ Бюловъ, послѣдовавшихъ послѣ морского законопроекта и начала нашего судостроительства, рѣшительная англійская политика, безъ сомнѣнія, была бы въ состояніи сразу остановить развитіе морского могущества Германіи и сдѣлать насъ безопасными, прежде чѣмъ мы укрѣпились бы на морѣ».

Слѣдовало, значитъ, усыпить опасенія Англіи и все же продолжать дѣлать то, что оправдывало эти опасенія. Трудная

задача! Г. фонъ Бюловъ не преуменьшаетъ ея трудностей, и ничего не можетъ быть интереснѣе тѣхъ страницъ, гдѣ онъ ихъ приводитъ и разсматриваетъ, но онъ увѣренъ въ томъ, что ихъ разрѣшилъ.

«Ради нашихъ интересовъ, пишетъ онъ, также какъ и для нашей чести и нашего достоинства, намъ надо было отвоевать нашей міровой политикѣ такую же независимость, какъ мы упрочили ей въ Европѣ. Исполненіе этого національнаго долга могло быть затруднено возможнымъ сопротивленіемъ Англіи, но никакое сопротивленіе въ мірѣ не могло освободить насъ отъ этого обязательства».

Итакъ, Германія пошла впередъ. Англія, которая не любитъ воевать и воюетъ только въ крайнемъ случаѣ, удовольствовалась тѣмъ, что усиливала свое собственное вооруженіе. Неоднократно она пыталась войти съ Германіей въ соглашеніе относительно ограниченія, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Германія не обратила на это вниманія и не пожелала ничего слушать. Казалось, она дѣйствовала подъ вліяніемъ какой-то высшей воли. Въ ея судьбу вмѣшивался рокъ. «Такъ было нужно!» говоритъ г. фонъ Бюловъ. Англія, какъ это часто съ нею случается, пропустила не одинъ удобный случай: любовь къ миру у нея всегда одерживала верхъ. Насталъ, наконецъ, моментъ, когда Германія сочла, что ея задача выполнена или по крайней мѣрѣ настолько созрѣла, что она можетъ сбросить маску.

Приведя съ чувствомъ особаго удовлетворенія тонко взвѣшенные ходы ловкой политики, состоявшіе въ томъ, чтобы, не дружа съ Англіей, что повело бы къ зависимости отъ нея, не выказывая ей и враждебности, что повело бы съ перваго же момента къ парализованію германскихъ усилій, г. фонъ Бюловъ продолжаетъ—«такимъ образомъ, мы успѣли, не подпадая подъ вліяніе Англіи и безъ задержекъ съ ея стороны, создать то морское могущество, которое является основой нашихъ экономическихъ интересовъ и нашихъ проектовъ міровой политики, такое могущество, что вступить съ нимъ въ борьбу было бы большимъ безразсудствомъ даже со стороны самаго сильнаго противника».

«Когти» отросли достаточно.

Такъ ли это вѣрно? Мы наглядно убѣдились, что Англія обладаетъ тою смѣлостью, которая казалась невозможной г. фонъ Бюлову. Не слишкомъ ли рано и не слишкомъ ли громко испустилъ онъ свой побѣдный кличъ? Гдѣ германскій флотъ въ настоящую минуту? Онъ прячется въ своихъ портахъ, рѣкахъ и каналахъ; онъ осторожно прикрывается торпедами и пловучими минами; слѣдовательно онъ признаетъ все еще существующее превосходство британскаго флота. Не думалъ ли г. фонъ Бюловъ, что Англія при удобномъ случаѣ не воспользуется этимъ превосходствомъ? Онъ однако не ошибся въ опредѣленіи интересовъ Англіи въ вопросѣ, который для нея является жизненнымъ, и не ошибся въ томъ, что есть рѣшительнаго, непоколебимаго и незыблемаго въ ея политикѣ. Страницы, написанныя по этому поводу, однѣ изъ лучшихъ въ его книгѣ, намъ хотѣлось бы привести ихъ цѣликомъ, но, къ сожалѣнію, мы вынуждены изложить ихъ вкратцѣ.

«Въ мірѣ нѣтъ державы, говоритъ онъ, политика которой развивалась бы такъ неуклонно, какъ англійская, идущая по своимъ традиціоннымъ путямъ. Она обязана своими грандіозными успѣхами на міровомъ поприщѣ вѣковому постоянству своей внѣшней политики, которая оставалась неизмѣнной, независимо отъ партіи, находившейся у власти. Альфой и омегой англійской политики было постоянное стремленіе къ владычеству надъ морями и къ удержанію ихъ въ своихъ рукахъ.

«Интересъ, который принимаетъ Англія въ группировкѣ силъ на европейскомъ материкѣ, обращенъ не только на выгоду и благосостояніе державъ, чувствующихъ себя подъ гнетомъ или угрозой могущественнаго превосходства одной изъ нихъ. Подобная безкорыстная и гуманная симпатія рѣдко оказываетъ доминирующее вліяніе на политическія рѣшенія правительства большой державы. Путеводнымъ для направленія англійской политики по распредѣленію силъ въ Европѣ является отраженіе этого положенія на владычествѣ Англіи надъ морями. Любое перемѣщеніе центра тяжести, не оказывающее вліянія въ этомъ отношеніи, англійскому правительству всегда было въ достаточной мѣрѣ безразлично. Если Англія традиціонно, т. е. соотвѣтственно своимъ незыблемымъ національнымъ интересамъ, проявляетъ свою враждебность или,

по меньшей мѣрѣ, недовѣріе къ европейской націи, которая въ данную минуту оказывается наиболѣе сильной, то причиной этому, прежде всего, является значеніе, которое она придаетъ такому превосходству сухопутныхъ силъ въ смыслѣ вліянія этого фактора на морскую политику».

Въ этомъ сужденіи много правды. Пока Германія напрягала свои силы только для достиженія первенства на континентѣ, Англія оставалась безучастной и не предпринимала никакихъ дѣйствій. Но съ того момента, какъ Германія воспользовалась своимъ перевѣсомъ на континентѣ, чтобы сдѣлать изъ него точку опоры для своей морской политики, отношеніе къ ней Англіи измѣнилось.

Никто, какъ уже выше указано, не пролилъ столько свѣта на тѣсную связь морской политики Германіи съ ея континентальной политикой, какъ г. фонъ Бюловъ. Эту континентальную политику нельзя разсматривать какъ фактъ, не вліяющій на морскую политику, она является необходимымъ для нея условіемъ. Г. фонъ Бюловъ договаривается даже до того, и при этомъ правъ, что неудача міровой политики Германіи могла бы и не повліять существенно на ея положеніе на континентѣ, но что обратное заключеніе было бы невѣрно, такъ какъ пораженіе или уменьшеніе престижа Германіи на континентѣ однимъ ударомъ опрокинуло бы созданную ею міровую политику. Это взглядъ весьма вѣрный, факты недавняго прошлаго его подтвердили. Сейчасъ же послѣ объявленія войны и даже прежде, чѣмъ событія обрисовались достаточно опредѣленно, германскія колоніи оказались въ опасности. Англія захватила Того, а Японія осадила Кіао-Чао. А между тѣмъ Германія всегда щадила Японію, она всегда была полна къ ней предупредительности. «У насъ нѣтъ никакого интереса, говоритъ г. фонъ Бюловъ, дѣлать враждебнымъ по отношенію къ намъ этотъ храбрый народъ, обладающій выдающимися качествами, и создать изъ него себѣ противника». Этотъ храбрый народъ, тѣмъ не менѣе, сталъ врагомъ Германіи и отобралъ у нея ея Дальневосточную колонію.

Что этотъ ударъ чувствителенъ для Германіи, видно изъ того, какое значеніе, по словамъ г. фонъ Бюлова, она придавала этой колоніи. «Въ то же время, говоритъ онъ, когда

началось созиданіе нашего флота, мы осенью 1897 года обосновались въ Кіао-Чао. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ заключенъ съ Китаемъ договоръ въ Шантунгѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ актовъ въ современной исторіи Германіи, актъ, обезпечивающій намъ мѣсто подъ солнцемъ Дальняго Востока, на берегахъ Тихаго океана, которому предстоитъ великое будущее». Это были чудные сны! Что же осталось отъ нихъ? Г. фонъ Бюловъ, какъ можно было убѣдиться, былъ правъ, что Германія можетъ поддержать свое морское и колоніальное могущество только въ томъ случаѣ, если могущество ея на континентѣ непоколебимо.

Но если это такъ хорошо зналъ онъ, то понимала это и Англія, слѣдовательно, можно было предвидѣть, что, когда для Англіи представится случай нанести ударъ континентальному могуществу Германіи, то она не преминетъ этимъ воспользоваться, будучи увѣрена въ томъ, что этимъ самымъ разрушитъ одновременно и ея міровое могущество, которое начинало серьезно безпокоить ее. И если теперешнее правительство Германіи этого не предвидѣло, то это не по винѣ г. фонъ Бюлова, который изъ своего убѣжища давалъ ему историческіе уроки.

«Превосходство континентальнаго могущества, пишетъ онъ, всегда открывало широко пути къ политикѣ міровой. Но на этихъ путяхъ на стражѣ стояла Англія. Когда Людовикъ XIV подалъ Карлу II мысль объ англо-французскомъ союзѣ, то Карлъ II, несмотря на свои личныя симпатіи къ Франціи, отвѣтилъ ему, что установленіе искренняго союза встрѣтитъ препятствія, главнымъ изъ которыхъ является стремленіе Франціи стать серьезной морской державой... Англія сдѣлалась врагомъ Франціи въ войнѣ за испанское наслѣдство, преимущественно опасаясь развитія ея морского могущества; это нанесло первый ударъ первенствующему значенію Франціи въ Европѣ и дало англичанамъ вмѣстѣ съ Гибралтаромъ ключъ къ океану и лучшія провинціи Канады».

Г. фонъ Бюловъ подтверждаетъ свои заключенія такой массой доказательствъ, что остается только удивляться, какъ въ Берлинѣ имъ было придано такъ мало значенія. «Событія 1866 и 1870 гг., пишетъ онъ далѣе, сдѣлали изъ Пруссіи

и Германіи державу наиболѣе сильную на континентѣ, которая мало-по-малу въ сознаніи англичанъ заняла мѣсто, принадлежавшее ранѣе Франціи короля Солнца и двухъ Бонапартовъ». Въ виду этого, слѣдовало ожидать, что при возможности всеобщей войны Германія будетъ недовѣрчиво относиться къ положенію, которое займетъ Англія, и что она не предприметъ столь опасной войны, не обезпечивъ себя предварительно гарантіями съ этой стороны. И все же она ничего подобнаго не сдѣлала.

Откуда у нея явилось такое довѣріе? Этого объяснить мы не беремся. Г. фонъ Бюловъ, конечно, приводитъ для этого нѣсколько мотивовъ, но, право, они ни имѣютъ особаго значенія. Они сводятся къ тому, что разъ Германія стала черезчуръ могущественной, чтобы быть атакованной на морѣ, то Англія почувствуетъ, что ей ничего иного не остается, какъ поддерживать съ ней дружбу. Эту выдержку стоитъ однако привести:

«Политическое небо никогда не бываетъ безоблачнымъ, но только немногія изъ тучъ разражаются грозою, остальныя безслѣдно разсѣиваются. Управленіе нашими (нѣмецкими) сношеніями съ Англіей требуетъ особо твердой и настойчивой руки. Мы желаемъ отношеній хорошихъ, даже дружественныхъ, не пугаясь однако отсутствія особой предупредительности. Вотъ чего Германія должна держаться по отношенію къ Англіи, какъ правительство Германіи, такъ и ея народъ. Низкопоклонная политика была бы столь же ошибочна, какъ и политика слишкомъ прямая и рѣзкая. Англійскій народъ, наиболѣе политически сплоченный, не дастъ себя отвратить, хотя бы и самыми горячими дружескими завѣреніями отъ рѣшеній, которыя онъ счелъ для себя выгодными, и увидѣлъ бы только признаніе нашей слабости въ дружескихъ проявленіяхъ, не обоснованныхъ на очевидной для насъ пользѣ. Съ другой стороны, такой мужественный и гордый народъ, какъ англичане, также какъ и германцы, не дастъ себя запугать прямыми или скрытыми угрозами. Опираясь въ настоящее время на внушительный флотъ, мы по отношенію къ Англіи занимаемъ теперь другое положеніе, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда намъ, насколько возможно, надо было из-

бѣгать конфликта съ этой державой до тѣхъ поръ, пока мы не создали себѣ флота. Въ ту эпоху наша внѣшняя политика находилась, до извѣстной степени, въ зависимости отъ нашего морского вооруженія: ей приходилось дѣйствовать въ положеніи анормальномъ. Теперь нормальное положеніе возстановлено: вооруженіе зависитъ отъ политики. Дружба или враждебность Германской имперіи, поддержанная могущественнымъ флотомъ, теперь, само собою разумѣется, имѣетъ для Англіи совершенно другое значеніе, чѣмъ дружба или враждебность Германіи, лишенной возможности дѣйствій на морѣ, какъ это было въ концѣ XIX столѣтія. Уменьшеніе разницы въ морскихъ силахъ англичанъ и германцевъ предоставляетъ весьма существенныя выгоды нашей внѣшней политикѣ по отношенію къ Англіи».

Въ этихъ словахъ уже слышится запугиваніе. Однако Германія предпочла бы внушать довѣріе, а не боязнь, и надо видѣть, какъ г. фонъ Бюловъ старается успокоить опасенія, которыя могутъ быть вызваны могуществомъ Германіи, восхваляя ея умѣренность. Изъ всѣхъ народовъ міра, говоритъ онъ, нѣмцы отличаются наимѣніе завоевательными стремленіями. И здѣсь намъ приходится привести точную выдержку, такъ какъ мы рискуемъ, что намъ не повѣрятъ, если мы не приведемъ его подлинныхъ словъ:

«Безъ преувеличенія и хвастовства, такъ пишетъ г. фонъ Бюловъ, можно утверждать, что еще никогда въ исторіи такое превосходство военнаго могущества, какъ германское, не служило въ той же мѣрѣ дѣлу мира. Этотъ фактъ не можетъ быть объясненъ только нашимъ безспорнымъ миролюбіемъ. Нѣмецъ всегда отличался миролюбіемъ и все же онъ бывалъ безпрестанно вынужденъ браться за оружіе, такъ какъ ему приходилось защищаться отъ иноземнаго нападенія. На самомъ дѣлѣ миръ поддерживался преимущественно не потому, что нѣмцы воздерживались отъ нападеній на другіе народы, но потому, что другіе народы боялись отвѣтнаго удара нѣмцевъ на нападеніе съ ихъ стороны. Наши могущественныя вооруженія были гарантіей такого прочнаго мира, какого не знали послѣднія столѣтія, бывшія во власти непрерывныхъ столкновеній. Отсюда историческій выводъ»...

Но мы воздержимся отъ приведенія историческаго вывода г. фонъ Бюлова. Онъ высказался слишкомъ поспѣшно; исторія идетъ своимъ чередомъ и продолжаетъ развиваться; можно было видѣть, что значитъ миролюбіе Германіи, когда она въ 24-хъ часовой промежутокъ времени объявила войну Россіи и Франціи и вовлекла въ нее всю Европу. Исторія еще не высказала своего приговора, но уже готовитъ его.

Возвращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ двухъ упомянутыхъ державъ, трудно понять, прочитавъ книгу г. фонъ Бюлова, какъ могла сохранить Германія иллюзію насчетъ кажущейся инертности Англіи. Г. фонъ Бюловъ привелъ съ удивительнымъ пониманіемъ тѣ мотивы, по которымъ Англія должна воспрепятствовать честолюбивымъ замысламъ нѣмцевъ на морѣ, подготовляя ихъ нанесеніемъ удара на сушѣ, и, тѣмъ не менѣе, ни онъ, ни его преемникъ г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ, повидимому, не вѣрили тому, чтобы Англія, вѣрная своимъ традиціямъ, стала разсуждать и дѣйствовать теперь такъ же, какъ она дѣйствовала во времена Людовика XIV и Наполеона. Разговоръ, который имѣлъ мѣсто между теперешнимъ канцлеромъ Германіи и англійскимъ посланникомъ г. Гошеномъ въ моментъ объявленія войны, въ этомъ отношеніи очень интересенъ. Удивленіе г. фонъ Бетманъ-Гольвега было безгранично, когда Англія порвала отношенія. Этотъ человѣкъ, до тѣхъ поръ выказывавшій здравый смыслъ и хладнокровіе, буквально потерялъ голову и въ своей невоздержанной рѣчи наговорилъ такихъ вещей, о которыхъ долженъ былъ пожалѣть впослѣдствіи, такъ какъ онѣ распространились по всему міру, не сдѣлавъ чести ни ему самому, ни его родинѣ.—Какъ! воскликнулъ онъ, Англія поднимется противъ Германіи, родственной ей страны, страны, которая могла разсчитывать на ея симпатіи, страны, съ которой она никогда не имѣла крупныхъ разногласицъ?

Человѣкъ борется съ двумя напавшими на него противниками, которые хотятъ его убить, является третій и вонзаетъ ему кинжалъ въ спину!—Человѣкъ, на котораго измѣннически напали—это Германія; ея убійца—Англія. Г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ не можетъ отъ этого прійти въ себя. Въ его удивленіи и гнѣвѣ онъ просто наивенъ. Впрочемъ, быть можетъ,

онъ не успѣлъ еще прочесть книги г. фонъ Бюлова? Если бъ онъ это сдѣлалъ, гнѣвъ бы его остался такимъ же, но удивленія бы не было.

Но что насъ удивляетъ, такъ это то, что самъ г. фонъ Бюловъ, несмотря на свою книгу, какъ будто не больше г. фонъ Бетманъ-Гольвега ожидалъ того, что случилось, объ его удивленіи можно судить по той манерѣ, съ которой онъ разсказываетъ о попыткѣ короля Эдуарда VII образовать блокъ противъ Германіи, какъ говоритъ онъ, и о послѣдовавшей развязкѣ. Г. фонъ Бюловъ очень свѣтскій человѣкъ и дипломатъ, поэтому онъ говоритъ объ Эдуардѣ VII въ очень приличныхъ выраженіяхъ, но ясно указываетъ на него какъ на врага Германіи, который поставилъ себѣ цѣлью образовать противъ нея континентальную коалицію. Онъ говоритъ о вѣроломныхъ интригахъ англійскаго правительства, по наущенію своего короля, который хотѣлъ изолировать Германію и обратить противъ нея Францію, Россію, Испанію, а также вѣроятно и небольшія сѣверныя государства.

Мы не поручимся за то, что король Эдуардъ VII дѣйствительно имѣлъ всѣ тѣ намѣренія, которыя ему приписываетъ г. фонъ Бюловъ, но если они у него и были, то Германія удивительно хорошо помогла ихъ осуществленію. Ея политика булавочныхъ уколовъ или, вѣрнѣе, пинковъ ногами всѣмъ безъ разбора съ этого момента начала возстанавливать противъ нея весь міръ, такъ что на конференціи въ Альджезирасѣ Германія оказалась покинутой почти всѣми, даже ея союзниками. Г. фонъ Бюловъ это подтверждаетъ, онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ Австріей и Италіей Германіи, за которыя она имъ благодарна, но образцомъ дипломатіи съ ихъ стороны, повидимому, является то, что и Франція со своей стороны тоже была удовлетворена ихъ выступленіемъ и сохранила это въ доброй памяти. Въ дѣйствительности Германія прямымъ обращеніемъ къ Франціи достигла бы болѣе того, что дали ей, когда въ Альджезирасѣ Франціи представилась возможность опереться на большинство, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ и на общее единодушіе державъ, имѣвшихъ тамъ своихъ представителей.

Претензіи Германіи начали уже безпокоить и раздражать

всѣхъ. Если противъ нея и образовался блокъ, то она была обязана этимъ еще больше самой себѣ, чѣмъ королю Эдуарду VII. Кромѣ того терминъ «образовать блокъ» въ данномъ случаѣ слишкомъ силенъ, и никто тогда еще не думалъ примѣнять противъ Германіи политику, имъ указываемую. Что вѣрно, такъ это то, что въ Альджезирасѣ Германія въ первый разъ почувствовала вокругъ себя сопротивленіе, котораго она не предвидѣла и которое было для нея очень чувствительно. Она привыкла думать, что страхъ, который она вызываетъ, долженъ дѣйствовать, какъ въ древности: Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas. Ея воли должно было быть достаточно, чтобы преклонить всѣ остальныя. Но тогда это было уже не совсѣмъ такъ. Она злоупотребила своей силой, и миръ возмутился.

Г. фонъ Бюловъ пишетъ въ своей книгѣ, что первенство Германіи происходитъ отъ двухъ причинъ, изъ которыхъ одною является ея неоспоримая сила, а другою—проистекающій отсюда престижъ или, другими словами, этими причинами являются—ея армія и блефъ. Престижъ принадлежитъ этимъ факторамъ, дѣйствительность которыхъ провозгласилъ Бисмаркъ. но не началъ ли уменьшаться престижъ Германіи? Какъ бы тамъ ни было, но у г. фонъ Бюлова явилось въ этомъ отношеніи предчувствіе. Онъ управлялъ тогда германской политикой.

Это онъ началъ Мароккское дѣло. Онъ всегда приписывалъ себѣ отвѣтственность за поѣздку императора Вильгельма въ Танжеръ и продолжаетъ утверждать это и теперь, несмотря на послѣдовавшія затѣмъ событія. Онъ думалъ совершить мастерской ходъ, а послѣдствіемъ этого, въ концѣ концовъ, явилось образованіе блока противъ Германіи и уменьшеніе ея престижа. Это значитъ, не посчастливилось! Тамъ передъ лицомъ всего свѣта былъ понесенъ нравственный уронъ, о которомъ никто не говорилъ громко, потому что тѣ, которые отъ этого выиграли, имѣли достаточно здраваго смысла, чтобы этимъ не хвастаться, но всѣ это почувствовали. Соображенія, въ которыя пускается по этому поводу г. фонъ Бюловъ, являются въ сущности признаніемъ.

Приходилось, значитъ, на чемъ-нибудь отыграться, нѣмецкій престижъ надо было подновить. Желанный случай не за-

медлилъ представиться: это была анексія Босніи и Герцеговины и вызванный ею острый кризисъ. На самомъ дѣлѣ этотъ кризисъ длится и до сихъ поръ, ужасная война, которую мы переживаемъ, одинъ изъ ея фазисовъ; но мы говоримъ здѣсь только о первомъ фазисѣ, который наполнилъ волненіемъ и заставилъ вмѣшаться въ это дѣло всѣ славянскія державы маленькія и великія, начиная съ Сербіи и кончая Россіей. Тогда увидѣли, но съ совершенно иною развязкой, первый абрисъ тѣхъ событій, которыя теперь разыгрались. Сербія протестовала противъ захвата Австріей двухъ провинцій, жители которыхъ принадлежали къ сербской народности.

Каждая страна живетъ мечтою объ идеалѣ, котораго, быть можетъ, ей и не суждено никогда достичь, но его нельзя отнять, не причинивъ страданія. Идеаломъ сербовъ было объединить со временемъ всѣ сербскія народности. Актъ, совершенный австрійскимъ правительствомъ, нанесъ глубокій ударъ мечтамъ сербовъ, отсюда и то возбужденіе въ Бѣлградѣ, которое мало-по-малу дошло до Петербурга. Разъ совершенную ошибку, если и не нашли возможнымъ или нужнымъ исправить, надо было по крайней мѣрѣ смягчить для Сербіи, но ничего подобнаго не было сдѣлано, далеко отъ того! мы еще помнимъ ту удивительную рѣзкость, несправедливость и неумолимую требовательность, которую обнаружила австрійская политика. Баронъ Эренталь сыгралъ въ Бисмарка, онъ вѣроятно думалъ, что уже сталъ таковымъ, да и другіе думали такъ же въ первую минуту, но это мнѣніе не замедлило разсѣяться. Помимо того, что Австріи слѣдовало щадить чувства сербовъ и воздерживаться отъ насилій надъ ними, ей надо было считаться и съ Россіей. Бисмаркъ, конечно, не преминулъ бы это сдѣлать. Образъ дѣйствій, принятый по отношенію къ сербамъ, долженъ былъ произвести въ Россіи впечатлѣніе вызова. Такъ оно и случилось: въ С.-Петербургѣ забезпокоились и стали волноваться. Тогда-то на сцену появилась Германія, и никто не забылъ выступленія германскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Пурталеса, и тѣхъ переговоровъ, которые ему было поручено вести съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Извольскимъ. Германія, стоявшая за спиной Австріи, стала съ ней рядомъ или, вѣрнѣе, передъ

ней «во всемъ блескѣ всеоружія», и Россія уступила. Еще слишкомъ близка была война въ Манчжуріи съ ея послѣдствіями. Русская армія не успѣла еще перевязать и залѣчить своихъ ранъ. Со стороны С.-Петербурга было въ высшей степени разумно сумѣть переждать. Но если германское правительство думало, что это тягостное впечатлѣніе изгладится изъ памяти русскаго правительства, то оно жестоко ошибалось. Германія уже повергла въ безпокойство Англію и теперь жестоко оскорбила Россію: такіе поступки оставляютъ неизгладимые слѣды.

До сихъ поръ думали, что этимъ рискованнымъ актомъ нѣмецкое правительство исполнило то, что считало своимъ долгомъ по отношенію къ союзнику. Развѣ Австрія не была «блестящей помощницей» Германіи въ Альджезирасѣ? Германскому правительству приходилось уплатить свой долгъ. Но князь Бюловъ даетъ другое освѣщеніе, которое совершенно опрокидываетъ это составившееся мнѣніе. На самомъ дѣлѣ Германія сохранила въ своемъ сердцѣ тайную обиду на то, что не блестяще разыграла свою первенствующую роль, и чувствовала непреодолимое стремленіе вновь возвыситься въ глазахъ свѣта. Что еще кромѣ того побудило ее, по мнѣнію г. фонъ Бюлова, это не столько союзъ съ Австріей, сколько отношеніе Англіи.

«Англія, говоритъ онъ, стала на сторону Россіи, а англійская пресса заговорила еще болѣе страстнымъ тономъ, чѣмъ русская. Острое жало англійской политики, казалось, менѣе было направлено на Австрію, чѣмъ на ея союзницу Германію. Въ первый еще разъ предстояло австро-германскому союзу доказать свою сплоченность и силу передъ создавшимся важнымъ конфликтомъ... Долженъ былъ наступить часъ, который указалъ бы, дѣйствительно ли Германія поставлена въ тяжелое положеніе политикой образованія блока, дѣйствительно ли державы, примкнувшія къ анти-германской политикѣ, найдутъ свои жизненные интересы въ Европѣ согласимыми съ враждебнымъ отношеніемъ и враждебными дѣйствіями противъ Германіи и ея союзниковъ.

«Перипетіи боснійскаго кризиса въ самомъ дѣлѣ указали на конецъ политики образованія блока. Ни одна держава, ка-

залось, не хотѣла подчинить свои собственные европейскіе интересы чуждымъ ей интересамъ политики общеевропейскаго характера и подставлять свою шкуру за другихъ. Сильно натянутая Альджезирасская группировка разбилась о скалу континентальной политики. Италія осталась на сторонѣ союзниковъ; Франція осталась въ выжидательномъ положеніи и не выказывала недоброжелательства къ Германіи; Императоръ Николай далъ свѣту новое доказательство своей мудрости и любви къ миру, высказавшись за мирное разрѣшеніе существующихъ затрудненій. Искусное образованіе блока и изолированіе Германіи, кратковременное страшилище для умовъ трусливыхъ разсѣялось какъ дипломатическая фантасмагорія, созданная на дипломатическихъ соображеніяхъ, лишенныхъ реальности. Ошибка въ расчетѣ при ея созданіи заключалась въ слѣдующемъ: не былъ принятъ въ расчетъ, полной стоимостью, крупный факторъ—положеніе Германской имперіи, какъ великой европейской державы».

Побѣдный гимнъ, который немного преждевременно торжествуя, запѣлъ г. фонъ Бюловъ, показываетъ, какъ человѣкъ, даже очень умный, подъ вліяніемъ какой-нибудь навязчиво преслѣдующей его идеи, можетъ неправильно толковать факты, которые онъ излагаетъ съ видимою точностью. Факты, о которыхъ онъ разсказываетъ, дѣйствительно приведены вѣрно, и все-таки мы можемъ сказать о той выпискѣ, которую здѣсь привели: сколько словъ, столько ошибокъ! Г. фонъ Бюловъ не понялъ чувствъ, пережитыхъ различными державами, и вліянія, которое они оказали на проявляемыя отношенія. О Франціи онъ, напримѣръ, говоритъ, что она осталась въ выжидательномъ положеніи и не выказывала недоброжелательства къ Германіи. Почему же было ей выказывать Германіи недоброжелательство, если она выжидала, а выжидала она потому, что выжидала и Россія. У Россіи были къ тому очень вѣскія причины, какъ мы уже сказали раньше. Поэтому-то Англія и Франція, вовсе не жаждавшія играть первую роль въ славянскихъ дѣлахъ, естественно воздержались. Имъ нечего было спрашивать себя, будутъ ли онѣ подставлять свою шкуру за другихъ, потому что другіе, т. е. Россія, нашли несвоевременнымъ подставлять свою собственную. Но, конечно, если бъ

Россія продолжала итти по тому пути, по которому пошла вначалѣ, Франція не покинула бы ее. Она сдѣлала бы тогда то, что сдѣлала теперь—выполнила бы свой долгъ союзника.

У Англіи не было подобнаго обязательства, и мы не можемъ говорить о ней съ тою увѣренностью, съ какою говоримъ о себѣ: она поступила бы согласно своимъ интересамъ, которые г. фонъ Бюловъ знаетъ такъ хорошо. Всеміpная война началась бы и тогда. Мы счастливы, что Россія этого не сдѣлала, потому что условія настоящаго времени гораздо лучше, чѣмъ были тогда, но мы поступили бы тогда такъ же, какъ поступили теперь. Это-то г. фонъ Бюловъ и упустилъ изъ виду. Онъ не почувствовалъ, что терпѣніе всего міра уже истощилось и что было бы неосторожнымъ подвергнуть его еще одному испытанію. Онъ думалъ, что то, что онъ называлъ политикой образованія блока, уже отжило, и что Франціи, Россіи и Англіи нанесенъ ударъ, отъ котораго онѣ не оправятся. И вотъ онъ заключаетъ свое изслѣдованіе торжествующими надменными словами, которыя звучатъ вызовомъ: «Попытка создать изъ англо-германскаго антагонизма цѣлую интернаціональную политическую систему болѣе не повторится. И если бы даже и вернулись къ такой попыткѣ, то вновь пришлось бы остановиться передъ суровой дѣйствительностью континентальной политики, въ которой наиболѣе вѣскимъ факторомъ является тройственный союзъ». Никогда никто не ошибался такъ жестоко.

Разъ Германія хвалилась, что добилась большого успѣха, почему же она его не удержала? Есть опыты, которые повторять не слѣдуетъ. Обстоятельства, аналогичныя прежнимъ, теперь привели къ противоположнымъ результатамъ, а причина этому весьма проста: Россія, не забывшая горькой обиды, нанесенной ей Германіей въ 1908 г., не была расположена подвергнуться новой. Германія же, напротивъ, думала, что Россія, уступивъ въ 1908 г., должна поступить такъ же и въ 1914 г.; мы только что видѣли, что г. фонъ Бюловъ заранѣе предрѣшилъ это въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. Это не соотвѣтствовало дѣйствительности. Россія, пересоздавъ свою армію и запасшись новыми силами, только и ожидала случая для реванша. Этого случая ни Россія, ни мы, ни Англія не

вызвали бы сами; гуманность удержала бы насъ. Но мы уже рѣшили не упустить подобнаго случая, если Германія, доходя въ увлеченіи своими силами до сумасшествія, силами, которыя она между прочимъ не подвергала испытанію болѣе сорока лѣтъ, сама приметъ на себя отвѣтственность за войну. Развѣ могло быть иначе? Случай представлялся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: дѣйствительно, Россія знала, что можетъ разсчитывать на содѣйствіе своей союзницы, хотя не могла быть въ той же мѣрѣ увѣренной относительно Англіи; содѣйствіе послѣдней являлось вѣроятнымъ и стало безспорнымъ, какъ только былъ нарушенъ нейтралитетъ Бельгіи. Ну, что жъ, долженъ былъ подумать г. фонъ Бюловъ, разъ тройственный союзъ остается «суровой дѣйствительностью». Мы только что видѣли, какъ онъ высоко оцѣнивалъ политическое и военное значеніе этой комбинаціи. «Не часто, говоритъ онъ, почти никогда въ исторіи Европы не приходилось видѣть столь прочнаго союза». Онъ былъ весьма увѣренъ въ этомъ, но ошибся и на этотъ разъ: какъ только Германія обратилась за поддержкой къ своимъ союзницамъ, одна изъ нихъ уклонилась.

Этой союзницей была конечно не Австрія, такъ какъ война началась изъ-за нея, по крайней мѣрѣ это было выставлено предлогомъ, а Италія, которая отдѣлилась отъ тройственнаго союза и объявила себя нейтральной. Это было ея неоспоримымъ правомъ, такъ какъ все дѣло было начато безъ ея вѣдома, къ тому же у нея для этого были и самыя вѣскія основанія: не будучи расположенной, употребляя выраженія самого г. фонъ Бюлова, подчинить свои собственные интересы въ Европѣ чужимъ широкимъ политическимъ замысламъ и рисковать своей шкурой за другихъ. Но такое воздержаніе съ ея стороны развѣ могло быть неожиданностью? Не совсѣмъ. До извѣстной степени г. фонъ Бюловъ это предвидѣлъ, да и Бисмаркъ предвидѣлъ то же и раньше него.

«Есть политики, говоритъ г. фонъ Бюловъ, которые колеблются придать присутствію Италіи въ тройственномъ союзѣ надлежащее значеніе. Они сомнѣваются въ томъ, что Италія сможетъ и захочетъ итти рука объ руку съ Австріей и нами во всѣхъ могущихъ встрѣтиться осложненіяхъ международной

политики. Даже въ томъ случаѣ, если бы эти сомнѣнія были обоснованы, что въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста, въ виду лойяльности правящихъ круговъ Италіи и политической дальновидности итальянскаго народа, эти политики все же не могли бы доказать, что участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ не имѣетъ никакого значенія. Даже и въ томъ случаѣ, если бы Италія не могла итти вполнѣ заодно съ Австріей и нами, даже, если бъ Австрія и мы не могли итти совмѣстно съ Италіей при разрѣшеніи ея политическихъ задачъ, существованіе союза помѣшало бы каждой изъ державъ стать на сторону противницы двухъ остальныхъ. Это-то и имѣлъ въ виду князь Бисмаркъ, сказавъ однажды, что ему «достаточно, чтобы одинъ итальянскій капралъ съ итальянскимъ знаменемъ, имѣя при себѣ барабанщика, стоялъ лицомъ къ западу, то есть къ Франціи, а не къ востоку, то есть противъ Австріи. Все остальное будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ направленіи въ данномъ случаѣ разыграется конфликтъ въ Европѣ, отъ военной силы, которую мы тогда выставимъ, и отъ результатовъ, которыхъ добьются наши солдаты и дипломаты».

Мы предоставляемъ нашимъ читателямъ возможность просмаковать эту выдержку. Бисмаркъ въ данномъ случаѣ доводитъ до минимума свои требованія, которыя обыкновенно были болѣе властными; онъ требовалъ отъ Италіи, какъ и г. фонъ Бюловъ, лишь одного капрала, обращеннаго къ западу со знаменемъ и барабанщикомъ; даже въ этомъ отказано Германіи. «Высшая и общая оцѣнка какого-нибудь союза достигается только въ случаѣ войны», философски заключаетъ г. фонъ Бюловъ. Дѣйствительно, въ достоинствахъ тройственнаго союза можно было убѣдиться съ перваго момента войны. «Все остальное, еще говоритъ г. фонъ Бюловъ, будетъ зависѣть въ каждомъ данномъ случаѣ отъ основныхъ причинъ конфликта». Причина конфликта въ данномъ случаѣ была такова, что, создавая противоположность ея интересовъ съ интересами ея союзниковъ, должна была внушить Италіи желаніе вернуть себѣ свободу и въ то же время давала ей на это и право.

Не Германіи, во всякомъ случаѣ, удивляться и еще менѣе того возмущаться, когда какая-нибудь страна сбрасы-

ваетъ съ себя свои прежнія обязательства подъ давленіемъ всемогущихъ насущныхъ интересовъ! Князь Бисмаркъ своимъ умомъ, не знавшимъ предразсудковъ, установилъ въ этомъ отношеніи доктрину, которой вдохновляются послѣ него его преемники: мы видѣли примѣненіе ея къ вопросу о нейтралитетѣ Бельгіи. «Сохраненіе договоровъ между великими державами, говоритъ онъ въ своихъ *Мысляхъ и Воспоминаніяхъ*, дѣлается условнымъ съ того момента, какъ начинается борьба за существованіе. Ни одинъ великій народъ не согласится пожертвовать своимъ существованіемъ, чтобы быть вѣрнымъ своимъ договорамъ, если ему предоставлена возможность выбора. Поговорка: «Ultra posse, nemo obligatur» [1]) никогда не можетъ потерять своего значенія, благодаря пункту какого-нибудь договора; одинаково невозможно установить контрактомъ степень содѣйствія и вооруженныя силы, необходимыя для выполненія даннаго договора, если обязавшійся не видитъ болѣе выгоды въ томъ текстѣ, который онъ подписалъ, и въ его первоначальномъ толкованіи».

Г. фонъ Бюловъ гдѣ-то говоритъ о «богатыхъ сокровищахъ политическихъ познаній», которыя Бисмаркъ завѣщалъ Германіи: вотъ вѣроятно одно изъ этихъ познаній и притомъ изъ наиболѣе полезныхъ. Г. фонъ Бюловъ, зная это, не можетъ конечно говорить итальянцамъ объ уваженіи къ договорамъ. Онъ находился среди нихъ и усиленно старался своими убѣжденіями вернуть ихъ въ лоно тройственнаго союза, но изъ этого ничего не вышло.

Мы говорили, что не будемъ въ этомъ очеркѣ разбирать вторую часть книги г. фонъ Бюлова: она трактуетъ о внутренней политикѣ Германіи. Слѣдуетъ однако сказать нѣсколько словъ о главѣ, посвященной имъ Польшѣ, такъ какъ при современныхъ обстоятельствахъ эта глава имѣетъ тѣсное отношеніе къ дипломатіи и къ войнѣ.

Князь фонъ Бюловъ въ бытность свою канцлеромъ Германской имперіи былъ такъ же безжалостенъ къ Польшѣ, какъ и до него князь Бисмаркъ, а это не мало! «Границы государства, пишетъ онъ, не раздѣляютъ національностей одну

[1]) За предѣлами возможности обязательствъ нѣтъ.

отъ другой. Если бы было возможно, чтобы отдѣльные представители разныхъ національностей, съ ихъ различными языками, нравами и разнородной интеллектуальной жизнью, жили другъ съ другомъ въ одномъ общемъ государствѣ, не подпадая искушенію взаимно навязывать другъ другу особенности своей національности, жизнь слагалась бы на землѣ гораздо болѣе мирно. Но таковъ жизненный законъ исторической эволюціи, что тамъ, гдѣ сталкиваются разныя національныя культуры, онѣ всегда оспариваютъ другъ у друга первое мѣсто. Что тамъ, гдѣ двѣ разныя національности привязаны къ одной землѣ, трудно удовлетворить ихъ обѣихъ. Что при подобныхъ условіяхъ взаимныя столкновенія бываютъ легко, такъ какъ можетъ случиться, что мѣры, принятыя одной стороной съ благими намѣреніями, въ другой сторонѣ вызовутъ волненія и сопротивленіе; все это нигдѣ такъ ясно не выступаетъ, какъ въ той части старой Польши, въ которой, послѣ раздѣла, наиболѣе считались съ желаніями поляковъ». Странно, что пруссаки претендуютъ на то, что они, изъ трехъ участниковъ раздѣла, наиболѣе считались съ желаніями поляковъ: въ дѣйствительности, они вели свои дѣла наиболѣе удачно, а впослѣдствіи наиболѣе грубо и жестоко; въ Польшѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ герцогствахъ Эльбы, болѣе даже, чѣмъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, такъ какъ ея дѣятельность продолжалась тамъ дольше, такъ какъ ея радикальная неспособность ассимилировать себѣ чужую расу проявилась тамъ наиболѣе очевидно.

Прусская политика исходила изъ того принципа, какъ указано у г. фонъ Бюлова, что «превосходство культуры всегда давало политическія права», а такъ какъ Пруссія обладаетъ цивилизаціей, превосходящей всѣ другія, она вездѣ и надъ всѣмъ присваиваетъ себѣ преимущественное политическое право. Преслѣдуя это право въ Польшѣ, она задалась цѣлью устроить въ ней нѣмецкую колонію, изгоняя изъ нея поляковъ. Въ этомъ она потерпѣла неудачу по причинамъ, которыя здѣсь слишкомъ долго было бы разъяснять, и тогда она начала преслѣдовать поляковъ, доходя до крайней жестокости. Она рѣшительно задалась цѣлью систематически безжалостно вытѣснять поляковъ путемъ экспропріаціи,

чтобы занять ихъ мѣста. Г. фонъ Бюловъ излагаетъ съ удовольствіемъ, но къ сожалѣнію съ недостаточной точностью, результаты этой политики, по его мнѣнію, очень удачной; но въ этомъ онъ ошибается, эта политика вызвала только неудовольствіе, злобу и непримиримую ненависть.

Что же дѣлать! Надо помириться съ этимъ и продолжать предпринятое дѣло съ удвоенной энергіей. Неужели можетъ быть на свѣтѣ другое право, кромѣ того, что удобно Германіи? Если примѣненные методы «приводили вначалѣ къ обостренію антагонизма между народностями, то конечно объ этомъ можно было только пожалѣть, но, говоритъ г. фонъ Бюловъ, это было неизбѣжно. Въ политической дѣятельности, дѣйствительно, является иногда необходимость, которой, скрѣпя сердце, приходится подчиниться и отъ которой изъ сантиментальности отказываться не слѣдуетъ. Политика — ремесло суровое, въ которомъ душамъ чувствительнымъ рѣдко удается достичь совершенства». Пусть такъ, но это не всегда удается и душамъ нечувствительнымъ; недостаточно быть нечувствительнымъ, чтобы достичь совершенства: это было бы слишкомъ легко! Слова: суровый и суровость странно изобилуютъ въ прозѣ г. фонъ Бюлова. Въ концѣ концовъ, говоритъ онъ еще съ покорностью фактамъ, въ этотъ разъ безо всякой меланхоліи, «въ борьбѣ народностей — народъ бываетъ молотомъ или наковальней, побѣдителемъ или побѣжденнымъ».

Эта политическая философія, вѣроятно, покажется не очень нравственной: это она довела Германію до попранія всѣхъ человѣческихъ правъ. Ближайшее будущее покажетъ намъ, каковы будутъ ея послѣдствія въ другихъ мѣстахъ. Но по отношенію къ Польшѣ они сказались немедленно. Изъ трехъ частей этой несчастной страны, которую въ XVIII вѣкѣ подѣлили между собою Фридрихъ, Екатерина Великая и Марія-Терезія, именно въ части, доставшейся Пруссіи, русская прокламація должна была произвести наибольшее впечатлѣніе. Если кто-нибудь этому удивляется или спрашиваетъ себя о причинахъ подобнаго явленія, пусть прочтетъ книгу г. фонъ Бюлова.

Мы еще ничего не сказали о длинной главѣ, посвященной имъ Франціи, и предпочитаемъ въ этомъ отношеніи быть

краткими. Не потому, чтобы сказанное тамъ было для французовъ обиднымъ, нѣтъ: г. фонъ Бюловъ говоритъ о нихъ, конечно, тономъ большого превосходства,—это онъ дѣлаетъ по отношенію ко всѣмъ,—но, въ общемъ, дѣлаетъ это прилично и даже съ оттѣнкомъ уваженія. Онъ не порицаетъ того, что они подчиняютъ всю свою политику воспоминаніямъ, которыя имъ горестны, и надеждамъ, которыя имъ дороги, это внушаетъ ему даже смутное чувство почтенія, къ которому онъ старается примѣшать нѣкоторую иронію.

«Можно было бы сказать, пишетъ онъ, что затаенное неудовольствіе противъ Германіи является душой французской политики; другіе же интернаціональные запросы скорѣе матеріальнаго характера и до души не доходятъ. Это характерная черта французскаго народа—ставить психическія потребности выше матеріальныхъ. Непримиримое настроеніе Франціи—это факторъ, который намъ поневолѣ приходится вводить въ наши политическіе расчеты. Въ моихъ глазахъ болѣзненная глупость—питать надежду на возможность довести Францію до искренняго и дѣйствительнаго примиренія, пока у насъ не будетъ намѣренія вернуть ей Эльзасъ-Лотарингію». А этого намѣренія—Германія не имѣетъ...

Французы имѣютъ право требовать, чтобы это основное мнѣніе большинства французскаго народа было понято и учтено. Это доказательство сильнаго развитія чувства чести, если народъ такъ глубоко страдаетъ отъ обиды, нанесенной его гордости, если стремленіе къ реваншу становится господствующей національной страстью. «Какъ считаться съ націей, которая такъ упорно ни забыть, ни отчаяться не хочетъ, которая, однимъ словомъ — неисправима». Г. фонъ Бюловъ немного насмѣхается надъ тѣми, которые въ своихъ отношеніяхъ съ Франціей ждали «любезности и вниманія, составляющихъ размѣнную монету международныхъ отношеній»; спрашиваешь себя, не хотѣлъ ли онъ въ этой фразѣ сдѣлать косвенный намекъ на самого императора (Вильгельма)? «Германскій Михель, прибавляетъ онъ, вовсе не обязанъ все время имѣть видъ ухаживателя съ букетомъ въ рукахъ и достаточно-таки неловкими манерами, чтобы приблизиться къ строптивой красавицѣ, не отводящей взора отъ своихъ дорогихъ Вогезъ. Только

длительное констатированіе факта невозвратности потери 1871 г. заставить Францію окончательно, безъ задней мысли, привыкнуть къ положенію вещей, установленному Франкфуртскимъ договоромъ... Такъ что Франція противъ насъ...»

Англія тоже, но между нею и Франціей есть разница. «Франція, говоритъ г. фонъ Бюловъ, напала бы на насъ, если бы считала себя достаточно сильной для этого, а Англія— лишь въ томъ случаѣ, если бы пришла къ заключенію, что можетъ заставить восторжествовать свои политическіе и экономическіе интересы только насильственнымъ путемъ. Побужденіемъ англійской политики, по отношенію къ намъ, является національный эгоизмъ; побужденіемъ французской политики — національный идеализмъ. Тотъ, кто преслѣдуетъ свои интересы, обыкновенно будетъ дѣйствовать болѣе обдуманно, чѣмъ тотъ, кто дѣйствуетъ подъ вліяніемъ увлеченія какой-нибудь идеей».

Этой выдержкой мы и закончимъ наши цитаты: ихъ достаточно, чтобы показать, что вѣрно и что ложно въ сложныхъ мысляхъ князя фонъ Бюлова. Если онъ представляетъ Францію «непримиримой», то мы не смѣемъ утверждать, что онъ ошибается, но онъ ошибается, конечно, когда утверждаетъ, что французская политика внушалась и обусловливалась исключительно идеей реванша. Конечно, Франція никогда окончательно не отказывалась, но если бы идея реванша была постоянной и единственной, то мысль о войнѣ тоже не покидала бы ее, а Франція болѣе сорока лѣтъ не нарушала мира; она не нарушила бы его и теперь, если бы война ей не была объявлена. Каковы бы ни были ея затаенныя чувства, она не сочла бы себя въ правѣ начать войну только ради самой себя; это послужитъ къ ея чести въ исторіи и отличитъ ее тѣмъ отъ Германіи. Правда, и это тоже послужитъ къ ея чести, она ввела идеализмъ въ политику. Но развѣ Германія, съ своей стороны, тоже не вводитъ въ нее идеализмъ, конечно, своеобразный, не похожій на идеализмъ французскій, когда г. фонъ Бюловъ указываетъ на ея озабоченность паденіемъ германскаго престижа до того, что она готова предать все и вся огню и все залить кровью, чтобы исправить свои неудачи? Намъ, русскимъ, какъ и французамъ, нужны болѣе

благородныя побудительныя причины; мы не ведемъ политики ради престижа; нашъ идеалъ стоитъ гораздо выше, мы опираемся на право. Въ то же время мы не только машины съ механизмомъ изъ желѣза и стали, безъ всякой примѣси элементовъ болѣе упругихъ, менѣе жесткихъ, болѣе легкихъ.

Кромѣ того вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи для французовъ является вопросомъ не одного только чувства, хотя чувство и играетъ въ немъ большую роль. Неужели г. фонъ Бюлову приходится разъяснять, что матеріальное величіе государства достигаетъ своей полноты только въ моральномъ его величіи? Да, онъ это знаетъ такъ же хорошо, какъ и французы. Францію страшно укоснили, отнявъ Эльзасъ-Лотарингію, гораздо болѣе, чѣмъ это казалось бы по математическому отношенію утерянной площади къ площади ею сохраненной, и она увеличится еще въ большей мѣрѣ, когда вернетъ себѣ эти провинціи. Между тѣмъ Франція неоднократно доказывала, о чемъ свидѣтельствуетъ ея исторія, что она была способна жертвовать своими интересами ради великой идеи; хотя это, съ ея стороны, было не всегда разумно, но французы не жалѣютъ о томъ, что она поступала такимъ образомъ, такъ какъ нація этимъ облагораживается и вмѣсто того, чтобы внушать только одинъ страхъ, вызываетъ къ себѣ почтеніе и симпатію.

Г. фонъ Бюловъ противопоставляетъ Францію — Англіи, которая, по его мнѣнію, преслѣдуетъ свои интересы, тогда какъ Франція преслѣдуетъ свои идеи. Это значитъ завѣдомо ложно обвинять Англію: она тоже имѣетъ свою идею, которая весьма благородна; она одна изъ великихъ націй, распространяющихъ цивилизацію, которая оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе во всѣхъ странахъ міра. Во всякомъ случаѣ, это неожиданный результатъ для германской политики, которая считаетъ себя утилитарной и реалистической, а между тѣмъ такъ хорошо примирила интересы Англіи съ идеализмомъ Франціи. Но французы на это не жалуются.

Чтобы покончить съ этимъ разборомъ, посмотримъ, какова же цѣль, которую Германія, едва народившись, сейчасъ же себѣ поставила? Князь фонъ Бюловъ указываетъ ее на первой же страницѣ своей книги: это требовать и, волей

или неволей, добиться «мѣста на богатомъ міровомъ пиру». Къ ея несчастью, прибывъ на этотъ пиръ поздно, голодной, прожорливой, ненасытной, ей пришлось требовать не своего мѣста, но мѣста другихъ, того, которое другіе законно себѣ устроили упорнымъ, терпѣливымъ, героическимъ трудомъ, длившимся много столѣтій, орошеннымъ ихъ потомъ и кровью. Отсюда та общность чувствъ по отношенію къ ней. Несмотря на недостатки, которые, какъ говоритъ авторъ статьи, дѣлали французовъ иногда неудобными, рыцарская основа французскаго характера и тотъ идеализмъ, который Франція великодушно простирала на все человѣчество, предохранили ее отъ внушенія подобныхъ чувствъ. Вотъ почему она въ настоящее время имѣетъ столькихъ друзей и твердо увѣрена въ скоромъ правосудіи.

Германская армія по наблюденіямъ англійскаго офицера, служившаго въ ней [1]).

Т. де-Визева.

Еще въ 1914 г. на англійскомъ языкѣ появилась книга о германской арміи, написанная очевидно еще до начала войны. Авторъ ея—англійскій офицеръ, которому случай привелъ два раза активно служить въ рядахъ германской арміи. Получивъ воспитаніе въ германскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ долженъ былъ уже быть произведенъ въ подпоручики, когда извѣстіе о кампаніи англичанъ въ Гератѣ вызвало у него непреодолимое желаніе содѣйствовать тамъ успѣху оружія своихъ одноплеменниковъ. По окончаніи этой кампаніи онъ еще нѣкоторое время оставался въ Индіи, а затѣмъ испросилъ у императора Вильгельма разрѣшеніе вернуться въ ряды германской арміи. Въ настоящее время бывшій кавалерійскій прусскій офицеръ вновь освобожденъ отъ какой бы то ни было связи съ Германіей, но уже самый тонъ, которымъ онъ говоритъ о своихъ бывшихъ начальникахъ, товарищахъ и подчиненныхъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ, что онъ сохранилъ о нихъ наилучшее воспоминаніе.

Въ виду этого онъ съ удовольствіемъ выражаетъ свое восхищеніе передъ величіемъ и могуществомъ германскаго военнаго строя, съ которымъ онъ задался цѣлью познакомить насъ «изнутри», т. е. такъ, какъ ему удалось ознакомиться съ нимъ

---

[1]) «Revue des deux mondes» отъ 15-го ноября 1914 г.—Un livre anglais sur l'armée allemande», par M. T. de Wyzewa.

самому. Въ разныхъ главахъ своей прекрасной книжки, написанной съ такимъ умомъ, юморомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою сдержанностью, онъ все время перемѣшиваетъ похвалу съ порицаніемъ. Но мы испытываемъ тѣмъ болѣе удивленія и удовольствія, констатируя, что эта въ высшей степени безпристрастная книга, подтверждаетъ уже ранѣе слышанныя жалобы. Англійскій писатель съ одной стороны указываетъ намъ въ организаціи и дѣятельности германской арміи на рядъ положительныхъ качествъ, съ другой на ея слабости, недостатки и пороки. Онъ представляетъ намъ «зарейнскихъ» офицеровъ и солдатъ, изнывающихъ подъ подавляющимъ гнетомъ прусской дисциплины; описываетъ пагубное вліяніе «фаворитизма» со всѣми проистекающими отъ него опасностями; главнымъ же образомъ онъ выдвигаетъ постоянное паденіе нравовъ германской арміи. За исключеніемъ одной главы, о которой я сейчасъ упомяну, нѣтъ ни одной во всемъ его изслѣдованіи, въ которой онъ не указывалъ бы на неблагопріятное измѣненіе, происшедшее за время его пребыванія въ Индіи. Да, безусловно, то теченіе, которое увлекало всю Германію, увлекло и ея армію. Въ арміи также, какъ въ наукахъ, искусствахъ, въ общественныхъ и семейныхъ правахъ, наслѣдіе побѣдъ 1870 г. оказалось германцамъ не по плечу. Вплоть до этого ремесла, «дѣйствительно національнаго», которымъ всегда было военное дѣло въ Германіи, нѣмцы несутъ кару за то, что хотѣли двигаться впередъ слишкомъ быстро, и за то, что они слишкомъ предались ослѣпленію гордости!

Я уже указывалъ, что въ Германіи есть одна отрасль военнаго дѣла, которая, по мнѣнію англійскаго критика, въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, не перестаетъ непрерывно развиваться, давая изъ года въ годъ все болѣе и болѣе прекрасные плоды. Я говорю о томъ, что англичане называютъ «секретной службой, иначе говоря, о шпіонажѣ, какъ до, такъ и во время войны». Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу англійскій авторъ:

«Изо всѣхъ стратегическихъ средствъ, которыя примѣняетъ германское правительство, ни одно не организовано такъ совершенно, какъ «служба шпіонажа». Уже Фридрихъ Великій охотно хвалился тѣмъ, что имѣетъ «лишь одного повара,

но сотню шпіоновъ». Генералъ Радовичъ съ своей стороны писалъ: «Предоставить какому-нибудь народу выгоды секретной службы шпіонажа — это не значитъ даромъ расходовать деньги, напротивъ, нельзя и придумать лучшаго ихъ помѣщенія».

«Основываясь на этомъ принципѣ, Германія ежегодно расходуетъ двадцать милліоновъ франковъ на содержаніе громаднаго штата шпіоновъ, отъ самыхъ высшихъ чиновныхъ лицъ до самыхъ ничтожныхъ рабочихъ на заводахъ. Эти агенты работаютъ въ Россіи, Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, и многіе изъ нихъ не принадлежатъ къ нѣмецкой національности. Всѣ національности міра поставляютъ усердныхъ слугъ, оплачиваемыхъ Потсдамскимъ бюро шпіонажа. Служба шпіонажа въ Германіи раздѣлена на нѣсколько категорій, смотря по разряду требуемыхъ свѣдѣній: есть категорія морская, категорія военная, категоріи коммерческая, дипломатическая и т. п. Весьма важнымъ обстоятельствомъ, на которое мои англійскіе соотечественники не обратили достаточнаго вниманія, является то, что *всякій нѣмецъ, мало-мальски интеллигентный—шпіонъ*, платный или безплатный, такъ какъ каждый нѣмецъ пріученъ къ тому, чтобы считать своею обязанностью доводить до свѣдѣнія своихъ властей все, хотя бы и маловажное, но могущее быть для нихъ интереснымъ».

«Понятно, что употребленіе всевозможныхъ кривыхъ путей необходимо при службѣ шпіонажа какъ для того, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія, такъ и для того, чтобы передать ихъ куда слѣдуетъ. Жалованье шпіоновъ колеблется между 250 и 500 франковъ въ мѣсяцъ. Часто шпіоны получаютъ деньги, необходимыя для заведенія какой-нибудь небольшой торговли, устройства какой-нибудь скромной, невинной съ виду конторы или, если дѣло касается женщины, ее ставятъ во главѣ гораздо менѣе невиннаго заведенія. Жалованье всегда передается изъ рукъ въ руки; обыкновенно изъ Германіи присылаютъ какую-нибудь женщину съ крупной суммой денегъ, которую она должна передать контролеру какого-нибудь опредѣленнаго отдѣла, и онъ ужъ распредѣляетъ ихъ между своими подручными. Черезъ тѣхъ же посредниковъ передаются разныя сообщенія, и таково недовѣріе правительства по

отношенію къ своимъ служащимъ, что существуетъ еще цѣлая система контръ-шпіоновъ, которые слѣдятъ за шпіонами и курьерами».

«Въ своихъ донесеніяхъ шпіонъ не долженъ пропустить ни одной подробности. Предположимъ, что онъ изучаетъ интимную жизнь молодого офицера, который, какъ кажется, имѣетъ возможность доставать секретные документы. Никакая личность не должна казаться слишкомъ незначительной для нѣмецкаго шпіона, ни одна мельчайшая подробность не должна быть для него слишкомъ банальной. И вскорѣ этотъ шпіонъ уже составилъ отчетную карточку намѣченнаго человѣка, и эта карточка идетъ изъ рукъ въ руки, пока не дойдетъ до центральнаго бюро. Карточки содержатъ полную біографію офицера до послѣдняго момента: въ ней помѣщены свѣдѣнія о мѣстѣ его рожденія, его воспитаніи, семейномъ положеніи, нравственныхъ качествахъ его жены и дѣтей (если таковыя у него есть), его доходахъ, о большей или меньшей нуждѣ въ деньгахъ, о части, въ которой онъ служитъ, о занимаемой имъ должности, объ образѣ жизни, о его характерѣ, привычкахъ и слабостяхъ».

«Составленная такимъ образомъ отчетная карточка водворяется на соотвѣтствующее мѣсто въ регистрѣ центральнаго бюро и постепенно дополняется все новыми и новыми свѣдѣніями. Обнародованіе количества англійскихъ офицеровъ, удостоеннаго почетными карточками въ Берлинѣ, вызвало бы всеобщее удивленіе. Само собою разумѣется, что излюбленнымъ объектомъ для такихъ карточекъ являются офицеры бѣдные или расточительные, честолюбивые молодые люди, которымъ родители не имѣютъ возможности доставить достаточно средствъ, чтобы вести соотвѣтствующую жизнь въ дорогомъ модномъ полку».

Анонимный авторъ зналъ какъ разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодого англійскаго офицера, который изнывалъ подъ гнетомъ своихъ долговъ и былъ намѣченъ для привлеченія къ службѣ шпіонажа. Однажды въ фойѣ кафешантана онъ дѣлился своими невзгодами съ однимъ своимъ пріятелемъ, не подозрѣвая, что слова его подхватываются и другими. На слѣдующей же недѣлѣ онъ получаетъ письмо, въ которомъ бога-

тый иностранецъ, живущій въ одномъ изъ наиболѣе элегантныхъ кварталовъ Лондона, спрашиваетъ его, не согласился ли бы онъ заняться военной подготовкой его племянника, собирающагося поступить на англійскую службу. Иностранецъ, извиняясь за свое обращеніе, упоминаетъ о вознагражденіи, которое онъ хочетъ предложить офицеру за эти занятія; это вознагражденіе оказалось столь значительнымъ, что офицеръ счелъ своимъ долгомъ, прежде всего, представить это письмо своему командиру. Нечего и говорить, что предполагавшіеся уроки по военному искусству такъ и не состоялись: старый германскій дядюшка, если узналъ когда-нибудь подробности этого дѣла, вѣроятно, проклялъ свою чрезмѣрную щедрость.

Но рядомъ со штатскими агентами нѣмецкое бюро шпіонажа пользуется услугами и множества военныхъ шпіоновъ всѣхъ родовъ оружія и ранговъ, начиная съ простого солдата, который изъ любви къ наживѣ устраивается въ какомъ-нибудь иностранномъ портѣ или крѣпости, до офицера, одушевленнаго патріотизмомъ, готоваго выполнить самыя опасныя порученія. Нѣкоторые изъ этихъ военныхъ шпіоновъ оказываются настоящими геніями по своей ловкости и хитрости. Авторъ маленькой книги во время своей службы въ англійской арміи въ Бирманіи имѣлъ подъ своимъ начальствомъ солдата нѣмецкаго происхожденія, который, бѣжавъ изъ своего вестфальскаго полка, провелъ нѣсколько лѣтъ во французскомъ иностранномъ легіонѣ, дезертировалъ вновь и былъ счастливъ получить, наконецъ, свое настоящее мѣсто.

Его уходъ изъ нѣмецкой арміи произошелъ вслѣдствіе ссоры, во время которой онъ убилъ своего подпоручика; единственнымъ чувствомъ въ душѣ этого несчастнаго осталась глубокая ненависть къ германской арміи. А потомъ, въ одинъ прекрасный день, старый нѣмецкій солдатъ исчезъ: онъ унесъ съ собою планы всѣхъ новыхъ укрѣпленій на Бирманскомъ берегу, а также, по всей вѣроятности, и массу цѣнныхъ свѣдѣній о французскихъ укрѣпленіяхъ въ Кохинхинѣ, гдѣ стоялъ его баталіонъ французскаго иностраннаго легіона.

Но пора перейти къ чисто военнымъ указаніямъ англійскаго писателя. Я уже говорилъ, какимъ образомъ произошло его первое соприкосновеніе съ германской арміей въ кадет-

скомъ корпусѣ, гдѣ онъ провелъ часть своей юности; поэтому нечего удивляться, что въ первой главѣ своей книги, послѣ предисловія, посвященнаго очень точнымъ и интереснымъ общимъ замѣчаніямъ, онъ описываетъ режимъ этихъ знаменитыхъ школъ, откуда выходитъ большинство нѣмецкихъ офицеровъ. Этотъ режимъ, по словамъ англійскаго автора, очень походитъ на тотъ, которому подчиняются въ Германіи молодые солдаты со дня прибытія ихъ въ полки: и здѣсь, и тамъ главный педагогическій методъ заключается въ томъ, чтобы «милитаризировать» будущаго офицера или солдата, убивъ въ немъ его личность и подчинивъ его гнету грубой и безжалостной дисциплины.

«Я лично испыталъ грубое воздѣйствіе этой дисциплины, лишь только переступилъ порогъ школы, куда меня отдали мои родители. Мнѣ пришлось столкнуться съ однимъ изъ старшихъ воспитанниковъ, которые, по обычаю всѣхъ нѣмецкихъ школъ, должны наблюдать за воспитанниками младшихъ классовъ. Грубымъ и презрительнымъ тономъ этотъ кадетъ спросилъ мое имя. Я отвѣтилъ самымъ почтительнымъ образомъ, послѣ чего этотъ юноша, безъ малѣйшаго гнѣва и просто изъ принципа, исполняя свой долгъ, ударилъ меня изо всѣхъ силъ по лицу. И это вовсе не потому, что я носилъ англійскую фамилію, а потому, что былъ «новичкомъ», котораго надо было «сломить».

«Дядькой въ моей комнатѣ былъ одинъ изъ тѣхъ типичныхъ унтеръ-офицеровъ прусской арміи, которые не видятъ другого способа поддержать дисциплину, какъ физической силой. Я готовъ поклясться, что онъ ежедневно проводилъ цѣлые часы, изобрѣтая и придумывая новыя формы наказаній. Одно изъ его любимыхъ развлеченій состояло въ томъ, чтобы принудить воспитанника носить подъ каждой мышкой по три толстыхъ словаря, стоять наноскахъ, сгибать колѣни и оставаться въ этомъ положеніи десять, пятнадцать минутъ; если же кто имѣлъ несчастье не удержаться и упасть, то онъ осыпалъ его ударами. Впрочемъ, и остальные унтеръ-офицеры корпуса по меньшей мѣрѣ соперничали съ нимъ въ совсѣмъ ненужной жестокости».

Англійскій авторъ утверждаетъ, что тому изъ его соотечественниковъ, кто имѣлъ случай познакомиться съ англійскими воен-

ными школами Вульвича или Саадгёрста, нѣмецкій кадетскій корпусъ показался бы «дисциплинарнымъ учрежденіемъ», и онъ прибавляетъ, что образованіе, которое тамъ получаютъ воспитанники, соотвѣтствуетъ той дисциплинѣ, которой ихъ подвергаютъ. Тамъ, какъ и въ казармахъ, подъ предлогомъ развить у молодыхъ людей «мужскія качества», учителя стараются подавить у нихъ въ сердцѣ всякое чувство жалости. «Грабьте! Жгите! Убивайте! Эти три слова могли бы служить девизомъ военнаго воспитанія каждаго нѣмецкаго солдата».

Что касается плодовъ этихъ поученій, то все, что англійскій авторъ могъ бы указать намъ, во много и много разъ превосходится тѣмъ, что мы видѣли за время войны. Привыкнувъ, по примѣру и разъясненію начальниковъ, видѣть въ жестокости наивысшую военную добродѣтель, въ свое время встрѣченные въ школѣ или казармахъ ударами, нѣмецкіе солдаты и офицеры уже оставили въ насъ неизгладимое воспоминаніе о той «мужественности», про которую они, впрочемъ, знали, что она одобряется ихъ державнымъ вождемъ.

«Съ какими прекрасными словами обратился къ намъ только что государь!» сказалъ молодой нѣмецкій поручикъ своему другу, англійскому автору, выходя съ аудіенціи, данной императоромъ Вильгельмомъ офицерамъ китайскаго экспедиціоннаго корпуса. У поручика слезы стояли въ глазахъ при воспоминаніи объ этихъ прощальныхъ словахъ монарха. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, каковы были эти прекрасныя слова: «Не щадите никого тамъ, куда вы отправляетесь! заслужите себѣ славу, подобную славѣ гунновъ Аттилы!»

Конечно, намъ нечего искать въ книгѣ англійскаго автора доказательствъ дѣйствительности уроковъ, полученныхъ молодыми людьми въ германскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ! Я только позволю себѣ отмѣтить еще одинъ фактъ, который окончательно выяснитъ всесильное дѣйствіе этихъ уроковъ «варварства» на души молодыхъ людей. Авторъ разсказываетъ, что въ началѣ недавней южно-африканской войны всѣ германскіе офицеры его гарнизона не переставали сожалѣть о снисходительности, съ которой англичане обращались со своими врагами, какъ о фактѣ въ высшей степени «антимилитарномъ». Авторъ признается, что онъ и самъ, несмотря на

свое английское происхожденіе, раздѣлялъ мнѣніе своихъ нѣмецкихъ товарищей или по крайней мѣрѣ опасался, что такой способъ веденія войны можетъ доставить его соотечественникамъ весьма большія затрудненія. «Такъ что удивленіе мое было весьма велико,—говоритъ онъ,—когда мнѣ впослѣдствіи пришлось, наоборотъ, убѣдиться въ прекрасныхъ результатахъ той мягкости, которая меня сперва такъ напугала».

Охарактеризовавъ намъ, такимъ образомъ, подготовку нѣмецкой воинской среды, англійскій писатель описываетъ взаимоотношенія разныхъ іерархическихъ ступеней. Онъ указываетъ намъ на полное отсутствіе нравственной связи между солдатами и ихъ начальниками. «Въ противоположность тому, что мы видимъ во французской и англійской арміяхъ, нѣмецкій офицеръ никогда не пользуется довѣріемъ своихъ солдатъ. Насколько мнѣ извѣстно, никогда ни одинъ нѣмецкій офицеръ не дѣлалъ ни малѣйшаго усилія для того, чтобы сблизиться со своими солдатами. А это, по-моему, грустно даже съ чисто профессіональной точки зрѣнія. Солдатъ любитъ чувствовать около себя кого-нибудь, кто бы интересовался имъ, могъ бы при случаѣ дать совѣтъ или, по крайней мѣрѣ, сочувственно выслушать его горести».

«И все-таки въ германской арміи не такъ ужъ рѣдко встрѣчаются офицеры, которые, не снисходя до роли повѣренныхъ своихъ солдатъ, все же проявляютъ по отношенію къ нимъ нѣкоторую симпатію, тогда какъ обычный типъ унтеръ-офицера, по словамъ англійскаго автора, все болѣе и болѣе приближается къ уже описанному типу дядьки въ кадетскомъ корпусѣ. Но и пополненіе состава унтеръ-офицеровъ за прошлые годы начинаетъ сильно безпокоить военныхъ начальниковъ. Всѣ они или почти всѣ основываютъ весь свой авторитетъ на чисто нѣмецкихъ методахъ—грубой силѣ и угрозахъ,—методахъ, дававшихъ, пожалуй, въ мирное время удовлетворительные результаты, но рискующихъ въ военное время оказаться значительно менѣе плодотворными».

Особенно, когда война приметъ окончательно неудачный оборотъ [1]).

---

[1]) Курсивъ переводчика.

Историческія причины германскаго варварства [1].

«Можно сказать, пишетъ докладчикъ французской комиссіи для установленія актовъ правонарушенія, совершаемыхъ непріятелемъ, что никогда война между цивилизованными народами не носила столь звѣрскаго и ожесточеннаго характера, какъ война, внесенная въ настоящее время къ наши предѣлы противникомъ, не знающимъ жалости».

Полагаю, что надо вернуться къ временамъ Тамерлана и Чингизъ-Хана, чтобы найти въ исторіи примѣръ столь разнузданнаго варварства, какому со стороны германской арміи съ первыхъ чиселъ августа 1914 года подвергается несчастная Бельгія и сѣверо-восточная Франція. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что, не обладая могучими разрушительными средствами, которыя наука дала въ руки современному человѣку, варваръ прежнихъ временъ былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ «культурный» человѣкъ нашихъ дней.

Дѣйствительно, особенно ужаснымъ въ современномъ германскомъ звѣрствѣ является именно научный его характеръ, не только въ томъ, что оно пользуется новѣйшими усовершенствованіями промышленной и военной техники, но и особенно въ томъ, что оно является результатомъ особой доктрины. Если войны и сопровождались всегда въ большей или меньшей степени жестокостями, то до сего времени мы нигдѣ

---

[1] «Revue des deux mondes» отъ 1-го іюля 1915 г.—«Les origines de la barbarie allemande», par Paul Gaultier.

были испорчены, какъ у римлянъ эпохи упадка. А ихъ потомки развѣ лучше? Скандалы, недавно обнаруженные Максимиліаномъ Гарденомъ, не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Самыя извѣстныя имена, самыя близкія ко двору замѣшаны въ нихъ.

Какъ мы далеки теперь отъ того нѣмца, котораго французы воображали себѣ, какъ человѣка честнаго, одновременно наивнаго и мирнаго, занятаго единственно обмѣномъ весьма туманныхъ мыслей въ небольшомъ кругу друзей, въ тяжелой атмосферѣ какой-нибудь пивной. Мы еще болѣе далеки конечно отъ изображенія, нарисованнаго намъ M-me де-Сталь, которая, какъ говоритъ смѣясь Гейне, по ту сторону Рейна видѣла только «туманную страну духовъ, въ которой безплотные люди, полные всевозможныхъ добродѣтелей, прогуливаются по снѣжнымъ полямъ, разговаривая между собою лишь о вопросахъ нравственности и метафизики». Эти сладкія видѣнія, которыя однако не были вполнѣ ложными, уступили мѣсто грозной и повелительной фигурѣ Бисмарка, за которой рисуется тощій и жестокій силуэтъ маршала Мольтке.

Причина такой перемѣны, за исключеніемъ, конечно, иллюзій, которыя французы создали себѣ относительно своихъ сосѣдей, заключается въ томъ, что грубые и дикіе инстинкты германскаго характера, не вполнѣ еще очищеннаго цивилизаціей, въ настоящее время взяли верхъ надъ стремленіями идеалистическими, глубокой сантиментальностью и наклонностью къ отвлеченному мышленію, которымъ въ другія эпохи удавалось ихъ обуздать. Мы находимся передъ полнымъ переворотомъ нѣмецкой души съ тѣмъ отягчающимъ обстоятельствомъ, что эти низкіе инстинкты не уничтожили мечтательной силы, которая въ ней заключалась, а подчинили ее себѣ. Такая идеализація дурныхъ силъ прямо ведетъ къ систематической разнузданности, къ оправданію и апоѳеозу всего того грубаго, что всегда было въ германской душѣ.

Какъ могло совершиться подобное превращеніе? Фактъ, что германская философія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ содѣйствовала сознательно или нѣтъ тому, чтобы оправдать, а затѣмъ и узаконить всѣ инстинкты, не исключая и наиболѣе низменныхъ. Я не хочу утверждать, что нѣмецкіе фило-

софы являются непосредственно отвѣтственными за теперешнія звѣрства или что ихъ доктрины неизбѣжно должны были вести къ тому, что теперь творится нѣмецкими войсками. Я совсѣмъ не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто слишкомъ просто смотритъ на дѣло и всю вину возлагаетъ на Лютера и Канта. Слишкомъ уже часто указываютъ на нѣмецкія звѣрства, какъ на неизбѣжное послѣдствіе этихъ доктринъ. Это несправедливо, потому что невѣрно. Протестантизмъ, какъ таковой, ни при чемъ въ тевтонскихъ звѣрствахъ. Поведенія, выше всякихъ похвалъ, английскихъ и французскихъ протестантовъ въ эту войну достаточно, чтобы убѣдить въ этомъ, если бы это и не было очевидно само собою. Протестантизмъ можетъ только порицать во имя совѣсти, что онъ и дѣлаетъ — разнузданность и насиліе, такъ какъ самъ проникнутъ нравственными началами и настойчиво проповѣдуетъ самообузданіе. Что же касается Канта, то онъ не только не можетъ служить оправданіемъ для современныхъ звѣрствъ, а, напротивъ, все его ученіе является прямымъ протестомъ противъ нихъ. Ссылаясь на него, въ подтвержденіе своихъ доктринъ, нѣмецкіе интеллигенты безусловно злоупотребляютъ его именемъ. Въ его опытѣ изслѣдованія о вѣчномъ мирѣ онъ совершенно ясно воспрещаетъ, на что въ свое время точно указалъ Эйхталь, всѣ преступленія, которыя его соотечественники считаютъ себя въ правѣ совершать во имя теоріи «военной необходимости». Что бы ни говорили, но на основаніи ученій Фихте, Шеллинга и Гегеля нельзя прійти логически къ оправданію воровства и убійства. Остается, значитъ, только то, что подъ вліяніемъ обстоятельствъ, при данныхъ отрицательныхъ сторонахъ германскаго характера, который, — этого не слѣдуетъ забывать, — примѣнялъ ее, нѣмецкая философія конечно имѣла нѣкоторое вліяніе на движеніе умовъ, поведшее въ Германіи къ разнузданности и дикости, возведеннымъ въ систему. Въ другомъ мѣстѣ та же философія принесла бы другіе плоды. Соціальные факторы всегда дѣйствуютъ въ совокупности съ другими, откуда слѣдуетъ, что въ соціологіи всякое явленіе всегда является слѣдствіемъ множества причинъ, которыя, комбинированныя иначе, привели бы совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Въ данномъ случаѣ объ этомъ слѣдуетъ помнить.

Что касается того, что германскій характеръ отчасти повліялъ на направленіе германской философіи, то это безспорно; вѣрно конечно и то, что, обратно, соціальные факторы дѣйствуютъ другъ на друга взаимно, съ конца XVIII столѣтія эта философія, исключительно критическаго направленія, содѣйствовала разрушенію нравственности, а слѣдовательно и разнузданію страстей, вопреки морализму, который хотя и выражался въ формѣ категорическаго императива, все же былъ весьма слабъ. Вліяніе философіи не является первопричиной, такъ какъ ученіе Канта возникло на почвѣ религіозной критики, начало которой положилъ Лютеръ.

Желая возвратить религію къ мистическому порыву души, просвѣтленной Богомъ, основатель протестантизма не удовольствовался тѣмъ, чтобы откинуть католическую догму: онъ радикальнымъ образомъ отдѣлилъ вѣру отъ разума. Отрицаніе вмѣшательства разума въ дѣло вѣры могло повести только къ мистицизму и, по удивительному обороту мысли, къ самому смѣлому раціонализму во всемъ, что касается какой бы то ни было науки, хотя бы даже религіи. И на самомъ дѣлѣ, освобожденный фидеизмомъ отъ всякаго стѣсненія или, вѣрнѣе, отъ всякаго руководительства въ области толкованія ученій Св. Писанія, разумъ не замедлилъ напасть не только на догмы, но и на откровеніе, на которое Лютеръ смотрѣлъ какъ на исключительный источникъ вѣры, на историческія данныя и даже на метафизику самаго христіанства. Послѣ Лессинга, который разрушилъ традиціонную теорію непосредственнаго вдохновенія Св. Писанія, толкованіе библіи дошло до отрицанія понятія сверхъестественнаго и до низведенія основъ христіанства до поэтическаго разсказа о религіозныхъ переживаніяхъ первыхъ христіанъ. Такимъ образомъ религія свелась къ чувству, лишенному всякаго реальнаго значенія. Какъ всякая эмоція не можетъ быть ни вѣрной, ни ложной,— ее испытываютъ или не испытываютъ, вотъ и все!—толкователи дошли до того, что стали утверждать, что въ дѣлѣ религіи о вѣрности или невѣрности не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны Шлейермахеръ въ концѣ XVIII вѣка отдѣлилъ окончательно нравственность отъ религіи, неспособной по его мнѣнію установить никакихъ нормъ для нашего поведенія.

Вспомнимъ о предсказаніи Генриха Гейне: «Христіанство, пишетъ онъ, смягчило до извѣстной степени грубый, воинственный пылъ германцевъ, но оно не могло его разрушить и, когда крестъ, этотъ талисманъ, который его удерживаетъ, будетъ сломанъ, тогда наружу снова выступитъ жестокость древнихъ воиновъ и грубая экзальтація Берсекеровъ, которыхъ поэты Сѣвера воспѣваютъ до сихъ поръ. Тогда — увы! этотъ день непремѣнно настанетъ, — тогда старыя божества войны возстанутъ изъ своихъ легендарныхъ могилъ и стряхнутъ съ себя вѣковую пыль; Торъ возстанетъ со своимъ гигантскимъ молотомъ и разрушитъ готическіе соборы...»

Напрасно Эммануилъ Кантъ пытался удержать нравственность на той наклонной плоскости, по которой она катилась и которая вела ее къ разрушенію, стараясь создать догматъ для индивидуальной нравственности, для которой онъ будетъ категорическимъ императивомъ. Напрасно провозглашалъ онъ превосходство критерія практическаго надъ критеріемъ теоретическимъ, который, по его словамъ, не можетъ дать намъ увѣренности, бывающей при исполненіи нравственнаго долга. Напрасно стремится онъ доказать, что существованіе скрытаго въ глубинѣ нашей души нравственнаго закона доказываетъ существованіе Бога и безсмертіе души. Моральный законъ Канта не можетъ быть для насъ обязательнымъ въ силу сомнѣнія, въ которомъ оставляетъ насъ критика чистаго разума относительно чуждой намъ реальности; такимъ образомъ этотъ законъ во всякомъ случаѣ является индивидуально-условнымъ для каждаго изъ насъ, такъ какъ мы сами создаемъ его для себя. Напрасно Кантъ, чтобы избѣжать этого противорѣчія, предписываетъ возведеніе въ общее правило тѣхъ принциповъ, которыми мы считаемъ долгомъ руководствоваться для отличія того, что нравственно, отъ того, что не нравственно, того, что согласно закону категорическаго императива, отъ того, что является лишь его искаженіемъ; все это только фикція, такъ какъ единственнымъ судьей нашихъ поступковъ по теоріи Канта является исключительно наше индивидуальное чувство. Извѣстно, на какія уклоненія способно индивидуальное или даже коллективное сознаніе, несмотря ни на какіе моральные законы. Какъ бы важна ни была ея роль,

какъ бы возвышенна она ни была, совѣсть все же сильно рискуетъ заблуждаться, если ей не дать твердыхъ принциповъ, которыми она могла бы руководствоваться.

Между тѣмъ Фихте не только отнялъ у совѣсти какіе бы то ни было принципы, которыми она могла бы руководствоваться, но даже разрушилъ всѣ преграды, которыя могли бы воспрепятствовать свободному развитію индивидуальнаго «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда, какъ Кантъ за внѣшнимъ воспріятіемъ оставляетъ реальность «въ себѣ», формы которой, это правда, опредѣляетъ духъ, Фихте уничтожаетъ даже этотъ послѣдній призракъ сущности «внѣ человѣка». Онъ безо всякаго стѣсненія устанавливаетъ идентичность «я» и «не я». Иначе говоря, «я» создаетъ міръ, который насъ окружаетъ: это не преграда, которую оно встрѣчаетъ, это границы, которыя оно само себѣ создаетъ. Абсолютно свободное «я» изъ любой реальности создаетъ любую правду. Изъ верховнаго законодателя это «я» произведено въ верховнаго творца. Нѣтъ ничего такого, что имѣетъ право или можетъ ему противостоять, такъ какъ, собственно говоря, все отъ него и происходитъ. Творить и творить притомъ возможно болѣе, является такимъ образомъ единственнымъ закономъ, первымъ и главнымъ, который не можетъ подчиниться никакому другому по той существенной причинѣ, что другихъ законовъ нѣтъ и что онъ—все. Это, при наиболѣе радикальномъ субъективизмѣ, наиболѣе полное освобожденіе личности. Изъ этого слѣдуетъ, что каждый поступокъ, каковъ бы онъ ни былъ, законенъ и даже похваленъ. Каждый создаетъ себѣ нравственность самъ. На практикѣ это можетъ пойти довольно прилично при характерахъ, отъ природы склонныхъ къ добру, но легко догадаться, какія низости и звѣрства у нихъ способна оправдать подобная философія.

Въ видѣ естественнаго послѣдствія и одновременно въ видѣ реакцій, нѣсколько нѣмецкихъ писателей въ ту же эпоху задались цѣлью оправдать природу въ ея самыхъ глубокихъ, самыхъ сильныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ тревожныхъ проявленіяхъ, т. е. въ ея инстинктахъ. Какъ это отлично выяснилъ Имбартъ де-ла-Туръ въ третьемъ своемъ томѣ, посвященномъ историческимъ основамъ реформатскаго

движенія, это и должно было быть послѣдствіемъ фидеизма Лютера. Освободившись отъ гнета интеллекта въ области вѣры и даже поступковъ, основатель протестантизма далъ преимущество чувству надъ разумомъ. Эта тенденція, которую увѣнчала доктрина благодати, побудила Гердера, Якоби, самого Гёте и всѣхъ романтиковъ, включая Новалиса, преклониться передъ «творческимъ началомъ природы». Наши инстинкты, которые являются непосредственными проявленіями этого начала, неразрывно связаны съ постепеннымъ откровеніемъ, Мессіей котораго является человѣкъ. По Гердеру, повинуясь нашимъ страстямъ, мы подчиняемся законамъ не менѣе прекраснымъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ движеніями небесныхъ свѣтилъ. Развѣ это можетъ быть иначе? Развѣ природа, которую онъ считаетъ столь же реальной, какъ и свое «я», не кажется Шеллингу божественной? Достойный продолжатель Фихте, которому онъ противорѣчитъ, придавая его мыслямъ еще бо̀льшую глубину, онъ указываетъ на то, что «я», которое по Фихте создаетъ «не я», не является ни субъектомъ, ни объектомъ, а высшимъ абсолютнымъ принципомъ, отъ котораго они оба происходятъ. Шеллингъ, однимъ словомъ, проповѣдуетъ самый чистый пантеизмъ. Природа и духъ тѣмъ болѣе гармонируютъ въ его системѣ, что каждый изъ нихъ, при естественномъ развитіи, на свой ладъ олицетворяетъ міровую душу, отвлеченный принципъ, въ которомъ получаютъ свое разрѣшеніе (такъ какъ они отъ него происходятъ), антитеза «я», которая его олицетворяетъ, и антитеза природы, которая его объективируетъ. Однако не слѣдуетъ заблуждаться, Генрихъ Гейне, къ которому, говоря о Германіи, всегда приходится возвращаться, видѣлъ въ пантеизмѣ, такъ понятомъ, страшную силу. «Если длань кантіанца наноситъ тяжелые и вѣрные удары, такъ какъ въ его сердцѣ нѣтъ традиціоннаго уваженія къ авторитетамъ; если фихтеіанецъ храбро презираетъ всѣ опасности, такъ какъ онѣ для него реально не существуютъ, то натуралистическій философъ будетъ ужасенъ, такъ какъ онъ опирается на первоначальныя силы природы, такъ какъ вызываетъ скрытыя силы традицій, такъ какъ можетъ воззвать ко всѣмъ скрытымъ силамъ германскаго пантеизма и такъ какъ пробуждаетъ въ

себѣ тотъ воинственный пылъ, который мы находимъ у древнихъ германцевъ и который жаждетъ сраженій не для разрушеній, ни даже для побѣдъ, а изъ любви къ борьбѣ». Пантеизмъ Шеллинга фактически доходитъ до обожествленія инстинкта, такъ какъ онъ возлагаетъ на него роль абсолюта. Шопенгауэръ со своей стороны разсматривалъ инстинктъ подъ именемъ стремленія къ самосохраненію, какъ первопричину міроздания.

Наконецъ появляется Гегель, который даетъ инстинкту логическое обоснованіе. По нему абсолютное уже не трансцедентно, а присуще реальному. Это уже не принципъ, общій природѣ и духу, а попеременно само является то природой, то духомъ, такъ какъ оно не неизмѣнно—оно пресуществляется. Это постоянство бытія въ концѣ концовъ и составляетъ абсолютное. Но это постоянное пресуществленіе, этотъ постоянный прогрессъ матеріи и мысли, въ которомъ состоитъ абсолютное, по существу всегда остается логичнымъ; отсюда ясно, что для Гегеля мысль и реальное —идентичны. Отсюда слѣдуетъ, что все, что раціонально—реально, а все реальное—раціонально, или, точнѣе, что все осуществляющееся—разумно. Достаточно такимъ образомъ того, чтобы что-нибудь осуществилось, чтобы какое - нибудь дѣйствіе совершилось, чтобы сейчасъ же признать его разумнымъ, соотвѣтственнымъ тому разуму, который, идентичный Богу, постепенно все болѣе и болѣе познаетъ самого себя въ человѣкѣ. Успѣхъ такимъ образомъ является единственнымъ мѣриломъ какъ логическаго, такъ и моральнаго достоинства нашихъ поступковъ. Иначе говоря, фактъ является правомъ по той основной причинѣ, что они по существу—одно и то же.

Теперь понятно, что при такихъ условіяхъ метафизика Гегеля могла породить матеріализмъ. Что и случилось, а затѣмъ эта метафизика еще болѣе увеличила довѣріе, которое нѣмцы, со временъ Шеллинга, питали къ инстинкту. Этотъ матеріализмъ не мало посодѣйствовалъ пониженію нравственнаго уровня человѣчества, удовлетворяя самымъ грубымъ инстинктамъ, которые онъ, по германскому обыкновенію, окружилъ мистическимъ ореоломъ, весьма способствующимъ ихъ привлекательности. «Матерія вѣчна, она является абсолютомъ

природы», пишетъ Стеффенсъ, а профессоръ Лассонъ добавляетъ: «матеріи нужно единство духа». Мистицизмъ и матеріализмъ такимъ образомъ сливаются у него воедино.

Эта медленная эволюцію, которую производятъ Фохтъ, Молешотъ, Бюхнеръ и Цоллеръ между 1850 и 1860 годами, приводитъ къ историческому матеріализму Карла Маркса, который объясняетъ всю исторію цивилизаціи, включая сюда всѣ нравы, мысли, философію, чувства, все научное, художественное и литературное творчество, исключительно экономическими факторами. Изъ этой пропаганды наконецъ вышло исключительное возстановленіе правъ плоти, точнѣе говоря, родъ антихристіанскаго сенсуализма, т. е. настоящее возрожденіе самаго смѣлаго паганизма. Эту пропаганду Геккель сдѣлалъ еще болѣе интенсивной послѣ 1870 года, благодаря своей попыткѣ объяснить все загадочное въ мірозданіи единственно на основаніи физическихъ законовъ. Кромѣ того, его ученіе способствовало возникновенію духа капиталистическихъ предпріятій, для котораго матеріальное благосостояніе, со всѣми наслажденіями, которое оно доставляетъ, является, конечно, самодовлѣющей цѣлью. Если дойти до такого міровоззрѣнія, то естественно, что всѣ средства для достиженія богатства, даже самыя худшія, окажутся пригодными: преуспѣть—другого правила не существуетъ. Для нѣмецкой совѣсти это казалось тѣмъ болѣе вѣрнымъ, при паденіи всѣхъ моральныхъ принциповъ и даже самой нравственности, такъ какъ идеалистическая философія приходила къ подобнымъ же выводамъ, доходя до божественнаго обоснованія инстинктивнаго стремленія къ власти.

Лучше того, въ Германіи нашелся великій писатель, хотя и ярый противникъ матеріализма, но восхваляющій это стремленіе къ власти и совѣтующій удовлетворять его, хотя бы и наихудшими путями; такимъ образомъ онъ осуждаетъ христіанскія добродѣтели—кротость, доброту, скромность, жалость, цѣломудріе, которыя по его мнѣнію являются лишь помѣхою, замѣняя ихъ жестокостью, злостью, гордостью, сладострастіемъ, которыя способствуютъ его цѣлямъ; все это, говоритъ онъ, для переоцѣнки цѣнностей. Это Нитцше—самый ярый противникъ христіанства. Не упрекаетъ ли онъ христіанство и даже тѣхъ, кто безсознательно проникся имъ, вѣрой въ лучшую загроб-

не видимъ, чтобы эти жестокости разрѣшались или поощрялись, а тѣмъ болѣе творились по особому распоряженію, согласно ученію выдающихся стратеговъ, подъ рукоплесканія цѣлаго народа, съ интеллигенціей и его правителемъ во главѣ.

«Есть одно условіе, которое вы мнѣ должны поклясться выполнить, пишетъ Наполеонъ въ прокламаціи 1796 г. къ своимъ солдатамъ: это, что вы пощадите народы, которые освободите; это, что вы не допустите страшныхъ грабежей, которымъ предаются негодяи... Я не допущу, чтобы разбойники опозорили ваши лавры».

Только современнымъ намъ нѣмцамъ предстояло возвести кражу, насиліе, убійство, грабежъ, поджогъ, ложь и клятвопреступленіе въ офиціальный методъ войны. И они еще гордятся этимъ: «Насъ называютъ варварами, пишетъ берлинскій «Tag»: такъ что же! мы смѣемся надъ этимъ. Въ крайнемъ случаѣ мы могли бы только спросить себя, имѣемъ ли мы хоть нѣкоторое право на это наименованіе».

«Пусть намъ не говорятъ о Реймскомъ соборѣ и всѣхъ церквахъ и дворцахъ, которые раздѣлятъ его участь: мы не хотимъ ничего объ этомъ болѣе слышать. Пусть изъ Реймса къ намъ только придетъ донесеніе о вторичномъ побѣдоносномъ занятіи его нашими войсками; все остальное для насъ безразлично».

Подобное состояніе души нельзя считать ни неожиданно возникшимъ, ни наскоро вызваннымъ. Оно является послѣдствіемъ длительной подготовки, вѣрнѣе сказать, послѣдствіемъ особаго философскаго направленія. Возложимъ ли мы въ такомъ случаѣ всю вину безраздѣльно и безо всякихъ оговорокъ на нѣмецкую философію? Нѣтъ: она одна не была бы достаточнымъ факторомъ для вызова такого настроенія, если бы не встрѣтила въ основахъ германскаго характера, изъ которыхъ она въ сущности проистекла, благопріятной почвы и зародышей, развитію которыхъ она способствовала. Кромѣ того, чтобы достичь такого полнаго расцвѣта стремленія къ господству, вопреки всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ, необходимо было, чтобы создавшееся послѣ побѣдоносныхъ кампаній 1864, 1866 и 1870 годовъ положеніе содѣйствовало подобному развитію. По правдѣ сказать, эти побѣды

и были той искрой, которая вызвала, подъ именемъ германизма, то оригинальное направленіе ея философіи національнаго характера, изъ котораго возникло современное тевтонское варварство.

I.

Душевныя свойства германскаго народа дѣйствительно всегда колебались между двумя противоположными направленіями, которыя, по мѣрѣ движенія исторіи, каждое, въ свою очередь, становилось господствующимъ: направленіе идеалистическое съ одной стороны и реалистическое съ другой. Что бы ни говорили, въ сущности всегда существовало двѣ Германіи, конечно, не одна на ряду съ другой въ обществѣ, а въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго нѣмца.

Нитцше не ошибался, находя своихъ соотечественниковъ «неуловимыми, безпредѣльными, противорѣчивыми, непонятными, удивительными, даже ужасающими».

Съ начала XVIII вѣка до конца первой половины XIX идеалистическое направленіе взяло верхъ до такой степени, что почти заглушило реалистическое. M-me de Сталь не была вполнѣ неправа, несмотря на очевидное пристрастіе, разсматривая германцевъ своего времени, какъ миролюбивую націю, которую окружала тяжелая и душная атмосфера отъ тепла очаговъ, паровъ пива и дымящихся трубокъ. Такая обстановка благопріятствовала долгимъ мечтаніямъ и туманнымъ разговорамъ на какую-нибудь метафизическую тему. Въ виду этого и Ланжъ могъ утверждать, что Германія единственная страна въ мірѣ, гдѣ аптекарь не можетъ приготовить лѣкарства, не задавая себѣ въ то же время вопроса о связи его дѣятельности съ сущностью мірозданія. И дѣйствительно, это направленіе породило великія философскія системы. Лейбницъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Шопенгауэръ, Гегель свидѣтельствуютъ объ этомъ. Свидѣтельствуютъ объ этомъ по той же причинѣ и германская музыка, и германское искусство. Развѣ не является лучшей похвалой для Баха, Бетховена, Шуберта, Шумана, Вебера и даже Вагнера то, что они сумѣли выразить ту нѣжность, которая таилась тогда

въ мечтательной германской душѣ? Глубина ея чувствительности отражается въ геніи ея поэтовъ — Гёте, Шиллера, Гейне. Болѣе, чѣмъ какая бы то ни была страна, Германія ушла въ область сантиментальной мечтательности, такъ какъ Германія безспорно сантиментальна, „gemütlich", какъ говорятъ нѣмцы. Она до того сантиментальна, что готова вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ основывать свою мораль на симпатіи. Въ единеніи съ природой, если только правда, что романтизмъ германскаго происхожденія,—нѣмецъ испытываетъ безконечное наслажденіе, сливаясь съ нею. Вертеръ, Фаустъ, Гердерлинъ, Ленау просятъ Бога освободить ихъ отъ мученій ихъ индивидуальности, какъ отъ тяжкаго рабства. По примѣру Аміэля у нихъ нѣтъ болѣе завѣтнаго желанія, какъ быть поглощенными міровой душой. Эта наклонность къ мистицизму объясняетъ кромѣ того все вновь возрождающійся пантеизмъ германской мысли, начиная съ древнихъ временъ, когда германцы одновременно преклонялись передъ огнемъ, солнцемъ и луной. Въ противоположность этому, французское вліяніе, которое имѣло мѣсто въ теченіе полутора вѣковъ въ Германіи, конечно, не могло не способствовать развитію благородныхъ сторонъ германской души. Безспорно приходится въ значительной мѣрѣ приписать Франціи идеи Гёте въ началѣ прошлаго столѣтія, что наивысшая миссія народа на землѣ заключается въ работѣ на благо всеобщей цивилизаціи.

Но, на ряду съ этими идеалистическими наклонностями, которыя увлекаютъ германскій характеръ въ сторону мечтаній, всегда существовали, болѣе или менѣе явно, смотря по эпохѣ, столь же яркія по грубости стремленія, какъ первыя по мечтательности. Въ своей книгѣ «Нравы германцевъ» Тацитъ указываетъ на ихъ частыя драки, на частые раздоры изъ-за пустяковъ, т. е. на тѣ явленія, которыя создали нѣмецкому народу славу, какъ народу придирчивому и мелочному. Юлій Цезарь описываетъ намъ германцевъ, какъ исключительно занятыхъ охотой и войной, съ самыхъ юныхъ лѣтъ сосредоточивающихся на своемъ физическомъ закаливаніи. Они ненавидятъ миръ, презираютъ искусство, запускаютъ земледѣліе изъ боязни, что земледѣльческія работы отвлекутъ

ихъ отъ упражненій съ оружіемъ. «Почему вы проводите все время въ бояхъ?» спросилъ императоръ Юліанъ одного изъ вождей германскаго племени съ береговъ Рейна. «Потому что война является наивысшимъ блаженствомъ въ жизни!» отвѣтилъ ему тотъ. И дѣйствительно, германцы находились въ постоянной борьбѣ: общественность имѣла у нихъ только примитивную форму постояннаго лагеря. «Для этихъ народовъ, пишетъ Юлій Цезарь, верхомъ славы является быть окруженными только обширными незаселенными мѣстами. Они всегда стремятся прогнать своихъ сосѣдей возможно дальше и никому не позволяютъ селиться рядомъ съ собою». Разбой тоже не кажется имъ постыднымъ, лишь бы онъ происходилъ внѣ предѣловъ ихъ владѣній. «Въ ихъ глазахъ, говоритъ Тацитъ, является лѣнью и инертностью пòтомъ пріобрѣтать то, что можетъ быть захвачено кровью». Даже женщины ихъ воинственны: онѣ часто вмѣшиваются въ сраженіе, чтобы воодушевить своими словами, мольбами и криками пылъ сражающихся. Въ средніе вѣка мы видимъ то же самое. Изъ двухъ наиболѣе выдѣляющихся женскихъ типовъ въ Кольцѣ Нибелунговъ королева Брунгильда упражняется въ прыганьи, бѣгѣ, метаніи копья, подниманіи тяжелыхъ камней, а Крумгильда, жена Зигурда, ставитъ себѣ цѣлью отомстить за убійство своего супруга путемъ нескончаемаго ряда убійствъ. Онѣ настоящія Валькиріи. Какая разница съ трогательными женскими типами французской и русской народной поэзіи! Поэмы грубой матеріальной силы, германскія легенды восхваляютъ только одно насиліе. Никакія благородныя душевныя движенія не возвышаютъ ихъ героевъ; подчиненные роковымъ силамъ, они стремятся освободиться отъ нихъ путемъ хитрости или же занимаются отыскиваніемъ кладовъ.

Ту же грубость нравовъ мы находимъ и у современныхъ германцевъ. Она постоянно прорывалась наружу у отца Фридриха Великаго, которому случалось съ палкой набрасываться на своего наслѣдника и даже на его воспитателя. Эта грубость составляетъ основу германскаго національнаго воспитанія, вѣрнѣе сказать, школьной и военной дрессировки, къ чему собственно сводится это воспитаніе. Удары являются воспитательными мѣрами учителя, а также впослѣдствіи и

офицеровъ. Доказательствомъ этому служатъ многочисленныя и возмутительныя истязанія, часто со смертельнымъ исходомъ, которымъ, какъ это стало за послѣднее время извѣстно, подвергались германскіе солдаты со стороны своихъ начальниковъ. Эту же грубость мы встрѣчаемъ и у гражданскихъ лицъ. Всѣмъ извѣстно, что дуэли являются любимѣйшимъ препровожденіемъ времени германскихъ студентовъ: имѣть лицо безъ шрамовъ имъ кажется постыднымъ. Жестокость и грубость встрѣчаются во всѣхъ классахъ общества. «Мы не стремимся къ тому, чтобы насъ любили, мы хотимъ, чтобы насъ боялись», говорилъ еще до войны одному изъ моихъ пріятелей германскій инженеръ, находившійся на постройкѣ багдадской желѣзной дороги. Въ виду этого онъ и не скупился на дурное обращеніе съ туземцами, находившимися подъ его начальствомъ. Всѣмъ извѣстно, конечно, и жестокое обращеніе германскихъ властей съ неграми въ Камерунѣ. «Мы народъ горячій», говоритъ одинъ изъ современныхъ германскихъ поэтовъ Карлъ Генкель. И жестокій! слѣдовало бы ему добавить. Злость нѣмца дѣйствительно часто вырождается въ саддизмъ, т. е. въ сладострастіе при доставленіи страданій. Это сладострастіе является конечно не чуждымъ тѣмъ звѣрствамъ, которыя практикуются нѣмцами въ занятыхъ ими областяхъ. Нѣмецъ, чувства котораго тупы, воображеніе медленно и страсти сильны, всегда былъ склоненъ для пробужденія ихъ злоупотреблять своею властью. Послѣднимъ достигнувъ цивилизаціи, онъ, усвоивъ разнородныя научныя усовершенствованія, все же остался варваромъ.

Прибавьте теперь къ презрѣнію ко всему, что не является нѣмецкимъ, доведенному до крайности чрезмѣрнымъ самомнѣніемъ, что нѣмецъ никогда ничего не забываетъ и не прощаетъ, и вы поймете тогда, до какого пароксизма ненависти можетъ подняться его патріотизмъ, который Генрихъ Гейне сравниваетъ съ кожей, сжавшейся отъ мороза.

«Однажды въ Геттингенѣ, въ пивной, разсказываетъ Гейне, молодая *Старая Германія* сказала, что французской кровью надо отомстить за казнь Конрадина Гогенштауфена, котораго вы обезглавили въ Неаполѣ. Вы вѣроятно уже давно позабыли объ этомъ. Но мы, мы ничего не забываемъ». Тѣмъ

болѣе понятно, что современные нѣмцы дѣйствуютъ такъ, какъ будто Палатинатъ все еще находится въ пламени, Людовикъ XIV сидитъ на тронѣ въ Версалѣ, а Наполеонъ въ Парижѣ. «Насъ считаютъ флегматичными, пишетъ Трейтчке, а мы самый злобный изъ народовъ». Не подъ вліяніемъ ли этого чувства создалась и германская имперія? Мстительный и злопамятный до крайности нѣмецъ, если ему представится случай утолить свое бѣшенство, не знаетъ болѣе границъ. Мы видѣли этому примѣры въ 1870 г. Правда, лишь слабые прообразы теперешняго кроваваго безумія, но все же характерные. Въ Парижѣ въ ночь съ 8-го на 9-е января 1871 г. музей подвергся бомбардировкѣ. Въ Версалѣ кварталъ Кланьи былъ преданъ грабежу ландверомъ. «Каждый разъ, какъ г. Трошю сдѣлаетъ вылазку, мы будемъ приходить грабить», заявили эти герои. Въ Сенъ-Клу, когда перемиріе уже было заключено, солдаты, вооруженные пуками соломы, обмазывали дома керосиномъ. Развѣ профессоръ Янъ не высказывалъ уже въ 1810 г. пожеланіе, чтобы страна вельшовъ (французовъ) стала пустыней, населенной дикими звѣрями? «Старые монастыри, пророчествовалъ онъ, превратятся въ жилища совъ; въ зубцахъ старыхъ башенъ, уничтоженныхъ огнемъ, будутъ гнѣздиться орлы; пожары приготовятъ логовища для гіенъ; подземные лабиринты будутъ служить пристанищемъ для ядовитыхъ гадовъ» [1]). По его примѣру Гёрресъ и Штейнъ говорятъ уже о преданіи огню французской столицы.

Вмѣстѣ съ грубостью германцамъ свойственно и плутовство. Оно практиковалось у нихъ еще въ глубокой древности, въ чемъ мы можемъ убѣдиться по поступкамъ ихъ національнаго героя Армина, котораго Генрихъ фонъ-Клейстъ воспѣваетъ въ длинной поэмѣ. Будучи офицеромъ въ арміи Вара, въ довѣріе къ которому ему удалось вкрасться, онъ завлекъ его въ западню, при чемъ предварительно разрубилъ на куски молодую германку и разослалъ эти куски разнымъ германскимъ племенамъ, обвинивъ въ этомъ убійствѣ римлянъ съ цѣлью поднять всѣ племена одновременно. Фридрихъ II, другъ философовъ, въ дѣйствительности стоитъ немногимъ выше.

[1]) Янъ. «Deutsches Volksthum». Lubeck, 1810.

Въ военной инструкціи прусскаго короля своимъ генераламъ онъ подаетъ имъ слѣдующіе совѣты:

«Если въ непріятельской странѣ не будетъ никакихъ средствъ, чтобы получить свѣдѣнія о непріятелѣ, слѣдуетъ выбрать богатаго гражданина, имѣющаго недвижимую собственность, жену и дѣтей; съ нимъ надо отправить своего солдата, переодѣтаго лакеемъ, владѣющаго мѣстнымъ языкомъ. Затѣмъ его заставляютъ, взявъ упомянутаго человѣка съ собою въ качествѣ лакея или кучера, отправиться въ непріятельскій лагерь подъ предлогомъ жалобъ на учиненное надъ нимъ насиліе; въ то же время ему слѣдуетъ внушить подъ строгой угрозой, что если онъ не приведетъ съ собою обратно приданнаго ему человѣка, достаточно долго задержавшись въ непріятельскомъ лагерѣ, то жена и дѣти его будутъ изрублены въ куски, а дома сожжены». Въ пріемахъ германской дипломатіи обманъ всегда игралъ выдающуюся роль. Шпіонство необходимо нѣмцу, какъ дыханіе. Что же касается правительства, то оно не останавливается передъ самыми невѣроятными измышленіями. Развѣ Вильгельмъ II не распорядился въ настоящую войну распространить въ мусульманскомъ мірѣ извѣстіе о его присоединеніи къ магометанству подъ именемъ Хаджи Магометъ Гильунъ (Hadji Mohammed Ghilioun).

Хитрость и насиліе, впрочемъ, только послѣдствіе основной грубости германскаго характера. «Лихтенбергъ, указываетъ Шопенгауэръ, насчитываетъ болѣе ста нѣмецкихъ выраженій для опредѣленія пьянства; что же тутъ удивительнаго, развѣ нѣмцы не были съ самыхъ отдаленныхъ временъ извѣстны своимъ пьянствомъ [1])? Валгала является мѣстомъ, въ которомъ умершіе во время сраженій герои пьютъ медъ изъ череповъ своихъ враговъ. Тацитъ указываетъ на склонность германцевъ къ напиткамъ, на продолжительныя оргіи, которыми они наслаждаются въ перерывахъ между походами. То же самое мы видимъ въ эпоху возрожденія. «Отталкивающій утромъ, натощакъ, еще болѣе отталкивающій днемъ, когда пьянъ, онъ, въ лучшіе свои моменты, стоитъ немного

[1]) «Мысли и афоризмы».

ниже человѣка, а въ худшіе, едва ли лучше животнаго»; въ этихъ выраженіяхъ, въ Венеціанскомъ купцѣ, Порція описываетъ претендента на свою руку, молодого саксонскаго принца. Несмотря на испытываемый передъ дьяволомъ ужасъ и на свои горячіе приступы религіозности, Лютера увлекаютъ земныя удовольствія. «Тотъ, кто не любитъ женщинъ, вина и пѣнія, тотъ дуракъ и останется имъ на всю жизнь». Вспомнимъ, что послѣ длительной и пытливой работы мысли ученый докторъ Фаустъ, въ лицѣ котораго Гёте изображаетъ намъ нѣмецкій народъ, доходитъ до того, что ему одной духовной стороны недостаточно и, въ сущности, ищетъ для себя только наслажденій плоти. Не Гёте ли тоже далъ въ сценѣ Ауэрбахскаго погреба яркую картину германской животной грубости? Дѣйствительно, матеріальныя наслажденія всегда занимали большое мѣсто въ жизни нѣмцевъ. Германія придаетъ чрезмѣрное значеніе ѣдѣ. Передъ самой войной возникъ мясной вопросъ, который вызвалъ бунтъ. Деликатесы германскаго народа состоятъ въ колбасныхъ продуктахъ, а Гамбринусъ вѣроятно одно изъ наиболѣе чтимыхъ божествъ, до такой степени пиво затопляетъ всѣ нѣмецкія земли. Какимъ же образомъ тевтонецъ можетъ избѣгнуть вліянія того, что Рабле называетъ «la gueule», т. е. вліянія чрева, въ виду его легендарной прожорливости. Г. Кюниссе-Карно приводитъ этому разительный примѣръ, видѣнный имъ лично. Германскій солдатъ въ 1870 г. въ Окста умеръ оттого, что поглотилъ семь фунтовъ сырого сала! При вскрытіи его внутренности буквально лопнули. Въ своей книгѣ, посвященной оккупаціи Версаля, въ ту же кампанію, г. Делоро тоже приводитъ намъ, какъ подобный примѣръ, прожорливость германскихъ солдатъ, которые, разгромивъ винную лавку, выпили и тѣ окрашенныя жидкости, которыя стояли на выставкѣ въ окнахъ. Алкоголизмъ тоже является нѣмецкимъ порокомъ. Въ среднемъ на каждаго жителя въ Германіи потребленіе алкоголя доходитъ до $4^1/_2$ литровъ ежегодно.

Но грубость нѣмецкая обнаруживалась не только въ этомъ. Какъ доказалъ Фюстель де-Куланжъ, надо много сбавить съ репутаціи добродѣтельности древнихъ германцевъ, созданной имъ Тацитомъ. Въ дѣйствительности, нравы ихъ

ную жизнь, въ основной принципъ добра, а въ случаѣ отсутствія его, въ идеалъ справедливости, правды и добра? Разрушьте эту «жизненную ложь», и свѣтъ, по ученію Нитцше, является безконечнымъ и безцѣльнымъ; это утвержденіе, по его мнѣнію, можетъ угнетать только слабыхъ, тѣхъ, кому лучше исчезнуть, но не сильныхъ, чувствующихъ себя способными придать форму хаосу, навязать свои законы безразличному существованію. Такой нигилизмъ, по его мнѣнію, можетъ только укрѣпить сильныхъ, которые, вмѣсто того, чтобы отъ этого впасть въ безплодный пессимизмъ, достигнутъ особо повышеннаго состоянія души, въ которомъ заключается залогъ ихъ будущихъ успѣховъ. Всѣ поученія, данныя намъ Заратустрой, сводятся къ одному: быть сильнымъ. Сверхъ-человѣку надлежитъ занять мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ смерти Бога. «Сверхъ-человѣкъ является причиной существованія міра, учитъ онъ своихъ послѣдователей. Ваша воля должна сказать себѣ: сверхъ-человѣкъ долженъ быть причиной всего міра». Такимъ же образомъ, въ противоположность ученію Христа, язычники древнихъ германскихъ лѣсовъ видѣли верхъ добра въ «силѣ человѣческаго тѣла и тѣхъ качествахъ, которыя дѣлаютъ человѣка устрашающимъ». Это, говоритъ Момзенъ, задолго до Нитцше сдѣлавшійся горячимъ поклонникомъ этого міровоззрѣнія. Заратустра, по существу, только довелъ до крайняго предѣла это языческое міровоззрѣніе, для котораго, по указанію самого Нитцше, Германія является удивительно благодарной почвой. «Нѣмцы,—die Deutschen, пишетъ онъ, первоначально означало—язычники; такъ готы, послѣ своего обращенія, называли общую массу своихъ еще не крещеныхъ собратьевъ... Можетъ еще статься, что нѣмцы въ концѣ концовъ будутъ гордиться прозвищемъ, которое въ древнія времена было оскорбительнымъ, ставъ первымъ не христіанскимъ народомъ Европы».

Быть сильнымъ, вотъ первая заповѣдь, изъ которой проистекаютъ всѣ остальныя. Ничто не идетъ въ счетъ передъ силой. Она имѣетъ цѣнность сама по себѣ и для себя самой. Все, что можетъ ей мѣшать—дурно. Поэтому жалость откидывается! Она слабость и глупость. «Если вы не хотите быть роковыми, неумолимыми, какъ же сможете вы, со временемъ,

побѣдить вмѣстѣ со мною? Потому что созидатели должны быть жестоки. И вамъ должно казаться блаженствомъ положить свой отпечатокъ на грядущіе вѣка какъ на мягкомъ воскѣ; должно казаться блаженствомъ записать свою тысячелѣтнюю волю на бронзѣ—болѣе твердой, чѣмъ бронза, болѣе благородной, чѣмъ бронза. О, мои братья, я ставлю превыше всего эту новую скрижаль завѣта — Сдѣлайтесь жесткими». Еще того болѣе, Нитцше учитъ необходимости дѣлать зло и наслажденію разрушать. При этомъ условіи, только сверхъчеловѣкъ, согласно его, Нитцше, желанія, можетъ стать типомъ совершеннѣйшаго животнаго. То, что слабо, заслуживаетъ быть раздавленнымъ. «О, мои братья, развѣ я жестокъ? спрашиваетъ Заратустра. Но, говорю вамъ, то, что падаетъ, слѣдуетъ еще подтолкнуть».

Какъ не существуетъ ничего выше силы, такъ, по Нитцше, ничто не имѣетъ бо̀льшихъ правъ, чѣмъ она. Уже Гегель не боялся высмѣивать тѣхъ, кто считалъ, что мирные договоры должны длиться вѣчно: государственный интересъ диктовалъ ихъ, государственный интересъ можетъ и заставить ихъ нарушить. Такимъ образомъ, по словамъ всѣхъ нѣмецкихъ политиковъ, если тѣ, которые управляютъ страной, находятъ, что по какой-нибудь причинѣ война неизбѣжна, то ихъ прямой обязанностью является начать ее въ наиболѣе для того благопріятный моментъ, чтобы сохранить за собою иниціативу дѣйствій, не заботясь о такихъ праздныхъ формальностяхъ, какъ уваженіе къ нейтралитету или необходимость предварительнаго объявленія войны. Напримѣръ, когда дѣло шло о Шлезвигѣ и Голштиніи, Трейтшке, который имѣетъ за собою хоть достоинство откровенности, клеймитъ «мелкія интриги и противные, неловкіе маневры дипломатовъ, которые хотѣли насъ заставить повѣрить какимъ-то правамъ Гогенцоллерновъ надъ герцогствами, вмѣсто того, чтобы откровенно сознаться, что мы не желаемъ новыхъ дворовъ... что голштинцы итакъ уже слишкомъ подчеркиваютъ свой партикуляризмъ... что Пруссія, наконецъ, должна аннексировать эту землю, чтобы имѣть возможность вести широкую германскую политику». Въ самомъ дѣлѣ, заявляетъ категорически генералъ фонъ Бернгарди, «для націи, которая сознаетъ, что ея жизненные интересы въ опас-

ности, можетъ быть безнравственнымъ только одно—это быть слабой». Что касается Бисмарка, то онъ сознается въ томъ, что тамъ, гдѣ дѣло шло о могуществѣ Пруссіи, онъ не признавалъ никакихъ законовъ. «Ни одно государство, утверждаетъ Трейтшке, не можетъ брать на себя обязательства безпредѣльно хранить свои договоры, такъ какъ такое обязательство было бы равносильно ограниченію его сувереннаго права, иначе говоря—его интересовъ».

Сила не только выше права, какъ это ужъ черезчуръ часто повторяли, но для каждаго современнаго германца ясно, что она его создаетъ. «Власть побѣдителя, вотъ, что опредѣляетъ право», говоритъ Игерингъ въ своей рѣчи, которую произнесъ въ 1876 г. въ день рожденія Вильгельма I.

И добавляетъ: «Только такимъ образомъ наше юридическое чувство мирится съ жестокимъ закономъ исторіи». Это ничто иное, какъ торжественное санкціонированіе права сильнаго, того знаменитаго кулачнаго права «Faustrecht», которое, по мнѣнію нѣмецкихъ юристовъ, служило основой германскихъ обычаевъ до эпохи Возрожденія. Если вѣрить Савиньи, право никогда не было для тевтонцевъ тѣмъ, чѣмъ оно было для латинянъ, а именно раціональнымъ взаимоотношеніемъ свободъ. Оно для нихъ, «сила, одна изъ функцій народа».

Отсюда до прославленія силы, какъ высшаго проявленія истиннаго превосходства, достойнаго преклоненія, уже не далеко. Сила разсматривается тогда не только какъ создательница справедливости, а отождествляется съ божественнымъ правомъ. «Богъ не говоритъ уже съ государями черезъ посредство пророковъ или сновъ, но существуетъ священная обязанность, важно твердитъ Трейтшке, всюду, гдѣ только представится благопріятный случай, нападать на сосѣдей и расширять собственныя границы».

Такимъ образомъ, мы въ серединѣ XIX вѣка возвращаемся къ «судамъ Божьимъ». На силу смотрятъ какъ на признакъ избранія. Она одна идетъ въ счетъ, она единственный признакъ достоинства, то, передъ чѣмъ слабые люди или цѣлыя націи должны преклониться, то, во имя чего въ концѣ концовъ будетъ справедливо и прекрасно, чтобы они

были раздавлены. «Они выказали себя неспособными создать могущественное государство на основѣ права и политическаго строя», говоритъ о полякахъ князь фонъ Бюловъ, чтобы оправдать раздѣлъ Польши. Поэтому судьба слабыхъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы исчезнуть или продолжать свое существованіе подъ игомъ побѣдителей, которые являются избранниками Божіими, пророками и священнослужителями Божества, общаго всей вселенной.

Такъ какъ война является наиболѣе вѣрнымъ орудіемъ силы и наивысшимъ ея испытаніемъ, война божественна. Для маршала фонъ Мольтке она воплощала въ себѣ наивысшее проявленіе Бога на землѣ. «Вы говорите, что правое дѣло оправдываетъ даже войну! А я говорю вамъ, что добрая война оправдываетъ все» [1]), продолжаетъ Заратустра, который воспѣваетъ сраженія только потому, что они способны пробудить душевныя силы, могущія уснуть при мирныхъ занятіяхъ. Кромѣ того, онъ, вмѣстѣ со своими соплеменниками, возвращаясь къ формулировкѣ Фихте, считаетъ, что «я» получаетъ свое опредѣленіе путемъ оказываемаго сопротивленія.

«Достаточно такой любви, писалъ Гевегъ (Hewegh) еще до 1870 г., попробуемъ теперь ненависть». Война, при условіи быть ненавистнической, дѣйствительно поддерживаетъ насъ на наивысшемъ состояніи напряженія, котораго можетъ достичь человѣкъ. Только тогда война достигаетъ полноты своего великолѣпія. «Привѣтъ тебѣ, священный дождь огня, буря гнѣва, которая разражается послѣ стольких часовъ тоски! Мы стенаемъ въ твоемъ пламени и сердце мое отвѣчаетъ тебѣ біеніемъ радости», писалъ въ 1870 году поэтъ Гейбель. Развѣ война не освобождаетъ первобытныя элементарныя силы природы, которыя всякій нѣмецъ почитаетъ, несмотря ни на какія условности, хотя и соблюдаемыя имъ въ обыденной жизни, но страшно тяготящія его.

«Насиліе и страсть—вотъ два главныхъ рычага каждаго воинственнаго акта и, скажемъ безбоязненно, всякаго воинскаго величія», заявляетъ генералъ фонъ Гартманъ.

Можно подумать, что читаешь Нитцше, но, конечно,

---

[1]) «Такъ говорилъ Заратустра», стр. 59.

безъ той дикой поэзіи, которую Заратустра вкладываетъ въ свой самый чудовищный бредъ. «Это, проповѣдуетъ Заратустра, праздное мечтаніе утопистовъ и возвышенныхъ душъ, ожидать еще многаго отъ человѣчества, если оно разучится воевать. Пока мы не знаемъ другого средства, которое могло бы вернуть усталымъ народамъ эту безличную ненависть, это хладнокровіе въ убійствахъ, въ соединеніи со спокойной совѣстью, это общее пылкое стремленіе къ организаціи для уничтоженія врага, это гордое равнодушіе къ громаднымъ потерямъ, къ своей жизни и жизни любимыхъ людей, это глухое потрясеніе души, которое можно сравнить съ землетрясеніемъ». Нельзя создать высшаго апоѳеоза варварству, которое для нѣмецкаго ума, столь совращеннаго съ пути истины, олицетворяетъ идеальную форму войны, этого священнаго дѣла! Она логически заканчиваетъ спекуляцію, которая уже въ теченіе цѣлаго вѣка стремится возвеличить силу въ ущербъ всему, что должно ее сдерживать.

«Мнѣ нравились бы, заявляетъ Заратустра, даже храмы и гробницы боговъ, если бы небо глядѣло своимъ свѣтлымъ окомъ сквозь ихъ разрушенные своды. Мнѣ нравится сидѣть на развалинахъ церквей, схожихъ съ муравой и краснымъ макомъ».

Апологіей силѣ, которая достигаетъ своего полнаго апогея въ экзальтаціи войны и тѣхъ насиліяхъ, къ которымъ она приводитъ, нѣмецкая философія не мало способствовала, вмѣстѣ съ ослабленіемъ христіанства, разнузданію инстинкта жестокости и жадности къ наживѣ, которые дремлютъ въ глубинѣ германской души. По правдѣ сказать, метафизика и инстинктъ оказали себѣ взаимную поддержку, чтобы привести къ теперешнему вдохновенному варварству.

Однако, такъ же, какъ два химическихъ вещества соединяются лишь при извѣстныхъ условіяхъ, такъ же необходимы были исключительно благопріятныя обстоятельства, которыя и имѣли мѣсто въ Германіи послѣ 1870 г., для того, чтобы эти инстинкты, не довольствуясь тѣмъ, чтобы оправдать себя, возвели себя въ доктрину и даже въ своего рода мистическій догматъ, для котораго сила, специфически нѣмецкая, является наивысшимъ проявленіемъ божественнаго.

Франко-прусская война, какъ всѣмъ извѣстно, сдѣлала Пруссію, которой ея успѣхи 1864 и 1866 годовъ въ Шлезвигъ-Голштиніи и Австріи уже дали преимущественное значеніе, имперіей. Хищническая нація, по своему географическому положенію состоявшая изъ отдѣльныхъ лоскутовъ и кусковъ и въ виду этого долженствовавшая прежде всего быть воинственной, Пруссія привила свой милитаризмъ своимъ сосѣдямъ сейчасъ же послѣ наполеоновскихъ войнъ, которыя дали почувствовать мелкимъ государствамъ, входившимъ въ составъ тогдашней Германіи, необходимость единенія для того, чтобы быть сильными; такъ какъ не слѣдуетъ въ этомъ ошибаться, если германскія государства въ 1870 г. предложили императорскую корону королю прусскому, то это не только потому, что этого требовала одержанная побѣда, но и потому, что при пробужденіи отъ вѣкового сна прусское могущество соотвѣтствовало ихъ тайнымъ вожделѣніямъ. Существовало безспорное соотвѣтствіе между стремленіемъ къ власти, въ немъ заключавшемся, и ихъ сокровенными пожеланіями. Въ дѣйствительности то процвѣтаніе, которое кружило нѣмцамъ головы въ теченіе сорока лѣтъ, было исключительно матеріальнымъ. Процвѣтаніе, конечно, поразительное, при условіи оцѣнить его лишь по его истинному достоинству, многочисленныя проявленія котораго не мало должны были содѣйствовать развитію культа, посвященнаго германской душой силѣ, преклоняясь передъ могуществомъ чисто германскимъ. Однако, конечно, Германія явила всему свѣту и самой себѣ поразительное зрѣлище головокружительнаго матеріальнаго роста послѣ Франкфуртскаго договора.

Лицезрѣніе этого успѣха, конечно, вскружило всѣмъ головы. Въ Германіи, отъ мала до велика, скороспѣлое благосостояніе опьянило всѣхъ нѣмцевъ. Это привело къ самой чудовищной коллективной гордости, когда-либо охватывавшей какой бы то ни было народъ. Въ свою очередь эта гордыня содѣйствовала и развитію наиболѣе отрицательныхъ инстинктовъ германскаго характера, въ то же время побуждая германскихъ ученыхъ къ восхваленію германской мощи. Комбинируясь подъ вліяніемъ этой гордыни, эта философія и эти инстинкты, въ концѣ концовъ, вылились въ новое явленіе—

въ германизмъ, который есть ничто иное, какъ констатированіе германскаго превосходства во всѣхъ отрасляхъ.

Соединяя въ себѣ какъ хорошія, такъ и дурныя черты германскаго темперамента, при чемъ лучшія подчинены худшимъ, германизмъ питался кромѣ того всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ и смогъ найти великаго въ прошломъ, которое онъ считаетъ залогомъ чаемаго будущаго.

Къ тому же, если германизмъ, олицетворяющій въ себѣ современную безмѣрную гордыню нѣмцевъ, есть явленіе новое, то гордыня сама по себѣ для нихъ не новость. Пристрастіе, которое каждый нѣмецъ питаетъ къ самому себѣ и которое заставляетъ его въ какой бы то ни было области предпочитать свое рѣшеніе всѣмъ прочимъ, всегда было отличительной чертой нѣмецкой расы. Развѣ по Канту Германія «не предназначалась для того, чтобы собрать всѣ лучшіе плоды культуры другихъ народовъ и ассимилировать ихъ себѣ?» Это было и мнѣніемъ Шиллера: «Германія, пишетъ онъ, должна стремиться достичь наивысшаго совершенства. Ей предназначено достичь конечнаго совершенства, увѣнчать собой задачи человѣчества, достичь наивысшей цѣли, которая заключается въ томъ, чтобы объединить въ одинъ вѣнецъ все лучшее всѣхъ народовъ». Развѣ это не та же вѣра въ судьбы народовъ, которая сквозитъ въ словахъ Фихте? «Начинается четвертая эпоха человѣчества, это будетъ эпоха науки. Германія будетъ министромъ науки». Что касается Шеллинга, то для него судьбы Германіи—это судьбы всего человѣчества.

За это время романтики, включая сюда и Вагнера, вновь нашли боговъ нѣмецкой земли, воплощеніе тѣхъ силъ природы, которыхъ, казалось имъ, Германія была предназначена служить истолковательницей, такъ какъ она, стоя близко къ природѣ, одна сумѣла понять, о чемъ журчатъ ручьи, что шепчутъ деревья въ лѣсу, что разсказываютъ лѣсные звѣри тѣмъ, кто имѣетъ власть ихъ вопрошать. Язычники по темпераменту, имъ казалось, что нѣмецкая раса и нѣмецкая земля принимаютъ участіе въ могуществѣ силъ природы, вѣчныхъ и священныхъ, какъ и они сами. Если вѣрить Шлегелю, Германія со своимъ чутьемъ божественнаго, одна смогла

найти истинный смыслъ поэзіи. Точно также и Новались заявляетъ намъ, что она работаетъ для наступленія новаго золотого вѣка.

Эта мысль о превосходствѣ германской расы, въ наше время, перешла уже въ догматъ. Чтобы создать его, нѣмецкая наука не отступала ни передъ чѣмъ.

Прежде всего она воспользовалась однимъ французомъ, Артуромъ де-Гобино, человѣкомъ ученымъ и мизантропомъ, который вѣрилъ въ глубокое неравенство человѣческихъ расъ, вѣрилъ въ преимущество индо-германской расы надъ галло-романской. Какъ на доказательство тому, онъ указывалъ на то, что первая побѣдила вторую. Нѣмецкіе историки сумѣли извлечь изъ этого тезиса поразительную выгоду. Но, чтобы расширить смыслъ утверждаемаго имъ и поддержать его теорію, они не задумались надъ тѣмъ, чтобы искажать событія, не стѣсняясь съ правдою: истина—a priori—это все то, что можетъ служить для мощи нѣмецкаго народа. «Это право живыхъ, утверждаетъ Фрейтагъ, истолковывать прошлое, сообразно нуждамъ и требованіямъ своего времени». Поэтому исторія, этнологія, филологія и даже географія соперничаютъ между собою въ усиліяхъ услужить германизму. Намъ доказываютъ, наглядно и документально, что всѣмъ прогрессомъ, которымъ облагодѣтельствовано все человѣчество въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, мы обязаны германцамъ. Чувство чести, уваженіе къ женщинѣ, вѣрность данному слову—всѣмъ этимъ мы обязаны имъ. Развѣ не германцы очистили римскую имперію отъ гнили распаденія? Не они ли тысячу лѣтъ спустя очистили тотъ вертепъ беззаконій, которымъ была католическая церковь? Не они ли, наконецъ, покорили развращенныхъ латинянъ въ 1870 г. «Раньше всѣхъ другихъ странъ, говоритъ Мейеръ, одинъ изъ ихъ знаменитѣйшихъ историковъ, Германія ревностно овладѣваетъ той задачей, которая въ каждую эпоху возлагается на человѣчество». Недобросовѣстность нѣмецкихъ ученыхъ не пренебрегаетъ ни малѣйшей мелочью, доходя, напримѣръ, до отрицанія цѣнности текстовъ Цезаря и Страбона, которые имъ не по сердцу. Совершенно также, Оттфридъ Мейеръ, находя у дорійцевъ зародышъ германскаго генія, приписываетъ имъ совершенно

чуждыя имъ добродѣтели. Однимъ словомъ, въ Германіи не существуетъ науки, которая такъ или иначе не старалась бы доказать превосходство германской расы. «Германія видѣла у себя наивысшее развитіе живописи и науки, какое только было со временъ Эллады и Чинквеченто (Cinquecento)», заявляетъ, ничѣмъ не смущаясь, князь фонъ Бюловъ. Со своей стороны, одинъ писатель, которому его англійское происхожденіе не мѣшаетъ быть самымъ горячимъ апостоломъ германизма, г. Густонъ Стюартъ Чемберленъ, утверждаетъ, что германцамъ первымъ пришло въ голову дѣлать наблюденія надъ природой, какъ будто Аристотель, Архимедъ и Бэконъ не дѣлали этого до нихъ. Не устанавливаетъ ли Гервиніусъ путемъ многихъ доказательствъ, что германская раса одна дала міру литературу, поистинѣ достойную этого названія со временъ древнихъ вѣковъ? Припомнимъ странное письмо, которое профессоръ Адольфъ Лассонъ написалъ въ началѣ войны: «Мы морально и умственно не имѣемъ себѣ равныхъ. То же самое можно сказать и о нашей организаціи и нашихъ учрежденіяхъ».

Превосходство Германіи повсюду и во всемъ тѣмъ менѣе вызываетъ сомнѣнія въ глазахъ нѣмцевъ, что ихъ историки и ученые очень заботятся о томъ, чтобы пропустить совсѣмъ или умалить имена ученыхъ, артистовъ и писателей, способныхъ затмить тевтонскую славу. Такъ въ своей книгѣ «Эволюція одной науки: Химія», Освальдъ едва упоминаетъ о Бертело. Что касается Лавуазье, онъ сводитъ его роль на нѣтъ. Онъ попросту яко бы только ввелъ коррективъ въ теорію Сталя о горючихъ веществахъ, тогда какъ въ дѣйствительности Лавуазье установилъ свою теорію горѣнія, опровергающую теорію Сталя. Вопреки всякой очевидности Сталю приписывается честь «въ первый разъ освѣтить взаимное отношеніе такихъ важныхъ понятій, какъ окисленіе и возстановленіе!» Одинаково, чтобы «удалить, какъ этого желалъ Шеллингъ, все, что является результатомъ кокетства нашихъ отцовъ и дѣдовъ съ иностранными народами, всѣ заимствованія, измѣнившія внутреннее свойство чистаго нѣмецкаго металла», натуралисты забываютъ о Ламаркѣ и Дарвинѣ, чтобы выдѣлить Гёте и Окена (Oecken). Еще того лучше, г. Эр-

несть Лависсъ уже въ 1886 г. въ своихъ «Очеркахъ имперской Германіи» констатируетъ принятое рѣшеніе учить нѣмецкихъ школьниковъ, что цивилизація человѣчества имѣетъ только трехъ представителей: Грецію, Римъ и Германію.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы доказывать, что все германское превосходитъ все остальное, тевтонскіе ученые стараются доказать, что все, что есть лучшаго въ свѣтѣ,—все нѣмецкое. Развѣ историкъ Мейеръ не учитъ насъ тому, что святой Бонифацій, апостолъ Германіи, родившійся въ Киртонѣ въ Вессексѣ, уроженецъ Германіи и отправился проповѣдывать Евангеліе въ Великобританіи? Подобнымъ же образомъ утверждается, что нѣмцы при помощи англо-саксонцевъ основали Соединенные Штаты! Въ дѣйствительности германизмъ безъ всякаго стѣсненія присваиваетъ себѣ все лучшее, откуда бы оно ни исходило. Хотя германизмъ и придаетъ очень большое значеніе расовому происхожденію, тѣмъ не менѣе г. Чемберленъ, когда ему это удобно, отрицаетъ значеніе какихъ бы то ни было этнологическихъ элементовъ и, придерживаясь лишь психическаго сродства, устанавливаетъ, что все хорошее въ Европѣ, хотя бы во Франціи или Италіи, могло быть только германскаго происхожденія. Онъ присваиваетъ себѣ такимъ образомъ св. Франциска Ассизскаго, Данта, Шекспира, Рембрандта, Паскаля и Расина. Даже сама Іоанна д'Аркъ яко бы—нѣмка. Что эльзасъ-лотарингцы остаются вѣрными Франціи, это развѣ не доказываетъ, по мнѣнію многихъ германскихъ ученыхъ, что они въ сущности нѣмцы, такъ какъ вѣрность—тевтонская добродѣтель?

Въ то время, какъ на Германію смотрятъ какъ на «сердце планеты» или «соль земли», по точному выраженію Вильгельма II, германскій духъ является «духомъ новаго міра» и германскіе ученые выставляютъ себя его Мессіями. Отсюда вытекаетъ, что нѣмецкая наука ничего не имѣетъ общаго съ простой наукой, «потому что она не является чѣмъ-нибудь внѣшнимъ по отношенію къ самой націи..., она—истинная сущность, субстанція, сердце націи». На томъ же основаніи, какъ нѣмецкая раса и нѣмецкая страна, она является эманаціей абсолютнаго. Въ результатѣ германизмъ, по Фердинанду Шмидту, приписываетъ Лютеру честь «но-

ваго божественнаго откровенія духа въ душахъ всѣхъ германскихъ народностей». Нѣмецкое государство является органомъ этого откровенія. Не кичится ли профессоръ Адольфъ Лассонъ, видя въ этомъ «наисовершеннѣйшее твореніе всего до сихъ поръ извѣстнаго въ исторіи?»

Преклоненіе передъ государственностью восходитъ до довольно отдаленныхъ временъ. По Гегелю, государственность является высшимъ проявленіемъ разума, а слѣдовательно государство—высшей объективной реальностью. Въ виду этого, заключаетъ философъ, государству слѣдуетъ не только повиноваться, но и чтить его какъ божество. Обожествленное такимъ образомъ государство, конечно,—Пруссія, а со времени установленія въ Германіи прусской гегемоніи—Германія. Съ этого момента Богъ неичто иное, какъ совокупность германскихъ вожделѣній, какъ мистическое выраженіе ихъ общаго стремленія къ власти. Это тотъ «добрый, старый нѣмецкій Богъ, къ которому обращался не такъ давно Вильгельмъ II и котораго онъ имѣлъ полное основаніе по духу германизма объявить своимъ союзникомъ, подобно Адольфу Лассону, который былъ вѣренъ самому себѣ, окрестивъ своего государя «усладой рода человѣческаго».

Это обожествленіе государства—логическое послѣдствіе мистическаго матеріализма, въ которомъ возросла германская гордыня, является и послѣдствіемъ подчиненія религіи королевской власти, которому въ Пруссіи способствовало чувство законности и любовь къ дисциплинѣ. Слѣдующіе другъ за другомъ прусскіе короли тѣмъ охотнѣе способствовали этой эволюціи, что религіозное чувство является могущественнымъ средствомъ управленія. «Что дастъ всѣмъ членамъ какого-нибудь общества усердіе, дѣятельность и честность, если не религія?», спрашиваетъ въ 1873 году Дедерлейнъ въ своей «Теологической библіотекѣ». Разумное правительство, говоритъ Іоганнъ Георгъ Федеръ, «стремится втянуть духовенство въ свои мудрые замыслы, которые имѣютъ въ виду истинныя выгоды религіи и государства..., дабы этимъ путемъ заставить исполнить то, что не могло бы быть достигнуто съ такимъ же успѣхомъ, безъ этого посредства». Прусское государство такимъ образомъ требуетъ отъ теологовъ распростра-

нenія официальной доктрины, не принуждая ихъ самихъ въ то же время въ нее вѣрить. Это не лицемѣріе, утверждаетъ профессоръ Ронкбергъ въ своихъ комментаріяхъ къ Религіозному эдикту 1788 г., которымъ Фридрихъ-Вильгельмъ II возстанавливалъ значеніе Символическихъ книгъ: «Настоящій жизненный философъ, увѣряетъ онъ, не мудритъ тогда, когда законъ требуетъ повиновенія. Онъ повинуется и доказываетъ этимъ, что достоинъ своего почетнаго званія, дѣлая то, чего отъ него требуетъ законъ. Такимъ образомъ, держи про себя то, что считаешь истиннымъ, но не смущай народъ своими доктринами». А затѣмъ еще подтверждаетъ: «Ты все же останешься честнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что будешь проповѣдывать противъ своихъ убѣжденій». Развѣ Кантъ не училъ, что религія, хотя и не основана ни на какихъ положительныхъ данныхъ, все же соотвѣтствуетъ практическимъ нуждамъ? Поддержать ее такимъ образомъ является долгомъ государей и дѣйствительно—подчиненіе церкви государству, за послѣднее столѣтіе, съ паденіемъ вѣры, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго критицизма, не только не ослабилось, а усилилось. Не ниспровергнутымъ остается только Богъ германскій, иначе говоря, только германская раса, воплощенная въ современномъ германскомъ государствѣ.

Будучи совершеннымъ проявленіемъ абсолютнаго, германскому государству предначертано завершаться все болѣе и болѣе. Призванное спасти весь свѣтъ, оно имѣетъ тройную миссію: нравственную, цивилизаторскую и религіозную.

Не слѣдуетъ удивляться столь изъ ряда вонъ выходящей претензіи. Какимъ образомъ коллективное самомнѣніе, до котораго дошла Германія при коренномъ непониманіи чужого душевнаго развитія, не повлекло бы за собою презрѣнія ко всему ей чуждому? Это презрѣніе безмѣрно. «Французы лишь племя обезьянъ, заявляетъ Андре Лео, труды котораго въ свое время имѣли большой успѣхъ. Кельтическая раса такая, какъ она обнаружилась въ Германіи и во Франціи, всегда была движима животными инстинктами, между тѣмъ, какъ мы, нѣмцы, дѣйствуемъ только подъ импульсомъ святой и священной мысли». Все чужое является испорченнымъ. Развѣ не они первые окрестили Парижъ современнымъ Вавилономъ? «Всѣ

окружающіе насъ народы, пишетъ Ланге, въ своемъ «Истомъ германизмѣ» являются или плодами уже вполнѣ созрѣвшими, даже перезрѣвшими, которые при первомъ ураганѣ могутъ быть сбиты съ дерева, таковы—турки, греки, португальцы, испанцы и значительная часть славянъ, или же, хотя и гордятся своей расой, но безплодно утончены въ своей культурѣ и бѣдны потомствомъ, какъ французы». Онъ же заключаетъ: «Кто знаетъ, не предназначены ли мы, нѣмцы, для того, чтобы быть той ферулой, которая исправляетъ и врачуетъ всѣ эти виды вырожденія?» Вотъ она, моральная миссія.

Будучи морализаторскимъ, такое предпріятіе, кромѣ того, является и главнымъ образомъ цивилизаторскимъ. Согласно съ этимъ Оствальдъ заодно со всѣми своими соотечественниками, объявляетъ всему міру, что Германія несетъ ему новую форму цивилизаціи, уже не индивидуальную, какъ прежняя, а коллективную. «Благодаря своей организаціонной способности, объясняетъ великій химикъ въ ставшемъ съ тѣхъ поръ знаменитымъ интервью, Германія достигла болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ другіе народы». Это то, что они называютъ культурой «Kultur» и что въ значительной мѣрѣ отличается отъ того, что греко-латиняне понимаютъ подъ этимъ словомъ, такъ какъ нѣмцы этимъ терминомъ обозначаютъ лишь дисциплинированную силу. «Война въ свое время, добавляетъ Оствальдъ, говоря о народахъ негерманскихъ, присовокупитъ ихъ подъ формой этой организаціи къ цивилизаціи болѣе совершенной». Далѣе онъ разъясняетъ: «Изъ нашихъ враговъ русскіе, въ общемъ, находятся еще въ періодѣ образованія орды, между тѣмъ, какъ французы и англичане достигли того культурнаго развитія, которое мы сами покинули болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Это ступень развитія индивидуалистическая. Но надъ этой ступенью развитія находится ступень организаціонная. Вотъ къ чему пришла современная Германія». Послѣ чего, для всеобщаго разъясненія цѣли, которую поставила себѣ Германія въ настоящую войну, онъ продолжаетъ: «Вы меня спрашиваете, чего хочетъ Германія, ну, такъ я вамъ отвѣчу: Германія хочетъ организовать Европу, такъ какъ Европа до сихъ поръ не была организованной».

Эта миссія кромѣ того и божественна; это ясно само по

себѣ, такъ какъ въ ней заключается стремленіе къ установленію господства германскаго государства надъ всѣми людьми. Въ своихъ рѣчахъ къ германскому народу, читанныхъ въ берлинскомъ университетѣ въ 1807—1808 годахъ, Фихте уже приглашаетъ своихъ соотечественниковъ проникнуться сущностью чистаго германизма, чтобы обратить въ него другіе народы, такъ какъ германецъ по отношенію къ иностранцу то же, что добро по отношенію къ злу. «Богъ, подчеркиваетъ онъ, въ насъ и свершаетъ дѣла свои черезъ насъ». Съ тѣхъ поръ эта увѣренность въ себѣ стала еще больше. «Gott ist mit uns (Богъ съ нами), провозглашалъ съ каѳедры въ началѣ этой войны одинъ изъ ксендзовъ, враги Германіи—враги Божіи. Наша миссія на землѣ—сокрушить враговъ Божіихъ. Никто не можетъ побѣдить Германіи, такъ какъ она находится подъ покровительствомъ Всевышняго. Да умретъ Франція, да исчезнетъ Англія, да будетъ уничтожена Россія! такова воля нашего Бога—нашего нѣмецкаго Бога!» Та же идея, только болѣе сдержанно, развита въ посланіи кардинала фонъ Гартмана, архіепископа Кёльнскаго: «Богъ былъ и пребываетъ съ нашими героическими солдатами на востокѣ и западѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Онъ былъ и пребываетъ съ нашимъ нѣмецкимъ народомъ, который охваченъ рѣшимостью держаться до конца и увѣренностью въ конечную побѣду. Съ вѣрой въ Бога отправились наши солдаты на эту войну».

Такая миссія провиденціальна уже и по той, вѣской въ глазахъ пангерманцевъ, причинѣ, что германская раса имѣетъ значительное распространеніе за предѣлы имперіи. Въ дѣйствительности они требуютъ себѣ приблизительно всю землю, какъ земли, которыя они признаютъ своими, такъ и тѣ, которыя имъ не принадлежатъ, чтобы сдѣлать ихъ своею собственностью. «Гдѣ только раздается нѣмецкій языкъ и возносится на немъ хвала Богу на небѣ, все это должно принадлежать тебѣ, доблестный нѣмецъ». Къ мотивамъ лингвистическимъ присоединяются и мотивы историческіе. Такимъ образомъ нѣмцы требуютъ себѣ всѣ территоріи, на которыхъ, по преданію, когда бы то ни было жили германцы. Болѣе того, такъ какъ имперія призвана, согласно съ мнѣніемъ Трейтшке, играть роль трансцедентную, весь свѣтъ долженъ быть ей подчиненъ. Къ

тому же, какой лучшей будущности могъ бы пожелать себѣ міръ? Синтезируя артистическій вкусъ итальянцевъ, умъ французовъ, историческій талантъ англичанъ, поэзію и патріотизмъ испанцевъ, германскій геній, достигающій полноты самосознанія въ германской государственности, одинъ способенъ возвысить до безконечности качества каждаго изъ народовъ. По своей одаренности германское государство дѣйствительно не только является представителемъ культуры, оно и есть сама культура.

Такъ какъ прусскій милитаризмъ составляетъ неразрывную часть этой государственности, то ея необходимымъ орудіемъ является по всѣмъ правиламъ науки организованная, болѣе сильная, чѣмъ у всѣхъ прочихъ народовъ, армія для того, чтобы угрожать или покорять тогда, когда угроза оказывается недѣйствительной или когда надо силой оружія споспѣшествовать расширенію Германіи. Кромѣ того, слѣдуетъ создать, путемъ хитросплетенной сѣти шпіонажа, подкупа и даже оборудованій за предѣлами своихъ границъ, необходимую подготовку для достиженія успѣха. Государство создается путемъ войны, ею же создано и германское государство. Слѣдовательно война,—но только, понятно, та, которую ведетъ Германія,—священна. Германія никогда не вела иныхъ войнъ: она можетъ вести только подобныя войны, что вполнѣ понятно однако, такъ какъ нѣмецкій народъ, будучи народомъ избраннымъ, является народомъ Божіимъ.

Для выполненія такого святого дѣла, само собою разумѣется, Германіи хороши всѣ средства. Слѣдовательно для нея и рѣчи быть не можетъ объ уваженіи конвенцій, охраняющихъ права другихъ людей. «Договоры, которые воюющія стороны заключали между собою, опредѣляетъ генералъ фонъ Блюме, теряютъ свое юридическое значеніе, какъ только начнется война». Идея войны представляется уму тевтонскихъ теоретиковъ лишенной какого бы то ни было ограниченія во имя человѣколюбія. «Воюютъ не съ катихизисомъ въ рукахъ», сказалъ одинъ изъ нихъ. Ничто, по мнѣнію самыхъ компетентныхъ людей, не можетъ противостоять «военной необходимости». Выводъ, соотвѣтствующій германскому темпераменту изъ идей Фихте, Шеллинга, Гегеля, Трейтшке и Нитцше,

принципъ «военной необходимости» былъ преподанъ Клаузевицемъ и Бернгарди, ученіе которыхъ составляетъ самую сущность офиціальныхъ положеній. «Война—это актъ насилія, предназначеннаго для того, чтобы принудить противника выполнить нашу волю», пишетъ Клаузевицъ. И тотчасъ добавляетъ: «При примѣненіи этого насилія нѣтъ границъ». Вотъ мы и стоимъ лицомъ къ лицу съ погромами, воровствомъ, грабежомъ, пожарами, возведенными въ методъ войны. «Первый изъ этихъ методовъ—это вторженіе въ непріятельскія провинціи не съ цѣлью сохранить ихъ за собою, но съ тѣмъ, чтобы собрать тамъ военную контрибуцію, т. е., иначе говоря, разорить ихъ», постановляетъ Блюме въ своемъ курсѣ стратегіи. «Этимъ подтверждается, разъясняетъ генералъ Юліусъ фонъ Гартманъ, что военная необходимость не должна дѣлать никакого различія между общественной и частной собственностью». Болѣе того, онъ рекомендуетъ выбирать заложниковъ, чтобы они отвѣчали за спокойствіе населенія захваченныхъ мѣстностей. Кромѣ того, учитъ нѣмецкій генеральный штабъ, можно привлечь населеніе къ принудительнымъ работамъ и заставить жителей давать проводниковъ. И это еще не все: слѣдуетъ посредствомъ рѣзни вселять ужасъ. «Когда разражается народная война, терроризмъ становится принципомъ военной необходимости», постановляетъ генералъ Гартманъ. Сверхъ того, чтобы дисциплина, которая составляетъ силу войскъ, не пострадала, акты насилія должны быть систематически организованы. Города и деревни должны быть обращены въ пепелъ при помощи ротъ поджигателей, снабженныхъ особыми приборами. Грабежъ будетъ производиться методично, а военная добыча должна направляться въ тылъ по желѣзнымъ дорогамъ или на автомобиляхъ. Убійства будутъ производиться по приказанію и массами. Но такъ какъ сражающійся долженъ дѣйствовать подъ вліяніемъ страсти, то генералъ фонъ Гартманъ требуетъ, чтобы «онъ совершенно былъ освобожденъ отъ узъ законности, стѣснительной во всѣхъ отношеніяхъ». Такимъ образомъ, по хладнокровному и вполнѣ зрѣло обдуманному плану, самые ужасные инстинкты будутъ разнузданы не только въ войсковой массѣ, но и въ душѣ каждаго отдѣльнаго солдата къ великому вреду занятыхъ странъ.

для нѣмецкаго генеральнаго штаба стало обиходной доктриной, что цѣль оправдываетъ средства, и какія средства!

Впрочемъ, нѣмцы, у которыхъ всегда есть въ запасѣ аргументы, когда дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, стараются доказать при посредствѣ своихъ профессоровъ военнаго искусства, что самые худшіе ужасы въ сущности очень человѣчны, потому что, какъ зло исходитъ изъ добра, по мнѣнію Мефистофеля, «жестокость и видимая суровость превращаются въ обратное, если они смогутъ вызвать у противника рѣшеніе просить мира», безъ всякаго стѣсненія утверждаетъ генералъ фонъ Гартманъ. Чѣмъ больше будетъ сотворено жестокостей, тѣмъ больше враждебная сторона будетъ бояться и тѣмъ скорѣе будетъ умолять о мирѣ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе нѣмцы окажутся благородны; таковъ софизмъ, которымъ питаются германскіе умы. Какъ напоминаетъ намъ г. Андлеръ въ любопытной брошюрѣ о нѣмецкой доктринѣ войны, уже старый законъ ландштурма 1813 г. въ параграфѣ 7 указываетъ, что «самыя рѣшительныя средства войны являются наилучшими, потому что они даютъ правому дѣлу, которымъ можетъ только быть нѣмецкое—самую полную побѣду».

Совершенно обратно, если Германія имѣетъ всѣ права, то ни одна нація въ мірѣ не имѣетъ правъ противъ нея. Совершенно чистосердечно эти убійцы женщинъ, стариковъ и дѣтей, которые сѣютъ па своемъ пути смерть, ужасъ, пожары и погромы, для охраненія своихъ интересовъ взываютъ къ защитѣ законовъ человѣчности. Еще лучше, всякій, кто противодѣйствуетъ волѣ Германіи, нарушаетъ въ ея лицѣ право: за это онъ по справедливости долженъ быть наказанъ. Въ силу этой аксіомы пангерманисты и заявляютъ, что они никогда не желали войны, а желали только мира, но разумѣется мира германскаго, т. е. полнаго подчиненія всѣхъ германской волѣ. «Нельзя остаться нейтральнымъ по отношенію къ Германіи», писалъ Адольфъ Лассонъ 29-го сентября 1914 г. Не только неповиновеніе ея приказаніямъ уже является оскорбленіемъ, но оскорбленіемъ является уже то, когда не способствуютъ ея честолюбивымъ желаніямъ. Отсюда слѣдуетъ, что, такъ какъ эта война возникла изъ-за того, что ни Россія, ни Франція, ни Бельгія, ни Англія не согласились пре-

клониться передъ германскими требованіями, то, не взирая на видимость, это именно на Германію совершено нападеніе. «Неправда то, что Германія вызвала эту войну», протестуютъ хоромъ съ искренностью, на какую они только способны, самые великіе представители нѣмецкой мысли. И они продолжаютъ: «Неправда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи». И далѣе, все въ томъ же духѣ заявляютъ прямо въ лицо всему цивилизованному міру, что тѣмъ болѣе неправда то, что ихъ солдаты «посягали на жизнь и имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина безъ того, чтобы они были принуждены къ этому суровой необходимостью законной самозащиты». Вотъ великое слово, которое въ глазахъ избранныхъ нѣмецкихъ умовъ оправдываетъ, какъ вполнѣ допустимыя репрессаліи, самыя ужасныя жестокости: акты законной самозащиты. Это слово оправдываетъ все. «Мы можемъ сослаться на разъясненія, сдѣланныя канцлеромъ имперіи передъ рейхстагомъ, объясняющимъ, что наше вторженіе въ Бельгію было только законной самозащитой съ нашей стороны», утверждаетъ химикъ Оствальдъ. Подъ этимъ угломъ зрѣнія звѣрства кажутся германской совѣсти долгомъ не только потому, что они способствуютъ обереганію нѣмецкихъ жизней, единственно цѣнныхъ въ свѣтѣ, но потому, что такъ и подобаетъ убивать возможно большее количество лицъ, военныхъ или штатскихъ, женщинъ или дѣтей, тѣхъ народовъ, съ которыми воюетъ Германія и которые могутъ принадлежать только къ болѣе низкимъ расамъ.

Всѣ эти мотивы однако недостаточно еще выясняютъ причину, по которой Германія считаетъ своимъ долгомъ быть неумолимой. Она смотритъ на погромы и убійства какъ на кару, которую, въ ихъ же собственныхъ интересахъ, германское государство должно накладывать на тѣхъ лицъ и на тѣ народы, которые не признали ея миссіи. «Эта война—оздоровляющій ураганъ, который очищаетъ міръ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы дать людямъ большее обиліе небеснаго свѣта», проповѣдуетъ Рихардъ Демель, самый выдающійся поэтъ современной Германіи. Эта война, которую наши враги намѣренно дѣлаютъ ужасной, представляется ими какъ новый крестовый походъ, а жестокости—какъ самый вѣрный способъ

обратить міръ, который иначе рисковалъ бы погибнуть въ своемъ растлѣніи, къ евангелію нѣмецкой силы. Въ сущности дѣло идетъ о борьбѣ на жизнь и на смерть научнаго варварства съ цивилизаціей. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не для того, чтобы поразить Францію и Бельгію въ самое сердце, нѣмецкіе генералы, съ согласія своего императора, отдали приказаніе разрушить Лувенъ и Ипръ, приказали бомбардировать Суассонъ, Реймсъ и Аррасъ?» Я ненавижу религію, которую ты принялъ, писалъ Вильгельмъ II ландграфу фонъ Гессе, который только что перешелъ въ католицизмъ. Ты, значитъ, примкнулъ къ тому римскому суевѣрію, разрушить которое я считаю высшей цѣлью своей жизни».

Въ концѣ концовъ это во имя германизма, что нѣмецкая армія грабитъ, воруетъ, насилуетъ и убиваетъ—методично, безъ жалости, слѣдуя заранѣе намѣченному плану, въ томъ убѣжденіи (въ которомъ они всѣ тамъ находятся въ Германіи, начиная съ докторовъ правъ и другихъ ученыхъ до простыхъ рабочихъ), что они спасаютъ міръ огнемъ орудій, тогда какъ они удовлетворяютъ только низкіе инстинкты своихъ душъ, оставшихся въ состояніи варварства. Нѣмецкій народъ, весь опьяненный слишкомъ быстрымъ ростомъ своего благосостоянія, даетъ такимъ образомъ, по выраженію г. Бутру, удивительный примѣръ варварства, умноженнаго наукой, варварства, въ которое въ наше время могъ окунуться народъ, считавшійся цивилизованнымъ, тогда какъ его моральное развитіе не можетъ идти вровень съ быстрымъ ростомъ его матеріальнаго процвѣтанія. Именно это благосостояніе тевтонскіе умы теперешняго времени считаютъ, за неимѣніемъ какого бы то ни было безкорыстнаго идеала, высшей цѣлью, къ которой подъ эгидой Германіи—Мессіи будущаго—человѣчество яко бы призвано. Мерзости примѣненныхъ пріемовъ достаточно, помимо всякихъ другихъ уликъ, чтобы заставить насъ по достоинству оцѣнить такое извращенное притязаніе.

———

Отъ апогея къ банкротству и необходимости войны [1]).

Римъ, сдѣлавшись властителемъ міра, сталъ богатѣйшимъ городомъ всего свѣта. До него другія столицы сухопутныхъ и морскихъ державъ достигали власти и процвѣтанія: Мемфисъ и Вавилонъ, Ниневія и Сузы, Карѳагенъ и Александрія. Но къ столицѣ цезарей текли всѣ сокровища цивилизованнаго міра. Отъ туманныхъ береговъ Британіи до солнечной Элефантины, отъ дремучихъ лѣсовъ Сарматъ до золотистаго сумрака садовъ Гесперидъ, все работало на пользу Рима. Благодаря этому онъ получилъ возможность замѣнить свои глинобитныя хижины, свои узкія известковыя улицы, свои бѣдные храмы великолѣпными гранитными и мраморными постройками. Онъ имѣлъ возможность доставить себѣ весь комфортъ, всѣ чудеса архитектуры, изобрѣтенныя до него человѣчествомъ. Онъ могъ кормить свой плебсъ, не заставляя его работать, а въ своихъ роскошныхъ термахъ и гигантскомъ Коллизеѣ каждый день развлекать его новыми зрѣлищами. Ни лѣнь, ни расточительность, ни безуміе замысловъ и роскоши жизни не могли истощить его доходовъ.

Это потому, что въ эпоху, когда земледѣліе было главнымъ источникомъ богатства, Римъ обладалъ всѣми плодородными и даже только годными для обработки землями всѣхъ извѣстныхъ странъ того времени. Вокругъ всего Средиземнаго моря, кормильца мыслящаго человѣчества, центра и очага тогдашней цивилизаціи, владѣнія Рима простирались до предѣловъ горизонта, гдѣ полукочевые варвары обладали уже лишь болотистыми лѣсами, замерзшими равнинами и недоступными пустынями. Риму принадлежали всѣ виноградники, всѣ оливковыя рощи, всѣ пашни.

Промышленность, въ видѣ валовой обработки сырья въ спеціальныхъ мастерскихъ, едва зарождалась, но каждая римская вилла, обладая своей собственной ткацкой и кузницей, удовлетворяла своимъ потребностямъ, ея стада, ея посѣвы, ея лѣса и ближайшія каменоломни доставляли ей всѣ нужные

---

[1]) «L'éternelle Allemagne»—«Revue des deux Mondes»—отъ 15-го декабря 1915 г. Victor Bérard.

матеріалы, а римскій землевладѣлецъ въ избыткѣ обладалъ той живой силой, которая примѣнялась для обработки даровъ природы, т. е. животными и рабами. Для надобностей городскихъ мастерскихъ, которыя обрабатывали драгоцѣнные матеріалы и благородные металлы, Римъ обладалъ и всѣми рудоносными мѣсторожденіями, такъ, онъ владѣлъ Испаніей, «этой вѣчной сокровищницей», какъ говоритъ Страбонъ, откуда мѣдь, золото и серебро доставлялись Риму громадными транспортами. Даже въ Галліи онъ имѣлъ свои серебряные рудники и золотые промыслы, а Корнвалисское олово давало ему монополію бронзы, которую кромѣ него изготовлять могли только на другомъ концѣ свѣта—въ Китаѣ.

Наконецъ, такъ какъ Средиземное море было ареной всемірной торговли, то итальянскіе порты были на перепутьи всѣхъ водныхъ путей, а на сушѣ Римъ обладалъ каменными дорогами, мощеными путями, которыми легіонеры избороздили покоренныя земли. Благодаря этимъ прекраснымъ путямъ, способствующимъ перевозкѣ и быстрому передвиженію, впервые созданнымъ римлянами и бывшимъ въ ихъ исключительномъ владѣніи, только въ римскихъ земляхъ подъ охраной римскихъ законовъ и могла существовать торговля: варвары, даже совсѣмъ не подчиненные Риму, все же находили выгоду въ томъ, чтобы, перейдя черезъ границу Рима, продавать тамъ своихъ плѣнныхъ, свои стада или самимъ наняться, чтобы добыть пищу, оружіе, ткани и различныя украшенія для своихъ женщинъ. Римъ, глава міра, Римъ, патронъ и законодатель человѣческаго рода, управлялъ экономической жизнью, военными и юридическими установленіями всего свѣта: Риму, чтобы вести міровую политику, надо было только заниматься своей собственной; чтобы управлять міровымъ рынкомъ, ему надо было извлекать выгоду только изъ своихъ римскихъ рынковъ.

Послѣ 1871 г. Берлинъ, ставъ во главѣ имперіи, сдѣлался для германскаго міра тѣмъ же, чѣмъ былъ Римъ для древняго міра послѣ Цезаря. Резиденція того Гогенцоллерна, котораго Бисмаркъ сдѣлалъ германскимъ Цезаремъ, столица имперскихъ земель, центръ всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлъ этихъ земель, Берлинъ обладалъ наилучше обработанными землями, наилучше оборудованной торговлей и наиболѣе

цвѣтущей промышленностью, какихъ никогда еще не видѣлъ ни одинъ германскій народъ.

Изъ 540,000 кв. километровъ Германской имперіи, имперскія земли занимали 350,000, а изъ 41 милл. нѣмцевъ 25 мил. были прусскими подданными, изстари или вновь присоединенными. Въ этихъ прусскихъ провинціяхъ, Привислинскихъ, Приодерскихъ, Приэльбскихъ, уже два столѣтія тщательно улучшаемыхъ прусскими электорами-королями, Берлинъ обладалъ самыми крупными фермами Германіи, самыми большими землевладѣніями, производящими зерно, картофель, свеклу и скотъ; Баварія, болѣе плодородная, сохраняла превосходство въ произведеніи нѣкоторыхъ культуръ не первой необходимости—виноградной лозы и хмеля, а также въ разведеніи крупнаго рогатаго скота, но Пруссія все же оставалась кормилицей имперіи, и ея восточно-прусское помѣстное дворянство являлось какъ бы генеральнымъ штабомъ многочисленной и солидной арміи крестьянъ.

Что касается промышленности, то и тутъ прусскія провинціи верхняго Одера и Рейнскія, Силезія, Вестфалія и Рейнскія земли извлекали наибольшее количество угля, наибольшее количество руды, выплавляли наибольшее количество чугуна, выдѣлывали наибольшее количество шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій. Коммерческая гегемонія Пруссіи была обезпечена еще болѣе: Гогенцоллерны владѣли берегами Сѣвернаго и Балтійскаго морей, допуская на этомъ побережьи лишь существованіе второстепенныхъ государствъ, съ мало развитой промышленностью и торговлей, герцогства: Ольденбургское и Мекленбургскія и небольшія приморскія республики, безъ малѣйшаго Hinterland'а — Бременъ, Гамбургъ и Любекъ. Такимъ образомъ всѣмъ народамъ Германіи приходилось пользоваться прусскими транзитами, чтобы достичь портовъ, которые открывали имперіи сношенія съ остальнымъ свѣтомъ, въ особенности повседневное сношеніе съ ихъ тогдашнимъ лучшимъ поставщикомъ и кліентомъ—Великобританіей.

Что должно было произойти со старыми коммерческими и финансовыми центрами южной Германіи? Ихъ прежнее благосостояніе создалось благодаря торговому черезъ нихъ пути во Францію и Италію, бывшихъ тогда рынками, которыми жила

прежняя Германія. Благодаря развитію морской торговли, съ момента, когда имперія упрочила свои сношенія съ Англіей, беря оттуда средства, модели, заимствуя образъ жизни, вся эта торговля перешла въ новые конторы и банки сѣвера. Всѣ интересы Германіи всегда сосредоточивались въ сторону той внѣшней цивилизаціи, которой она въ данное время заимствовалась.

Бисмаркъ за время всего своего министерства работалъ надъ этой экономической гегемоніей Пруссіи; онъ придавалъ ей такое же значеніе, какъ гегемоніи политической и военной. Онъ зналъ по историческимъ примѣрамъ, какіе расходы влечетъ за собою императорское достоинство: чтобы сохранить это достоинство, онъ хотѣлъ, чтобы король прусскій и его народъ оставались наиболѣе богатыми въ Германіи, для того, чтобы владѣть императорской короной не только благодаря побѣдѣ и договорамъ, но и въ виду выгоды для другихъ нѣмецкихъ народностей: подчиняя всю свою внутреннюю политику идеѣ объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, онъ подчинялъ всѣ свои экономическія начинанія стремленію обогащенія Германіи подъ началомъ Берлина.

Онъ былъ приверженцемъ свободы торговли до основанія имперіи, тогда, когда надо было создать наиболѣе выгодныя условія торговли для мелкихъ государствъ, чтобы привлечь ихъ въ сферу прусскаго таможеннаго и финансоваго союза.

Онъ сталъ протекціонистомъ съ момента, когда, для поддержанія силы Гогенцоллерновъ на неизмѣнной господствующей высотѣ, пришлось стать на защиту земледѣлія. Такъ какъ для сохраненія Гогенцоллернамъ ихъ доходовъ и необходимаго кадра служащихъ нужно было, чтобы земля продолжала кормить не только помѣстныхъ дворянъ, занятыхъ ея обработкой, но и ихъ сыновей, состоявшихъ на службѣ у прусскаго короля, отъ котораго получали лишь недостаточное жалованье. Разореніе или даже упадокъ земледѣлія привели бы къ паденію духа наслѣдственнаго служилаго сословія, къ полному отсутствію кадровъ служащихъ и необходимости повысить оклады жалованья, причемъ эти кадры все же пополнялись бы болѣе демократическими элементами, менѣе пригодными для внутреннихъ нуждъ монархіи. Для того именно, чтобы возстановить доходность прусскаго землевладѣнія, путемъ націонализаціи перевозочныхъ средствъ

и передѣлки торговыхъ договоровъ, Бисмаркъ и принялъ въ 1880 г. портфель министра торговли.

Его экономическая дѣятельность съ 1880 по 1890 г. не была такъ видна, какъ дипломатическая его дѣятельность съ 1860 по 1880 г., но результаты были еще болѣе блестящими. Его протекціонная система была такъ удачно скомбинирована, что, защищая интересы помѣстнаго дворянства и земледѣлія, промышленность и торговля все же отъ этого не страдали. Прусская ферма вновь получила для своихъ продуктовъ выгодныя цѣны; тѣмъ не менѣе нѣмецкая заводская промышленность покрыла всю германскую территорію въ десять разъ увеличившимся количествомъ фабрикъ и мастерскихъ.

Внѣшняя торговля германской имперіи (въ милліонахъ марокъ).

	1872 г.	1878 г.	1884 г.	1890 г.
Ввозъ.	3.257	3.513	3.860	4.145
Вывозъ	2.318	2.887	3.204	3.226

Эти данныя внѣшней торговли даютъ все же лишь слабое понятіе о шедшей въ имперіи во время бисмарковской эры работѣ. Въ отношеніи коммерческихъ дѣлъ, какъ и въ отношеніи дѣлъ дипломатическихъ, бисмарковская Германія заботилась о своемъ внутреннемъ благосостояніи и устройствѣ гораздо болѣе, чѣмъ о дѣлахъ внѣшнихъ. Она была занята уничтоженіемъ у себя слѣдовъ войнъ, продолжавшихся въ теченіе трехъ или четырехъ столѣтій, опустошившихъ и разорвавшихъ ее. На пути матеріальной цивилизаціи и благосостоянія, она увидѣла себя отставшей на нѣсколько поколѣній отъ Франціи и Англіи: въ Германіи продолжали стлать постели съ одной простыней, и то еще хорошо, если она была; она продолжала жить въ узкихъ переулкахъ и въ старыхъ стѣнахъ своихъ средневѣковыхъ городовъ. Въ отношеніи же торговли и дипломатіи Бисмаркъ держался для Германіи скорѣе оборонительнаго принципа. Онъ стремился вытѣснить съ германскаго рынка иностранныхъ конкурентовъ, заботясь объ этомъ гораздо болѣе, чѣмъ о распространеніи германскихъ товаровъ на другихъ рынкахъ Европы и всего свѣта. Такимъ образомъ, внѣшняя торговля представляетъ лишь незначительную часть нѣмецкой дѣятельности этой эпохи. Всѣ видѣвшіе Германію 1871 г. и вновь увидѣвшіе ее въ

1890 г. восторгались грандіозными результатами Бисмарковской дѣятельности, но никакая современная статистика не была бы въ состояніи выразить ихъ въ цифрахъ, повседневная жизнь не поддается человѣческому исчисленію, цифрами можно отмѣтить лишь нѣкоторые изъ нихъ, болѣе внѣшняго характера, онѣ никогда не могутъ дать ни глубины и интенсивности, ни бьющей ключомъ кипучей энергіи. Разборъ тѣхъ же цифровыхъ данныхъ, продолженныхъ до нашего времени, могъ бы привести къ выводу, что эра Вильгельма II (1891—1914 г.) является прямымъ продолженіемъ Бисмарковской эры (1871—1891 г.), являясь правильнымъ ея развитіемъ, согласно закону возрастанія скоростей:

Потребленіе въ Германіи на каждаго жителя (въ килограммахъ)

	1876—1880 г.	1886—1890 г.	1900 г.	1910 г.
Угля	1.170	1.686	2.662	3.343
Желѣза	51	89	161	218
Мѣди	0,4	0,7	1,9	3,3

Но истина въ томъ, что Германія Вильгельма II пошла въ разрѣзъ съ правилами и замыслами, намѣченными Бисмаркомъ: въ коммерческихъ дѣлахъ, какъ и въ дѣлахъ внѣшней политики, «новый курсъ» круто порвалъ съ прошлымъ; торговые договоры, заключенные Бисмаркомъ въ 1870 и 1882 г., установили извѣстное мирное равновѣсіе земледѣльческаго и промышленнаго производства; договоры Маршалъ-Каприви, составленные Вильгельмомъ II въ 1891 г., послужили началомъ агрессивнаго наступленія германской торговли и промышленности на міровой рынокъ.

«Подъ вліяніемъ временнаго застоя вывоза, — говоритъ Бюловъ, — таможенная политика Маршалъ-Каприви, для быстраго заключенія выгодныхъ договоровъ, предложила иностраннымъ державамъ сокращеніе пошлинъ на зерновой хлѣбъ. Заключеніе этихъ договоровъ отозвалось на земледѣліи, которому пришлось работать при значительно менѣе выгодныхъ условіяхъ; это, по мнѣнію Бисмарка, было равносильно скачку въ неизвѣстность».

Таможенная политика Бисмарка стремилась обезпечить доходность всякой германской земельной собственности, обез-

печить соотвѣтствующее вознагражденіе за всякій нѣмецкій трудъ, но прежде всего заботилась о возвеличеніи Пруссіи. Политика Вильгельма II мечтала лишь о все большемъ и большемъ увеличеніи, во что бы то ни стало, германскаго экспорта: чтобы развить какою бы то ни было цѣною промышленность внутри имперіи и торговлю за ея предѣлами, эта политика настаивала на все большемъ и большемъ развитіи заводской дѣятельности и на все большемъ захватѣ мірового рынка. Deutsche Politik (нѣмецкая политика) Бисмарка превратилась въ Weltpolitik (міровую политику) Вильгельма.

Бисмаркъ, министръ торговли, какъ и Бисмаркъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, никогда не велъ «міровой» политики.

Предѣлами его міра были: Парижъ, Вѣна и С.-Петербургъ. Въ этомъ ограниченномъ, но удобномъ для постояннаго контроля, треугольникѣ онъ и стремился установить германское первенство. Соотвѣтственное продолженіе его дѣятельности, вѣроятно, привело бы къ намѣченной имъ цѣли.

Положеніе Германіи и присущія германскому народу свойства дѣлали достиженіе ея весьма возможнымъ: почва Германіи, ея подпочва, ея географическое положеніе, ея соціальный и политическій строй, ея форма цивилизаціи и темпераментъ ея народа, все способствовало возможности овладѣнія рынками этой бисмарковской Европы, въ особенности рынками Австро-Венгріи и Россіи, которымъ бисмарковская политика расточала всѣ свои улыбки. Бисмаркъ видѣлъ вѣнецъ своихъ дипломатическихъ начинаній въ союзѣ этихъ трехъ имперій: его экономическія начинанія стремились къ объединенію всѣхъ интересовъ этихъ имперій, такъ какъ изъ нихъ на долю Германіи, а въ Германіи на долю Пруссіи, пришлись бы наибольшія выгоды.

Обѣ другихъ имперіи обладали гораздо болѣе плодородными землями, но въ Германіи наука ввела во всеобщее употребленіе химическое удобреніе, особенно солей поташа, въ изобиліи доставлявшихся германской подпочвой, благодаря этому почва Германіи давала урожаи, обилію которыхъ могли позавидовать и ея сосѣдки. Интенсивное производство свекловицы и картофеля, въ связи съ интенсивной организаціей промышленности, дало ей какъ будто монопольное право на изготовленіе нѣкоторыхъ

питательныхъ веществъ. Въ теченіе десятилѣтія, съ 1880 по 1890 г., Германія была царицей производства сахара и алкоголя въ восточной и средней Европѣ, только съ 1900 г. Австро-Венгрія и Россія, на своей гораздо болѣе плодородной почвѣ, пытаются послѣдовать ея примѣру.

Обѣ другихъ имперіи имѣли такую же богатую и даже болѣе богатую подпочву, какъ Германія, особенно Россія, гораздо болѣе богатая каменнымъ углемъ и минералами. Но добыча ихъ въ Россіи и Австро-Венгріи и промышленность ихъ находились еще въ младенчествѣ. Для восточной Европы германская заводская дѣятельность легко стала тѣмъ же, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ ранѣе была заводская дѣятельность Англіи относительно континента и всего міра. И въ этомъ отношеніи научная подготовка и техническое оборудованіе Германіи создали ей такое превосходство, какого никогда и не предвидѣли другія державы континента. Въ двадцать лѣтъ имперія удвоила свою добычу каменнаго угля и желѣза, въ 1891 г. она еще далеко въ этомъ отношеніи отставала отъ Англіи, но уже сравнялась одна со всѣми остальными державами континента, вмѣстѣ взятыми, по количеству же потребляемой ею мѣди можно было судить о господствѣ ея электротехнической и желѣзо-обрабатывающей промышленности.

Паровые двигатели, крупныя машины и громоздкія выдѣлки, обогатившіе англійскую заводскую промышленность, остались и впредь преимущественно достояніемъ англійской заводской промышленности, но электрическіе двигатели, небольшія машины и выдѣлка мелкихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій стали уже германской спеціальностью, въ которой находили свое примѣненіе всѣ нѣмецкія качества — техника, терпѣніе, порядокъ и экономичность. Германія, конечно, не добывала столько мѣди, какъ Великобританія, но скупала ее, гдѣ только могла, и на континентѣ стала неоспоримой царицей этого металла. Другой ея спеціальностью сдѣлались химическіе и фармацевтическіе препараты, вырабатываемые преимущественно изъ каменнаго угля способами, открытыми германскими химическими лабораторіями: Германія стала царицей фармацевтическихъ препаратовъ и химическихъ красокъ. Менѣе богатая углемъ, чѣмъ Англія, Германія изъ своего угля сумѣла извлечь бóльшую пользу, въ виду чего могла безнаказанно не только

удвоить свою добычу угля, но и удвоить свой ввозъ англійскаго каменнаго угля безъ всякаго опасенія образованія залежей.

Въ европейской торговлѣ она заняла прочное и выгодное положеніе, которое къ тому же не только легко было удержать, но и можно было расширить. Она не стремилась къ захвату, никогда не говорила о монополіи. Она вновь усердно принялась за роль маклера, исторически и по природѣ ей предназначенную, роль посредника между народами запада, востока и сѣвера. Ея корабли и ея коми-вояжеры вновь появились, послѣ четырехсотлѣтняго перерыва, въ тѣхъ гаваняхъ и на тѣхъ внутреннихъ рынкахъ Европы, гдѣ въ былыя времена господствовала ганзейская торговля, конечно для вящшей своей выгоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для удобства и пользы потребителя. Германія во всѣ времена, какъ и теперь, всегда являлась естественнымъ посредникомъ товарообмѣна между народами Европы.

Ганзейскій союзъ въ былыя времена сдѣлалъ крупную ошибку, навязывая свои услуги путемъ угрозы и насилія, вслѣдствіе чего произошло общее возмущеніе всѣхъ его кліентовъ. Бисмаркъ въ торговыхъ дѣлахъ, какъ и въ дипломатіи, предлагалъ только свое честное маклерское посредничество, и Германія его времени выказывала поспѣшность, вѣжливость и нѣсколько раболѣпную угодливость въ своемъ стремленіи приспособиться къ услугамъ другихъ и удовлетвориться притомъ тѣми выгодами, которыя англичане, властители міровой торговли, согласятся имъ предоставить.

Это англо-германское сотрудничество оскорбляло нѣсколько самолюбіе побѣдителей 1870 г.; на цѣломъ рядѣ производствъ, на рядѣ фасадовъ предпріятій красовались имена англійскихъ фирмъ, вмѣсто нѣмецкихъ; подъ англійскимъ флагомъ шли цѣлые ряды транспортовъ, процвѣтали предпріятія, слава которыхъ приходилась въ глазахъ всего свѣта на долю Англіи, тогда какъ въ дѣйствительности заслуга принадлежала нѣмцамъ. Но прибыль отъ всѣхъ этихъ дѣлъ попадала въ нѣмецкіе, а не въ англійскіе карманы: гордому англичанину — слава; германскому ремесленнику — прибыль. Безъ англійскаго гостепріимства, которымъ такъ возмутительно злоупотреблялъ шпіонирующій германскій клеркъ; безъ англійскаго кредита, доставляемаго Германіи нѣмецкими евреями; безъ англійскихъ клеймъ

и подписей, которыми снабжалось большинство германскихъ товаровъ, никогда бисмарковская Германія не создала бы такъ быстро такого полнаго и совершеннаго взаимодѣйствія земледѣльческой и обрабатывающей промышленности и торговли, изъ которыхъ она извлекала такой хорошій доходъ.

Въ цѣломъ все это бисмарковское сооруженіе было основано на самыхъ солидныхъ реальныхъ данныхъ, на самыхъ точныхъ расчетахъ, на самомъ глубокомъ опытѣ. Онъ мудро ограничивалъ свое честолюбіе и рискъ. Онъ брался только за то, что было ему по силамъ, и требовалъ только того, на что имѣлъ право и что могъ осуществить. Его начинанія при этомъ соотвѣтствовали наиболѣе насущнымъ потребностямъ какъ Германіи, такъ и всей Европы, въ настоящемъ и въ будущемъ. Его успѣхъ былъ нуженъ другимъ почти столько же, сколько ему самому: всѣ, кого заботило благосостояніе и прогрессъ человѣчества, всѣ не могли не быть довольны результатами этого гигантскаго усилія, одобряя при этомъ и всѣ поступки этого гиганта, честность и прямота котораго являлись незауряднымъ достоинствомъ. Въ виду этого и результаты для Германіи были вполнѣ удовлетворительны:

Внѣшняя торговля Германіи (въ милліонахъ марокъ).

	Ввозъ.			Вывозъ.		
	1.880	1.885	1.890	1.880	1.885	1.890
Сырья	1.863	1.948	2.949	958	739	844
Мануф. издѣлій	955	988	1.132	1.933	2.120	2.482
Всего	2.818	2.931	4.081	2.891	2.859	3.326

Развиваясь правильно и увѣренно, Германія шла къ постепенному развитію всѣхъ своихъ начинаній: твердо опираясь на свое спеціализированное земледѣліе и свою развитую технику, добывала изъ своей почвы и подпочвы достаточно богатствъ, чтобы заполнить разницу между своимъ ввозомъ и вывозомъ, чтобы удовлетворить своей все возрастающей потребности комфорта и роскоши, чтобы уплачивать и постепенно погашать крупные расходы по оборудованію своей промышленности и своей торговли и чтобы ежегодно, кромѣ того, посвящать все новые и новые милліоны на дальнѣйшее оборудованіе промышленности, на расширеніе просвѣщенія и развитіе техники. Имѣя достаточно работы и наживы внутри страны,

она могла обращаться къ другимъ, продавать имъ или покупать у нихъ только по мѣрѣ своей собственной надобности, имѣя въ виду исключительно собственную выгоду. Такимъ образомъ она имѣла возможность выбирать своихъ поставщиковъ и кліентовъ и помѣщать свои произведенія только въ надежныя руки. Кромѣ того, лучшими ея кліентами были ея сосѣди, союзники ея правительства или друзья ея государя, въ сферѣ, находящейся подъ вліяніемъ германскаго оружія, гарантировавшаго ее отъ какихъ бы то ни было коммерческихъ бурь.

Она завоевывала, притомъ заслуженно, и симпатіи своихъ покупателей, не столько высокимъ качествомъ своего товара, который въ сущности всегда оставался второсортнымъ, чѣмъ своимъ стараніемъ услужить мелкому покупателю, удовлетворить потребности широкой публики, снабдить незначительнаго лавочника наравнѣ съ крупнымъ коммерсантомъ, возможно распространить новѣйшія изобрѣтенія, сдѣлавъ ихъ по цѣнѣ общедоступными. Въ отношеніи этого стремленія угодить потребностямъ и вкусамъ мелкаго покупателя Англія значительно стала уступать Германіи.

Даже сохранившіе въ своемъ сердцѣ благодарность несравненнымъ услугамъ либеральной Англіи и чувства недовѣрія и ненависти къ коварству и разбойной политикѣ Бисмарка, даже тѣ въ достаточной мѣрѣ одобрительно относились къ развитію германской торговли на европейскомъ рынкѣ, гдѣ англійская торговля, повидимому, сдавала, не проявляя достаточной дѣятельности. Казалось, что преступленія, совершенныя бисмарковской Германіей противъ народностей Европы, хотя и не покрывались и не искупались, но все же нѣсколько компенсировались услугами, которыя эта же Германія оказывала научному прогрессу и всеобщему матеріальному благосостоянію.

Каковы чувства въ настоящее время Европы послѣ двадцати пяти лѣтъ политики Вильгельма II, на чьей же сторонѣ, Германіи или Англіи, слѣдуетъ считать ея симпатіи?

18-го декабря 1891 г. Вильгельмъ II объявилъ берлинцамъ, что рейхстагъ 243 голосами противъ 48 ратификовалъ три торговыхъ договора—съ Австро-Венгріей, Италіей и Бельгіей, разработанные г-мъ Маршалъ и проведенные канцле-

ромъ Каприви. Императоръ считалъ необходимымъ поблагодарить «этого простого прусскаго генерала за заключеніе этихъ договоровъ, которые останутся для современниковъ и потомства однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣяній; въ виду этого рейхстагъ, сумѣвшій оцѣнить прозорливую политику этого человѣка, заслуживаетъ памятника въ исторіи имперіи: не только отечество, но милліоны подданныхъ другихъ государствъ, подписавшихъ этотъ таможенный союзъ, пожнутъ плоды этого дня».

«Не слѣдуетъ извращать и произвольно толковать слова государей»; вотъ средневѣковая поговорка, которую очень любитъ приводить Вильгельмъ II — «an einem Kaiserwort soll man nicht drehen und deuten». Однако въ этотъ знаменательный день было примѣнено выраженіе, истинное значеніе котораго выясняется намъ только теперь по прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ: «Таможенный союзъ», «Zollverband», сказалъ Вильгельмъ II. Таможенный союзъ «Zollverein» германскихъ земель былъ положенъ прусскимъ королемъ въ началѣ XIX столѣтія въ основу его имперской политики, его дѣла объединенія Германіи, «таможенный же союзъ» «Zollverband» континентальныхъ державъ Гогенцоллернъ 1891 г. хотѣлъ сдѣлать основой своей міровой политики, своей «Weltpolitik».

«Таможенный союзъ» является агрессивнымъ и оборонительнымъ договоромъ противъ иностраннаго засилья или конкуренціи: заключенный непосредственно послѣ франко-русскаго договора, можно было полагать, что «Zollverband» Вильгельма II являлся лишь болѣе тѣсной спайкой тройственнаго союза, являлся отвѣтомъ на провозглашенные въ іюлѣ 1891 г., въ Кронштадтѣ, тосты. Но въ этотъ договоръ была включена и Бельгія, вскорѣ въ него вовлечена была и Швейцарія, а затѣмъ въ 1894 г., послѣ умиротворительныхъ переговоровъ, къ нему присоединилась и Россія, послѣ чего въ Килѣ въ 1895 г. и появилась франко-русская эскадра... Противъ кого же Вильгельмъ II подготовлялъ континентальный «Zollverband»?.. Развѣ экономическій нейтралитетъ Антверпена не былъ для Англіи столь же важенъ, какъ дипломатическій и военный нейтралитетъ Бельгіи?.. и развѣ этотъ нейтралитетъ Бельгіи не былъ для Англіи еще болѣе важенъ, чѣмъ даже для Франціи?

Съ 1891 по 1895 г. онъ расточалъ этой Англіи однѣ улыбки, ежегодно посѣщая ее и громко провозглашая себя тамъ внукомъ ея королевы, осматривая поочередно, чтобы подивиться ими, арсеналы и казармы, военныя суда и береговыя укрѣпленія, заводы и доки, банки и замки, предусмотрительно каждый разъ захватывая съ собою хорошихъ спеціалистовъ, которымъ ставилъ въ примѣръ эти чудеса англійскаго искусства. Онъ видѣлъ, что Англія проявляла безпокойство по поводу франко-русскаго союза и раздражалась на булавочные уколы французской дипломатіи. Англія была вполнѣ готова положиться на императорское слово и дружбу «Вилли», благодаря соглашеніямъ касательно владѣній въ Африкѣ какъ гласнымъ, такъ и секретнымъ; она думала, что заручилась содѣйствіемъ Германіи для защиты британскихъ интересовъ, если когда-нибудь дѣйствительный союзъ предприметъ реваншъ противъ захватныхъ владѣтелей Египта или враждебныя дѣйствія противъ владыкъ Индіи и эксплуататоровъ Китая?

Съ 1895 по 1900 г. Вильгельмъ II былъ уже менѣе сдержанъ: онъ не имѣлъ еще права рѣшиться на открытый разрывъ съ Англіей; флотъ его былъ еще слишкомъ слабъ; добрыя услуги англійскаго флота, англійскаго банка и англійское гостепріимство были еще слишкомъ нужны для окончательнаго формированія германской фирмы; онъ хотѣлъ, чтобы его народъ продолжалъ учиться у англичанъ и все у нихъ высматривая, чтобы затѣмъ занять ихъ мѣсто. Со временемъ дипломатическіе архивы обнаружатъ намѣренія и тайные ходы кайзера: въ нѣкоторыхъ случаяхъ затаенныя мысли уже прорывались, какъ, напр., въ письмѣ къ президенту Крюгеру (въ январѣ 1896 г.); все же по внѣшности отношенія оставались прежними: Англіи предоставлялось первое мѣсто, а Германія Вильгельма II, подобно бисмарковской Германіи, казалось удовлетворялась второстепенной ролью и тѣми успѣхами, которыхъ ея промышленность, торговля и финансы достигали надъ остальными, кромѣ англичанъ, народами.

Тѣмъ не менѣе было уже очевидно, что Германія не намѣревалась болѣе пользоваться англійскимъ посредничествомъ въ Европѣ и не предполагала впредь считать англійскіе міровые рынки для себя закрытыми. Соединенные Штаты стали ея

главнымъ поставщикомъ; въ теченіе пятилѣтія съ 1895 по 1900 г. американскій ввозъ въ имперію дѣлаетъ скачокъ на 100%: съ 511 милл. марокъ въ 1895 г. на 1.020 милл. въ 1900 г. Непрерывно развивая, удваивая, утраивая и учетверяя количество своихъ машинъ и свою производоспособность, германская заводская промышленность нуждалась въ мiровомъ рынкѣ; увеличивая свой вывозъ въ едва пятилѣтній срокъ на 35% (3.753 милл. марокъ въ 1896 г. и 4.752 милл. марокъ въ 1900 г.), германская торговля не могла болѣе удовлетвориться ограниченнымъ европейскимъ рынкомъ; военный флотъ Вильгельма II не достигъ еще такого развитія, чтобы оспаривать господство надъ океанами у англійскаго вымпела, но германскія судоходныя компаніи уже начали удовлетворять всѣмъ торговымъ нуждамъ имперіи.

Безконечныя затрудненія, испытываемыя Англіей вслѣдствіе неудачъ въ Южной Африкѣ въ 1900 г., дали германскому честолюбію возможность себя обнаружить, а всемірная выставка въ Парижѣ доставила этому удобный случай. Фронтонъ германскаго павильона на этой выставкѣ былъ украшенъ надписью, что будущее Германіи—на моряхъ, такъ какъ культура (die Kultur) преобразовала народы и земли имперіи, а дисциплина (die Disziplin) преобразовала ея экономическій строй, вслѣдствіе чего Германія XX вѣка и имѣетъ возможность какъ завоевать, такъ и прочно удержать мiровой рынокъ. То положеніе, которое Гогенцоллернъ создалъ Пруссіи въ германскомъ союзѣ, то положеніе, которое Бисмаркъ создалъ Германіи въ тройственномъ союзѣ, то же положеніе Вильгельмъ II хотѣлъ создать нѣмецкимъ государствамъ по отношенію ко всей Европѣ и всему міру.

И Германія приступила къ выполненію того, чего хотѣлъ ея императоръ, или вѣрнѣе императоръ лишь провозгласилъ то, надъ чѣмъ Германія работала уже въ теченіе пяти или шести лѣтъ. Нитцше въ философіи, Ратенау по части электричества, Баллинъ по судостроенію, Круппъ по металлургіи, Байеръ по химіи, Фюрстембергъ по пивоваренію, Вильгельмъ II по части политики являются лишь разными, но вполнѣ однородными олицетвореніями той Германіи, которая всѣми помыслами стремилась къ мiровому господству.

За двѣнадцать лѣтъ, съ 1901 по 1913 г., она почти удваиваетъ свой ввозъ, но этого одного мало: покупать всегда можно, когда есть намѣреніе брать все, что предлагается по цѣнамъ, запрашиваемымъ продавцами, лишь бы были деньги или кредитъ; но, что гораздо труднѣе, за тѣ же двѣнадцать лѣтъ Германія болѣе, чѣмъ удваиваетъ свой вывозъ и въ четыре, въ пять и въ шесть разъ увеличиваетъ свое потребленіе промышленныхъ сырыхъ матеріаловъ.

Потребленіе въ Германіи (въ тысячахъ тоннъ):

	1876—1880 гг.	1886—1890 гг.	1896—1900 гг.	1912 г.
Угля	50.980	80.850	130.320	242.259
Желѣза	2.241	5.110	7.750	16.775
Хлопка	124	201	302	501
Нефти	235	556	926	1.110

Въ теченіе одного поколѣнія учетверить свое потребленіе хлопка, упятерить свое потребленіе угля и усемерить свое потребленіе желѣза—это до сего времени имѣло мѣсто развѣ у народонаселенія изъ дикарей, покореннаго и неожиданно пріобщеннаго завоевателями къ цивилизаціи. Наиболѣе типичнымъ проявленіемъ громадности этого усилія является ростъ германскаго коммерческаго флота, отмѣченный на страницахъ «Statistische Jahrbücher».

Коммерческій флотъ.

	Парусники.			Пароходы.		
	Судовъ.	Тысячъ тоннъ.	Тысячъ моряковъ.	Судовъ.	Тысячъ тоннъ.	Тысячъ моряковъ
1871 г.	2.082	449	18,3	2.437	2.437	21
1881 г.	1.911	443	16,3	2.749	738	23
1891 г.	1.241	335	10,6	2.412	1.098	29,7
1901 г.	843	223	7	3.040	1.717	43
1913 г.	950	318	8,5	3.900	2.835	69

Какое измѣненіе въ этомъ коммерческомъ флотѣ съ того недавняго и уже столь отдаленнаго времени, когда Германія 1871 г. довольствовалась незначительными парусными судами и небольшими пароходами для каботажа вдоль своихъ береговъ и обслуживанія устьевъ своихъ рѣкъ! И здѣсь «новый курсъ» головокружительно ускорилъ прогрессивный ходъ развитія бисмарковской эры и увеличилъ до колоссальности размѣры судовыхъ трюмовъ. Статистики 1870—1875 гг. раз-

дѣляли торговыя суда на одиннадцать категорій: въ первой—суда отъ 50 до 100 тоннъ и въ послѣдней—суда, превышающія 2.000 тоннъ. Въ 1879 г. Германія еще гордилась своими девятью судами, превышающими двѣ тысячи тоннъ, вмѣщавшими въ совокупности 20.285 тоннъ, т. е. въ среднемъ по 2.255 тоннъ на судно. Таковы въ то время были мастодонты флота, двѣ трети тоннажа котораго составляли барки. При паденіи Бисмарка суда свыше двухъ тысячъ тоннъ считались еще выдающимися по своей величинѣ; въ Германіи таковыхъ въ 1890 г. насчитывалось 91, общей вмѣстимостью въ 231.560 тоннъ, т. е. въ среднемъ по 2.545 тоннъ на судно. Но уже семь лѣтъ спустя къ высшему разряду причислялись лишь суда въ 6.000 тоннъ и таковыхъ у Германіи насчитывалось 13. Въ 1903 г. возникло девять новыхъ категорій отъ 6 до 16 тысячъ тоннъ, при чемъ существовало уже одно судно въ 16.592 тонны. Въ 1912 г. въ судовомъ спискѣ появилось шесть новыхъ категорій, отъ 17 до 25 тысячъ тоннъ... Двѣ тысячи тоннъ въ 1891 г. и двадцать пять тысячъ въ 1912 г., при чемъ уже заложены были суда въ 45 тысячъ и въ 50 тысячъ тоннъ, спущенныя въ 1914 г. Разница емкостей трюмовъ показываетъ и разницу идеаловъ эры Бисмарка и эры Вильгельма II.

Въ 1914 г. Германія, насчитывая въ своемъ коммерческомъ и рыболовномъ флотѣ три милліона тоннъ и 80.000 человѣкъ команды, безспорно обладала великолѣпнымъ источникомъ богатства... лишь бы она могла доставлять ему достаточное количество работы и эта работа была бы прибыльна, такъ какъ бездѣятельность такого громаднаго флота или работа его въ убытокъ наноситъ дефицитъ, съ каждымъ днемъ возрастающій въ геометрической прогрессіи; дефицитъ, который въ нѣсколько лѣтъ можетъ возрасти до нѣсколькихъ милліардовъ, особенно если при этомъ учесть вліяніе этого фактора на застой въ промышленности и торговлѣ.

Въ 1914 г. этотъ флотъ, казалось, имѣлъ работы не только достаточно, но даже болѣе того, что могъ дать, такъ какъ Германія рѣшила обзавестись міровой торговлей, при чемъ вести ее собственными перевозочными средствами, вслѣдствіе чего изъ года въ годъ закупала и продавала все боль-

шее и большее количество товаровъ и на все болѣе и болѣе отдаленныхъ рынкахъ. Въ 1894 г. Европа доставляла ей болѣе двухъ третей ея ввоза и брала у нея четыре пятыхъ ея вывоза; въ 1913 г. Германія пріобрѣтаетъ въ Европѣ едва три пятыхъ предметовъ своего ввоза и помѣщаетъ тамъ лишь три четверти своего вывоза. Съ этого времени Азія, Африка, Америка и Океанія продаютъ и получаютъ бо̀льшую часть товаровъ, шедшихъ до того на Бременъ и Гамбургъ черезъ англійскія руки, непосредственно изъ нѣмецкихъ рукъ и въ нѣмецкія руки.

По всему свѣту германскій торговый флотъ предлагаетъ свои услуги въ англійскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ и повсемѣстно изстари англійскимъ торговымъ корреспондентамъ: этотъ флотъ какъ будто рѣшилъ руководствоваться не стремленіемъ къ заработку, а къ тому, чтобы плавать столько же, какъ англичане, болѣе, чѣмъ англичане, и въ ущербъ все тѣмъ же англичанамъ. «Navigare necesse est, vivere non est necesse»,—провозгласилъ въ одинъ прекрасный день его повелитель, вновь возрождая древній ганзейскій девизъ. Вытѣснить и замѣнить англичанъ на моряхъ... такой результатъ, конечно, стоилъ бы какихъ угодно усилій, такъ какъ конечная прибыль покрыла бы любыя предварительныя затраты. Но какіе были тому шансы, чтобы успѣшно завершить задуманное? Путемъ какихъ жертвъ и черезъ какой промежутокъ времени можно было разумно разсчитывать на достиженіе такого результата? Въ разрѣшеніи этого вопроса заключалась вся сущность англо-германской проблемы: есть ли возможность съ выгодой возвести любое зданіе, въ любомъ мѣстѣ земного шара и на любомъ грунтѣ? возможно ли сооружать на зыбкой почвѣ болота семи и восьмиэтажные дома, которые свободно выноситъ скала? возможно ли успѣшно открыть большую контору въ сердцѣ Сахары или крупный заводъ на полюсѣ? чтобы овладѣть міровой торговлей, имѣла ли Германія отъ природы большіе или хотя бы равные шансы съ Англіей? или по крайней мѣрѣ, разность между шансами Германіи и Англіи была столь незначительна, что геній человѣческій въ силахъ ее восполнить?

Послѣ Карѳагена, Александріи, Византіи и Венеціи, по очереди владычествовавшихъ въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, послѣ Кадикса, Лиссабона и Амстердама, владычество-

вавшихъ въ торговлѣ съ тропическими странами, владычицей міровой торговли стала Англія. Это владычество Англіи началось съ того момента, когда Антлантическій океанъ сдѣлался главнымъ путемъ товарообмѣна, и упрочивалось все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ сѣверная часть этого океана пріобрѣтала все большее и большее значеніе, какъ путь, соединяющій цивилизацію Стараго и Новаго Свѣта. Это главенство Англіи, возникшее въ XVIII вѣкѣ благодаря ея географическому положенію, непоколебимо утвердилось въ XIX благодаря каменному углю и пару. Англія, расположенная какъ разъ противъ Сѣв. Америки въ видѣ гигантской вынесенной въ море передъ континентомъ Европы пристани, обладая въ высшей степени благопріятными для устройства портовъ береговыми очертаніями и представляя изъ себя почти что сплошной массивъ каменнаго угля, легко и со сравнительно небольшими затратами могла соорудить всѣ приспособленія, необходимыя для веденія міровой торговли.

Топкіе низменные берега и предательскія холодныя моря Германіи обращены лишь къ безбрежнымъ ледовитымъ пустынямъ сѣвера. Эти берега и моря во всѣ времена служили транзитомъ лишь для скуднаго товарообмѣна между цивилизаціей континента и бѣдными народами сѣвера.

Если бы когда-нибудь человѣчеству удалось пользоваться полярными океанами такъ же, какъ остальными; если бы черезъ сѣверный полюсъ прошелъ путь товарообмѣна между Сѣвернымъ (Нѣмецкимъ) и Беринговымъ морями, то къ этимъ берегамъ Германіи направилась бы вся торговля начинающаго съ этого момента процвѣтать сѣвера Америки и Азіи и туда же черезъ Беринговъ проливъ направились бы флоты Японіи и Китая, драгоцѣнные камни Южно-Американскихъ Эльдорадо, цвѣты и плоды Тихаго океана. Гамбургъ могъ бы овладѣть тогда такимъ же первенствомъ въ ущербъ Англіи, какъ въ свое время Ливерпуль въ ущербъ Испаніи, когда главный товарообмѣнъ перешелъ изъ рукъ Тропической Америки въ руки Америки Сѣверной. Можетъ быть такое время когда-нибудь и настанетъ, но Гамбургъ поступилъ бы правильнѣе, выждавъ его наступленія прежде, чѣмъ рисковать сдѣлать затраты на устройство портового оборудованія для міровой тор-

говли на такомъ мѣстѣ, гдѣ природа накопила всякаго рода затрудненія водныя и сухопутныя. Тамъ, гдѣ вѣка наслаивали лишь песокъ и жидкую грязь, всѣ усилія человѣческія по укрѣпленію почвы, облицовкѣ береговъ, искусственному обращенію болотъ и лагунъ въ глубокіе бассейны, постоянной прочисткѣ устья Эльбы, прегражденнаго стокилометровой отмелью, далеко простирающейся въ море,.. все затрачиваемое золото, вся наука, вся желѣзная дисциплина—ничто не могло создать изъ Гамбурга одинъ изъ центровъ современной міровой торговли.

Иное дѣло, если бы Германія обладала на устьяхъ Шельды и Мааса Антверпеномъ, Роттердамомъ, Амстердамомъ—этими голландскими и фламандскими портами, игравшими для Европы роль Лондона въ тѣ времена, когда Лондонъ былъ еще лишь портомъ британскаго острова и Европа имѣла всѣ свои склады на континентѣ, а не на этомъ островѣ!.. Процвѣтаніе Англіи началось только съ паденіемъ значенія этихъ континентальныхъ портовъ, когда голландскій штатгальтеръ Вильгельмъ Оранскій перенесъ свою резиденцію изъ Амстердама въ Лондонъ, нанося этимъ Амстердаму послѣдній ударъ... Въ XX вѣкѣ германскій флотъ прочно обосновывается въ Роттердамѣ и Антверпенѣ и зачастую распоряжается тамъ, какъ въ области завоеванной. Но, несмотря на всю гостепріимную услужливость бельгійцевъ и голландцевъ, ни Антверпенъ, ни Роттердамъ все же не были портами германскими, гдѣ бы все было организовано и направлено для услугъ Германской имперіи и для борьбы съ Англіей.

Послѣ двадцати пяти лѣтъ «новаго курса» (1890—1915 гг.) нынѣшніе пангерманисты правы, громко предупреждая своего императора, что для осуществленія міровыхъ вожделѣній необходимо во что бы то ни стало удержать Антверпенъ и предоставить Голландіи лишь выборъ между подчиненіемъ германской опекѣ или участью Бельгіи. Безъ обладанія Антверпеномъ и не имѣя Роттердама въ своемъ исключительномъ пользованіи—на водахъ не будущее Германіи, а ея гибель; но сдѣлавъ Антверпенъ и Роттердамъ портами германскими, Вильгельму II Гогенцоллерну могло бы удаться раздѣлать то, что нѣкогда было сдѣлано Вильгельмомъ III Оранскимъ,

и вновь вернуть въ порты континента міровую торговлю, которую штатгалтеръ-король перевелъ за собой на островъ.

Эта альтернатива выяснилась совѣтчикамъ кайзера уже въ 1910 г., и слухи, достигавшіе бельгійцевъ, объ идущихъ по этому поводу совѣщаніяхъ, заставили ихъ насторожиться. Но до августа 1914 г. Вильгельмъ II, разсчитывая, что эти слухи не проникли еще черезъ проливъ въ Англію, надѣялся, что она допуститъ нарушеніе нейтралитета Бельгіи, «временное» занятіе имъ лежащаго противъ Англіи побережья и даже захватъ Кале и Булоня!...

Этотъ Гогенцоллернъ охотно хвастается своимъ швабскимъ происхожденіемъ, а швабы среди германскихъ народностей всегда пользовались репутаціей особой хитрости и юмора: самый распространенный въ Германіи юмористическій сборникъ озаглавленъ—«Der lustige Schwabe». Но на этотъ разъ веселый швабъ перехитрилъ... Сказанное относительно морской политики Германіи примѣнимо и къ другимъ отраслямъ германской міровой политики: что бы ни говорили люди, исключительно опирающіеся на числа, эра Вильгельма II является не менѣе неудачной и въ отношеніи земледѣлія, промышленности и торговли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что колоссальному флоту соотвѣтствовало и чрезмѣрное, колоссальное развитіе торговли и промышленности. Этотъ флотъ доставлялъ въ Германію груды сырого матеріала, обработать который германскіе заводы могли лишь, въ три и въ четыре раза увеличивъ свое производство, свое оборудованіе, свой составъ людей. Этотъ же флотъ выбросилъ на міровой рынокъ груды произведеній германской промышленности, размѣстить которыя германская торговля могла тоже, только сама примѣнившись къ его требованіямъ, къ его размаху. По свидѣтельству цифровыхъ статистическихъ данныхъ, эта торговля и эта промышленность прокармливали въ Германіи значительно большее количество рабочихъ, чѣмъ прежде, и, по крайней мѣрѣ до 1907 г., давали имъ значительно лучшій заработокъ, чѣмъ прежде.

Состояло на жалованьи (тысячъ человѣкъ жителей):

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Въ промышленности	5.933	8.000	10.852
Въ торговлѣ	4.339	2.165	3.341

Но могли ли вынести эту чрезмѣрную торговлю и эту колоссальную промышленность почва, подпочва, страна и народъ? былъ ли въ силахъ самъ германскій геній справиться съ такой торговлей и промышленностью и вела ли эта работа къ дѣйствительному и прочному процвѣтанію имперіи А такъ какъ на этомъ свѣтѣ нѣтъ прочнаго успѣха безъ согласія всего человѣчества и пользы для него, безъ согласованности съ нравственными нормами, регулирующими взаимоотношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныхъ единицъ человѣчества, то могъ ли успѣхъ Германіи быть достигнутъ безъ существеннаго вреда всему человѣчеству?

То, въ чемъ Германія превосходила другіе народы и что создало успѣхъ бисмарковской Германіи въ Европѣ 1890 г., не имѣло уже той же силы въ Европѣ и, въ особенности, во всемъ мірѣ 1910 г. Не будучи исключительными дарами природы, эти данныя не были незыблемы, вѣчны и неисчерпаемы, какъ она. Являясь преимущественно продуктомъ усилій человѣческаго разума и человѣческой воли, эти данныя, какъ всякое твореніе человѣческое, неизбѣжно должны были быть непостоянными, измѣнчивыми и ограниченными въ своемъ развитіи: ничто не приковывало ихъ къ опредѣленной мѣстности; ничто не дѣлало ихъ исключительнымъ достояніемъ какого-нибудь народа; ничто не гарантировало того же превосходства на вѣчныя времена, ни даже на завтрашній день. Германскій умъ—или, какъ тамъ говорятъ, «культура»,—создалъ (или создала) научно поставленное земледѣліе и научно поставленную промышленность, подобныхъ которымъ другіе народы въ 1890 г. еще не имѣли, но ввести которыя тѣ же народы въ XX столѣтіи могли, лишь только признаютъ это желательнымъ. Германская воля—die Disziplin—организовала торговлю необычную для современнаго человѣчества, но все человѣчество имѣло возможность послѣдовать примѣру Германіи, лишь только убѣдится въ ущербѣ отъ германской конкуренціи.

Между тѣмъ, чѣмъ быстрѣе и ярче обозначались германскіе успѣхи, тѣмъ болѣе и болѣе другіе производители оказались вынужденными поступить въ обученіе къ нѣмцамъ. Вся Европа, за малыми исключеніями, была такъ же хорошо надѣлена землями, годными для обработки, какъ Германія, и при-

гомъ болѣе богато надѣлена землями плодородными отъ природы. Ни климатъ, ни крестьяне не были лучше въ Германіи, чѣмъ по ту сторону ея границъ, а въ особенности по ту сторону океана. Германская имперія не располагала безконечными пространствами отъ природы первобытно-плодородныхъ земель, которыя составляютъ богатства Россіи, Аргентины и Канады и доставятъ имъ міровое значеніе. Имперія далеко не обладала такой площадью обработанныхъ полей, которыя навсегда обезпечиваютъ выдающееся значеніе Соединенныхъ Штатовъ, Индіи и Китая. Съ другой стороны, она не обладала и такими мѣстностями, какъ Египетъ, Халдея, Румынія, Ломбардія, ни даже такими, какъ Беосія (центръ Франціи въ древн. вѣка) и Кампанья (окрест. Рима), т. е. не обладала обширными землями на плодоносной рѣкѣ или дарами южнаго неба, орошаемыми таяніемъ ледниковъ или оплодотворенными пепломъ вулкановъ.

Только техника минеральныхъ удобреній сдѣлала изъ Германіи не плодородную страну, а мѣсто интенсивной культуры, гдѣ научная обработка, какъ въ лабораторіи, давала результаты, заранѣе наукой разсчитанные. Но въ любомъ мѣстѣ, обладающемъ умѣреннымъ климатомъ, такая же научная обработка могла дать тѣ же результаты, будучи произведена столь же тщательно и методически. Относительное превосходство тщательности и методичности нѣмцевъ не могло одно дать Германіи существеннаго преимущества надъ другими народами и доставить ей первое мѣсто. Уже въ 1900 г. германская агрикультура не находила тѣхъ выгодныхъ цѣнъ для своихъ произведеній, какъ прежде; у себя дома ей приходилось бороться съ ввозимымъ иностраннымъ зерномъ, при чемъ на ней тяжелымъ ярмомъ лежала стоимость въ Германіи рабочихъ рукъ.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ все болѣе многочисленные и разраставшіеся заводы увеличивали свое предложеніе работы и заработка, все усиливался приливъ въ города крестьянъ, а въ промышленныхъ областяхъ приливъ переселенцевъ изъ земледѣльческихъ раіоновъ, въ особенности въ бассейнѣ Рура и Рейнскихъ провинціяхъ, значительный приливъ того славянскаго крестьянства съ Одера и Вислы, которое прусскіе землевладѣльцы всегда считали какъ бы ра-

бами, прикрѣпленными къ землѣ и съ которыми соотвѣтственно этому и обращались; прусскіе поляки сотнями тысячъ, подобно бретонцамъ въ Парижѣ, селились въ спеціальныхъ кварталахъ въ большихъ промышленныхъ центрахъ западной Германіи. Когда прусское земледѣліе наиболѣе нуждалось въ подъемѣ заработной платы, чтобы сохранить за собой свои рабочія руки, договоръ Маршалъ-Каприви какъ разъ облегчилъ ввозъ ржи и овса— двухъ главныхъ продуктовъ германской земледѣльческой промышленности послѣ свекловицы и картофеля,—фуража и живого скота, при чемъ ввозимые продукты не были обложены достаточно высокими пошлинами, чтобы удержать цѣны на должной высотѣ. Картофель лучше выдержалъ конкуренцію, и Германія все еще могла съ выгодой продавать его своимъ сосѣдямъ. Но цѣны на сахаръ падали неудержимо, вслѣдствіе увеличивающагося его производства въ другихъ странахъ.

Цѣны сахара въ оптовой торговлѣ.

	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1901 г.
Кёльнъ.	64,9	50,2	35,6	31,4	20,7
Магдебургъ.	62,6	47,8	34	29,9	19,1

Да! доброе старое время, когда при великомъ канцлерѣ земледѣлію было отрадно, уже миновало!..

«Финансовое законодательство имперіи могло отнестись къ этому угрожающему явленію двояко», пишетъ фонъ Бюловъ. «Оно могло обратить всю свою помощь въ сторону промышленности и торговли, которыя быстро развивались, и толкнуть Германію на путь превращенія въ государство исключительно промышленное и торговое, предоставивъ земледѣліе своей участи. Или же могло искусственно создать болѣе благопріятныя условія для земледѣлія и бороться противъ исключительнаго развитія промышленности для сохраненія на ряду съ грандіозной промышленностью и мощнаго земледѣлія».

Къ первому изъ этихъ двухъ рѣшеній пришла Англія уже въ XIX столѣтіи: чтобы сдѣлаться наиболѣе промышленной страной и конторой всего свѣта, ей пришлось обезпечить своей промышленности и своей торговлѣ возможно интенсивное снабженіе по возможно низкимъ цѣнамъ и въ своихъ поставщикахъ принимать во вниманіе лишь ихъ предложеніе, а не національность. Англія въ угоду промышленности и тор-

говлѣ пожертвовала своимъ земледѣліемъ, не могущимъ соперничать въ дешевизнѣ съ продуктами земледѣлія континента и всего свѣта, которыми и стали кормиться англичане и ихъ заводы по возможно дешевымъ цѣнамъ.

Бюловъ, наоборотъ, ставъ канцлеромъ, остановился на второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній, вслѣдствіе чего и провелъ свой таможенный тарифъ 1902 г.: «Съ таможенными тарифами 1902 г.», пишетъ онъ, «я сталъ на этотъ путь вполнѣ сознательно и съ твердымъ убѣжденіемъ, что процвѣтаніе земледѣлія намъ необходимо съ точки зрѣнія экономической, но еще болѣе съ точки зрѣнія національной и спеціальной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился съ вопросомъ къ одному изъ либеральныхъ лѣвыхъ членовъ рейхстага:

«Если бы наступили тяжелые дни, упорная война или серьезная революція, думаете ли вы, что въ минуту опасности силы, создавшія могущество Пруссіи, могли бы цѣликомъ быть замѣщены новыми соціальными слоями, коммерческими и промышленными, каковы бы ни были ихъ достоинства и ихъ способности?» Мой политическій антагонистъ и личный другъ на мгновеніе задумался и отвѣтилъ: «Вы правы, сохраните намъ земледѣліе и даже помѣстное дворянство».

Но, сохраняя помѣстное дворянство и рѣшивъ поддержать земледѣліе, быть можетъ слѣдовало отказаться отъ того промышленнаго и торговаго завоеванія всего свѣта, которому Англіи XIX вѣка пришлось пожертвовать своего сквайра и своего джентльмена-фермера. Когда въ концѣ XIX столѣтія имперіализмъ въ лицѣ Чемберлена вознамѣрился возстановить земледѣліе въ Англіи, то одновременно мирился и съ мыслью отказа отъ міровой торговли, сохраняя за собою лишь «панбританскую» торговлю, подъ защитой охранительныхъ пошлинъ объединенной британской имперіи. Германія при Бюловѣ вообразила себя гораздо болѣе сильной, чѣмъ Англія временъ Роберта Пита: она вознамѣрилась сохранить крупное земледѣліе, развить колоссальную промышленность и создать міровую торговлю. Требуя отъ своей заводской промышленности возможно интенсивнаго производства для питанія своей міровой торговли, она захотѣла снабжать ее сырымъ матеріаломъ по наименѣе низкой цѣнѣ, рабочими руками по самымъ

высокимъ окладамъ и продовольствіемъ для рабочихъ по наивысшей расцѣнкѣ...

Таможенная политика Бюлова по крайней мѣрѣ вновь оживила германское земледѣліе и вернула высокія цѣны временъ Бисмарка. Рожь, которая продавалась по 187 марокъ въ 1880 г., по 170 въ 1890 г. и по 142 марки въ 1900 г., вновь поднялась на 160 марокъ въ 1906 г., 168 въ 1911 г. и съ 1905 по 1913 г. ни разу не падала ниже 151 марки. Кривая другихъ злаковъ была такой же; паденіе цѣнъ на сахаръ и спиртъ прекратилось, счастье улыбнулось помѣстному дворянству и оно получило возможность посвятить королевской службѣ большое число своихъ дѣтей. Но хозяева предпріятій возопили о вздорожаніи жизни и рабочіе о голодѣ, а такъ какъ новые тарифы на мясо оказались еще болѣе возвышенными, чѣмъ на зерно, то во всей имперіи разразился «мясной кризисъ». Германскіе рабочіе, до тѣхъ поръ крайне нетребовательные, мало-по-малу добились жалованья, значительно превосходящаго соотвѣтственныя вознагражденія въ другихъ государствахъ континента, и оклады эти мало чѣмъ отличались отъ англійскихъ. При этомъ, по тѣмъ же причинамъ, какъ земледѣліе, но еще быстрѣе, германская промышленность начинала терять въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ престижъ неоспоримаго превосходства.

Промышленная техника является еще менѣе неразрывно связанной съ опредѣленнымъ географическимъ мѣстомъ или опредѣленнымъ народнымъ характеромъ, чѣмъ техника земледѣльческая. Такъ какъ типъ людей «homo sapiens» можно найти повсемѣстно, то научная промышленность, ставшая жизненною потребностью, всюду нашла себѣ послѣдователей. Въ теченіе XIX вѣка англійскій эмпиризмъ въ условіяхъ для успѣха промышленныхъ предпріятій оставилъ значительное мѣсто импровизаціи и удачѣ. Но въ началѣ XX столѣтія всѣ на всемъ земномъ шарѣ поняли, что современная промышленность не можетъ существовать безъ помощи науки и что только организація, заранѣе продуманная, точно скомбинированная и исчисленная, можетъ впредь съ прибылью разрабатывать или вырабатывать что бы то ни было, какъ бы для этого ни были благопріятны условія.

Такимъ образомъ, чтобы не отставать, всей промышленности всего свѣта пришлось равняться по германской промышленности: это вполнѣ стало ясно всѣмъ послѣ французской всемірной выставки 1900 г.; на этой выставкѣ всѣ почувствовали необходимость германской научной постановки промышленности, пропаганда которой какъ разъ въ то же время входила въ интересы германцевъ.

Отличительнымъ свойствомъ научной промышленности является изготовленіе по точнымъ неизмѣннымъ даннымъ издѣлій всегда точно одинаковыхъ: все экспортируемое изъ Германіи являлось такимъ образомъ моделями, которыми можно было руководствоваться. Съ другой стороны научныя изобрѣтенія, благодаря законамъ о патентахъ, стали собственностью, которую можно было продать или сдавать на пользованіе: прямой выгодой нѣмецкихъ изобрѣтателей было—либо продать свое изобрѣтеніе наиболѣе дающему, либо передать право на использованіе имъ возможно большему числу лицъ; въ періодъ съ 1900 по 1910 г. продажа патентовъ и правъ на воспроизводство патентованныхъ издѣлій стала для германцевъ источникомъ весьма крупныхъ доходовъ. Наконецъ, техническія знанія и техническая умѣлость для обладателей ими являются капиталомъ, изъ котораго подобно всякому капиталу можно извлечь доходы вездѣ, гдѣ только занимаются промышленностью; но этотъ капиталъ цѣнится гораздо больше у народовъ, небогатыхъ подобнымъ капиталомъ, въ виду этого германскій техникъ приглашался на службу во всѣ промышленные центры всего міра, получая при этомъ лучшее вознагражденіе, чѣмъ у себя дома. Въ XVI вѣкѣ повсюду въ Европѣ распространились нѣмецкіе мастера печатнаго дѣла, являясь піонерами возрожденія просвѣщенія и литературы. Въ XX вѣкѣ германскій химикъ, инженеръ и конторщикъ всюду содѣйствовали возрожденію промышленности и торговли. Эта міровая эксплоатація своей научной подготовки конечно доставила германскому народу прекрасные барыши. Но какъ отзывалось это на міровой монополіи Германіи? Каждый заводъ, поставленный на германскую ногу, открытый гдѣ бы то ни было, являлся для нея камнемъ преткновенія; многіе изъ этихъ филіальныхъ заводовъ только и ждали возможности нѣсколько

расшириться, чтобы побороть породившую ихъ соотвѣтственную германскую промышленность, а нѣкоторые изъ нихъ, заложенные на болѣе благопріятныхъ мѣстахъ и при болѣе благопріятной почвѣ, овладѣли міровой кліентурой—въ ущербъ Германіи.

Такъ какъ имперія оказывалась все менѣе и менѣе обезпеченной минеральными богатствами и текстильнымъ сырымъ матеріаломъ, которые нужны были ей для овладѣнія міровымъ рынкомъ, германской заводской промышленности приходилось все получать или издалека, или съ англійскихъ рынковъ. Германія была слабо снабжена и тѣми новыми источниками энергіи, которые примѣнялись ея техниками взамѣнъ угля и пара—нефтью и ея производными—бензиномъ и керосиномъ. Значительно уступая Англіи въ богатствѣ каменнымъ углемъ, она еще въ большей мѣрѣ, относительно новыхъ источниковъ энергіи, уступала Италіи, Румыніи, Швеціи, Россіи и Сѣв.-Американскимъ Штатамъ. Естественно, что германскій заводъ, перенесенный на англійскія каменноугольныя копи, мѣдные рудники или хлопковыя плантаціи Америки, въ обильно орошенную Ломбардію, къ естественнымъ источникамъ энергіи или въ область нефтяныхъ источниковъ Аллегановъ—давалъ пышный расцвѣтъ.

Въ 1905 г. Англія уже стряхнула съ себя свое увлеченіе имперіализмомъ, вновь съ упорствомъ принялась за научныя изслѣдованія, за книги, за исчисленія, за работу въ лабораторіяхъ и вновь заняла свое прежнее мѣсто по научнымъ открытіямъ и ихъ практическому примѣненію. Франція по части постройки автомобилей и аэроплановъ, по части бактеріологіи и безпроволочному телеграфированію вновь завоевала восхищеніе и довѣріе всего міра, и когда теперь во всемъ свѣтѣ искали самое современное производство, самое послушное новѣйшимъ указаніямъ науки, самое приспособленное и быстрѣе всѣхъ примѣняющееся, то глаза не обращались уже болѣе въ сторону крупповской Германіи, а въ сторону эдиссоновской Америки.

Совершенство техники было монополіей бисмарковской Германіи: за Германіей Вильгельма II осталась лишь одна «колоссальность». Но и здѣсь недочеты германскаго торговаго мореплаванія ясно указывали на то, къ чему долженъ привести «новый курсъ».

Германскій флотъ всю свою будущность построилъ на колоссальности, полагая, что чѣмъ больше будетъ вмѣстимость его трюмовъ, чѣмъ больше оборотовъ въ минуту будутъ давать его паровыя машины и дѣлать его винты, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ міроваго владычества. Послѣ судовъ въ 26.000 тоннъ онъ спустилъ суда въ 30.000, 35.000, 40.000 и 45.000 тоннъ и превзошелъ, наконецъ, всѣ остальные флоты спускомъ своихъ «Imperator»—въ 50.000 тоннъ. Но вотъ колоссальность-то какъ разъ на моряхъ и обанкрутилась: учетверяя и удесятеряя расходы на постройку и стоимость судовъ, рѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ удается учетверить ихъ доходность: за извѣстными предѣлами усилія человѣческія становятся непродуктивными; за предѣломъ извѣстной высоты колоссальный Монбланъ становится безплоднымъ, и нигдѣ въ современномъ мірѣ разведеніе мамонтовъ не покрыло бы потребныхъ на это расходовъ.

Гамбургъ уже думалъ объ уменьшеніи тоннажа своихъ монстровъ и уже началъ продавать ихъ по какой угодно цѣнѣ. Только англійскія каменноугольныя копи, чилійскія селитряныя копи и богатая нефтью Россія могли бы съ прибылью наполнить столь гигантскіе трюмы, такъ какъ ихъ богатство заключается въ неисчерпаемости самыхъ залежей, а не въ особомъ достоинствѣ труда мѣстнаго населенія. Но при бѣдной почвѣ и посредственной подпочвѣ Германія обладала лишь энергичнымъ, умѣлымъ и научно хорошо подготовленнымъ населеніемъ; въ виду этого она могла дать міру только ограниченное производство, результатъ своей интенсивной научно-технической дѣятельности, монополію которой она притомъ съ каждымъ днемъ все болѣе утрачивала, въ виду успѣшности соревнованія въ этой области другихъ народовъ.

Германская промышленность съ 1905 по 1910 г. все же сохраняла за собою нѣкоторыя крупныя спеціальности, въ которыхъ Европа напрасно пыталась съ нею сравняться. Германскіе оптическіе приборы, германскія лекарства и германскія краски, правда, имѣли конкурентовъ, но во всемъ мірѣ не имѣли себѣ равныхъ. Такимъ образомъ, въ Германіи, которой успѣхъ въ прежнее время достался благодаря наукѣ,

въ настоящее время самыми выгодными производствами оказались тѣ, которыя велись наименѣе строго-технически, тѣ, которыя были наиболѣе «unwissenschaftlich», т. е. наименѣе научными, во всѣхъ остальныхъ стало очевиднымъ, что если немного науки ведетъ къ благосостоянію, а много—къ богатству, то чрезмѣрно много науки можетъ промышленности повредить, также, какъ слишкомъ много свѣта вредитъ глазу и слишкомъ много кислорода—легкимъ.

Наука и промышленность не синонимы и не однородны по характеру своей дѣятельности. Ученый старается достигнуть намѣченной цѣли наиболѣе научнымъ способомъ, возможно прямымъ путемъ и въ совершенномъ видѣ; онъ почти никогда не унижаетъ себя жалкими расчетами прибылей и расходовъ: онъ стремится творить, а не наживать, или, по крайней мѣрѣ, болѣе увлекается творчествомъ, чѣмъ наживой. Промышленность не можетъ быть столь безкорыстной: вынужденная дать заработокъ служащимъ и доходы на затраченный капиталъ, она должна производить все возможно дешевымъ, простымъ способомъ и сообразовать предпринимаемое, какъ и свои расходы, не со стремленіемъ достигнуть самой совершенной выработки, а со вкусами и требованіями своихъ покупателей.

За послѣднія двадцать лѣтъ появилось много описаній, критическихъ и хвалебныхъ, германской фабрично-заводской промышленности. Авторъ статьи указываетъ на вторую книгу Виктора Камбона «L' Allemagne au travail», какъ на трудъ наиболѣе серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ доступный для широкой публики. Камбонъ въ первой книгѣ разбираетъ Германію 1887 года, при чемъ отмѣчаетъ зарождающееся развитіе германской промышленности. Вторая книга даетъ, вмѣстѣ съ описаніемъ развитія этой промышленности, и указанія на главныя причины такого развитія. Авторъ, самъ профессіоналъ этого дѣла, относится ко всему описываемому имъ съ неизмѣнною похвалою, за рѣдкими исключеніями. Но въ 1908—1909 гг., когда онъ писалъ свою книгу, послѣдствія германскихъ методовъ еще полностью не проявились, такъ что авторъ, устанавливая принципы, не могъ руководствоваться тѣми результатами, которые теперь для насъ стали ясными.

«Германскій заводъ или фабрика, говоритъ Камбонъ, обыкновенно бываютъ весьма крупными. Пропали маленькія старенькія обзаведенія, заплатанныя, съ разнородными пристройками, возведенными по мѣрѣ необходимости расширенія дѣла. Культъ этихъ пережитковъ другой эры предоставленъ другимъ народамъ: нѣмецкій патронъ предпочитаетъ разрушить и перестроить вновь свои прежнія мастерскія, такъ какъ считаетъ болѣе выгоднымъ понести расходы по перестройкѣ, чѣмъ терпѣть неудобство и постоянно платить за излишнія рабочія руки, что неизбѣжно при нераціональномъ размѣщеніи».

Научно—это прекрасный принципъ: возведеніе всего сызнова, заново всегда было основой всякой дѣйствительно научной работы. Но промышленная спекуляція должна считаться съ другими, для нея основными, факторами. Наука можетъ пренебречь прошлымъ, изучать только современное и работать для будущаго. Будущее для промышленности—это доходъ, это прибыль съ затраченнаго капитала; настоящее—это капиталъ, уже ранѣе затраченный, и пока это прошлое не погашено, оно предъявляетъ требованія, которымъ промышленникъ долженъ покориться, если не желаетъ идти прямымъ путемъ къ разоренію. Германская заводская промышленность всегда считала настоящее, т. е. вопросъ о необховъ димомъ капиталѣ, вопросомъ второстепеннымъ; она вводилъ въ свои расчеты будущее, т. е. необходимую прибыль минимальномъ размѣрѣ; она почти всегда упускала изъ вида прошлое, т. е. необходимость погашенія уже затраченнаго капитала.

Передъ однимъ изъ мозельскихъ сталезаводчиковъ, разсказываетъ Камбонъ, молодой инженеръ излагаетъ результаты новаго способа обработки, начиная при этомъ съ исчисленія стоимости этого нововведенія: «Потрудитесь излагать въ обратномъ порядкѣ», прерываетъ его патронъ, «скажите мнѣ сперва, каковы преимущества по качеству, по сокращенію рабочихъ рукъ, по ускоренію производства; о расходахъ, вопросѣ второстепенномъ, если результаты ихъ оправдываютъ, мы поговоримъ потомъ».

Можно сказать, что вся германская промышленность была научнымъ предпріятіемъ того же рода: «Когда разсмотрѣніе новаго способа выработки», добавляетъ Камбонъ

«доказываетъ, что его примѣненіе дастъ въ результатѣ болѣе 10 процентовъ на затрачиваемый капиталъ, считая въ томъ числѣ и отчисленія на погашеніе капитала, то можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ принятъ и что примѣненіе этого способа послѣдуетъ немедленно; не надо ждать, чтобы новое устарѣло».

Это опять-таки одно изъ основныхъ правилъ науки, которая не должна отставать, хотя бы на одинъ только день, отъ данныхъ новѣйшихъ научныхъ открытій, такъ какъ устарѣвшія данныя имѣютъ всѣ шансы оказаться ложными. На какомъ солидномъ расчетѣ можетъ построить свое дѣло промышленникъ, разсчитывая на прибыль въ 10 процентовъ на затрачиваемый капиталъ, полагая въ томъ числѣ и погашеніе капитала, если у него нѣтъ при этомъ главной данной, т. е. опредѣленнаго времени для этого погашенія? Если бы германская заводская промышленность приняла за правило фундаментально перестраивать свое производство каждыя двадцать лѣтъ, то у нея были бы данныя для такого расчета. Если бы при этомъ эволюція техники заставила ее уже черезъ десять лѣтъ ввести кое-какія нововведенія, то въ балансѣ ея оказались бы нѣкоторые недочеты, но прибыль, переставъ быть хорошей, все же оказалась бы удовлетворительной. Что сталось бы съ наукой или научной промышленностью, отстающей на двадцать или хотя бы только на десять лѣтъ? Но такъ какъ каждый день приноситъ новыя научныя данныя или новыя техническія усовершенствованія, а каждый годъ производитъ въ этой области полную революцію, то за послѣднія двадцать пять лѣтъ Германія срывала и вновь возводила свои заводы и фабрики не изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, а ежегодно или почти ежегодно... Что же при этомъ происходило съ ихъ расчетомъ «на погашеніе въ томъ числѣ и капитала?»

Вопросъ еще болѣе важный: было ли хоть когда-нибудь установлено на практикѣ, что доходъ въ 10 процентовъ является прибыльнымъ и достаточно обезпечивающимъ капиталъ, вложенный въ промышленное предпріятіе? Самые смѣлые изъ французскихъ и англійскихъ капиталистовъ развѣ рискнули бы пустить въ ходъ на такихъ основаніяхъ рядъ

предпріятій, даже при томъ условіи, что среди своихъ согражданъ легко могли достать капиталы изъ четырехъ или четырехъ съ половиной процентовъ.

Германская заводская промышленность занимала капиталы изъ 6 и 7 процентовъ, разсчитывая при этомъ всего на 10 процентовъ прибыли, при условіи погашенія изъ нихъ и капитала!.. При такихъ данныхъ можно сомнѣваться, чтобы ея расчеты на рискъ были болѣе обоснованы, чѣмъ ея расчеты на погашеніе, которые, по правдѣ говоря, были совершенно призрачными, въ виду основного условія для ея жизненности, т. е. при необходимости постояннаго обновленія, чтобы не отставать отъ послѣднихъ данныхъ науки. Это же самое постоянное обновленіе не давало возможности должнымъ образомъ опредѣлить выгоды и невыгоды даннаго способа обработки, такъ какъ прибыль отъ даннаго способа можетъ быть точно опредѣлена только послѣ восьми до десяти производствъ по этому способу; но задолго до этого срока германскіе заводы успѣвали переходить уже къ новому, а иногда и еще болѣе новому способу производства.

Разумные дѣловые люди, пускающіе въ оборотъ свои капиталы, осторожны въ своихъ расчетахъ на успѣхъ, сдержаны въ смѣлости своего риска, требовательны по отношенію къ предварительной смѣтѣ погашенія капитала. Легкій кредитъ раздуваетъ надежды, усыпляетъ совѣсть и опасенія, а когда люди науки дѣлаются изобрѣтателями, всѣмъ извѣстно, съ какимъ довѣріемъ они сейчасъ же относятся къ своимъ теоретическимъ расчетамъ: тамъ, гдѣ старый опытный строитель въ своихъ расчетахъ принимаетъ лишь 40 до 45 процентовъ теоретической прочности матеріала, молодой инженеръ вводитъ 60 до 70, но это часто является гибельнымъ для возводимой имъ постройки, что научаетъ его правильно обращаться съ теоріями и ихъ цифровыми данными.

Ученая германская заводская промышленность самонадѣянно принялась за дѣло, не считаясь съ установившейся практикой прежнихъ временъ: взамѣнъ англійскаго эмпиризма и небольшихъ французскихъ мастерскихъ, взамѣнъ веденія дѣлъ по уже выработаннымъ шаблонамъ и по личному творчеству, она ввела цифровую технику, при чемъ, примѣняясь

къ новымъ и новымъ требованіямъ науки, насмѣхалась надъ невѣжествомъ англичанъ, осторожностью французовъ и боязливостью капиталистовъ. Она не была богата и, живя въ кредитъ, съ одинаковою смѣлостью рисковала громадными занимаемыми капиталами и незначительными, прибавляемыми ею самою, крохами. Она все занимала и занимала подъ всевозможными видами: подъ видомъ акцій, облигацій, чековъ, удвоенія и утроенія основныхъ капиталовъ. Она находила неизмѣнно услужливыхъ дисконтеровъ въ лицѣ англійскихъ банковъ, которыхъ въ теченіе періода съ 1890 по 1900 г. ей удалось такъ же прельстить, какъ и самое англійское правительство, и которые и послѣ 1900 г. оставались столь же неизмѣнно благосклонными, несмотря на выяснившуюся враждебность Германіи, благодаря усиліямъ берлинскихъ и франкфуртскихъ эмиссаровъ. Еще въ 1915 г. Англія убѣждается, что финансовая Германія провела своихъ делегатовъ даже въ число ближайшихъ совѣтчиковъ короля, что сэръ Эрнестъ Кассель, едва натурализованный въ Англіи, подаетъ совѣты англійскому королю въ угоду и въ интересахъ императора германскаго! Сколько германо-американцевъ играли такую же роль при финансовыхъ короляхъ Америки и сколько финансовыхъ обществъ во Франціи ту же роль по отношенію къ кассѣ сбереженій французскаго народа! Когда послѣ теперешней войны Франціи придется разсчитаться съ иностранными банками, тогда только мы увидимъ, сколько французскихъ денегъ уплыло въ нѣмецкіе карманы.

Германская промышленность искала займовъ — и весь міръ, зачарованный искусствомъ побѣдъ 1870—1871 гг., не былъ въ силахъ отказать ей въ ссудѣ для столь же искуснаго завоеванія мірового рынка. «Германскія фирмы, говоритъ Камбонъ (стр. 52), давая крупные дивиденды, въ то же время ежегодно отчисляютъ въ резервные капиталы и на погашеніе громадныя суммы; но эти резервные капиталы и эти отчисленія на погашеніе большею частью сейчасъ же вновь расходуются на покупку новыхъ матеріаловъ и на расширеніе предпріятія. Германскій промышленникъ — это упорный игрокъ, который, выигрывая, все вновь ставитъ на карту и, даже проигрывая, прекращаетъ игру только тогда, когда у него

нѣтъ больше денегъ: сколько разъ мнѣ приходилось слышать, что надо пользоваться годами, когда испытываешь кризисъ, чтобы возобновлять свое оборудованіе!»

Эта безудержная спекуляція основывалась на самомъ колоссальномъ кредитѣ, которымъ когда бы то ни было промышленность пользовалась въ своемъ государствѣ и во всемъ свѣтѣ, пока длилось благодарное, но и немного наивное восхищеніе сосѣднихъ рынковъ, на которые германская промышленность выбрасывала свои произведенія по низкимъ цѣнамъ, и, говоря откровенно, пока господствовалъ страхъ передъ непобѣдимымъ кайзеромъ, упорные германскіе игроки никогда не испытывали недостатка въ деньгахъ. Но съ 1905 г., послѣ рѣчи въ Танжерѣ, надѣлавшей столько шуму и такъ мало дѣла, храбрость народовъ и недовѣріе финансистовъ возрождаются; затѣмъ съ 1905 по 1911 г. каждая фанфаронада кайзера, вызывавшая непочтительный смѣхъ толпы, заставляла туже затягиваться кошели заимодавцевъ, а агадирское нападеніе имѣло послѣдствіемъ банковскій рипостъ, который чуть было не подорвалъ все зданіе германскаго имперіализма: Германіи вдругъ пришлось вернуть часть, правда, часть незначительную, своихъ займовъ, но при этомъ обнаружилось, на какой непрочной почвѣ зиждется въ дѣйствительности монументальный фасадъ германской промышленности.

При трудномъ поворотѣ 1911 г. германская машина потребовала особаго колоссальнаго нажима... Но лишь только Агадиръ былъ пройденъ, балканскія войны заставили сдѣлать новый, а затѣмъ еще новый нажимъ. За всѣми этими поворотами рисовалось распаденіе Австро-Венгерской имперіи и потеря для германской промышленности этого столь удобнаго кліента, вассальность котораго въ торговомъ отношеніи была еще болѣе полной, чѣмъ въ дипломатическомъ.

Уже всѣ заимодавцы Германіи начали проявлять большую осторожность, а французская сберегательная касса (народныхъ сбереженій), вновь, наконецъ, проникшись патріотическимъ сознаніемъ, отказала швейцарскимъ и австрійскимъ посредникамъ въ той помощи, которую до тѣхъ поръ такъ широко имъ оказывала. Побѣда Германской имперіи создала успѣхъ германской промышленности и торговли. Неудачи

этой имперіи ставили ихъ въ затруднительное положеніе. Съ 1911 г. многіе пессимисты въ Германіи видѣли спасеніе экономическаго положенія страны только въ новомъ окрещеніи военной славой.

Въ карманахъ Франціи, съ которой легко можно покончить въ три недѣли, найдется три десятка милліардовъ— одинъ десятокъ на покрытіе расходовъ и усиленіе арміи, одинъ на упроченіе промышленности и торговли и еще одинъ на усиленіе флота, чтобы дать ему возможность въ 1920 г. послѣ маленькой кампаніи 1914 г. вести крупную операцію противъ Англіи, подобно тому, какъ операція 1870 г. противъ Франціи послѣдовала за маленькой кампаніей 1866 г. противъ Австріи... Война, война во что бы то ни стало— вотъ послѣдняя надежда, вотъ къ чему свелись всѣ помыслы имперіалистической Германіи.

Но въ 1911 г. государственные дѣятели, стоявшіе во главѣ германской дипломатіи, германской политики и германской политической экономіи, повидимому, еще не присоединялись къ этой точкѣ зрѣнія: несмотря на крутость и неожиданность поворотовъ, они думали, что новое усиліе государственной машины съ ними справится; они все еще твердо вѣровали въ прочность этой машины и непоколебимую мощь своего народа.

«На первый взглядъ, говоритъ Камбонъ, промышленная система Германіи кажется убыточной: промышленныя общества затрачиваютъ на дорого стоящія оборудованія, непрестанно мѣняемыя, невѣроятныя суммы. Но если «новый» заводъ при ста рабочихъ можетъ сдѣлать ту же работу, которую старый заводъ дѣлаетъ при двухстахъ рабочихъ, то весьма понятно, что новый заводъ будетъ имѣть ежегодное преимущество надъ старымъ; такъ какъ старый заводъ, положимъ, на оборудованіе затратилъ на 500.000 франковъ менѣе, чѣмъ новый, что, при погашеніи изъ 10 процентовъ, составляетъ ежегодную экономію въ 50.000 франковъ, но въ то же время онъ ежегодно уплачиваетъ на 100.000 франковъ болѣе жалованья рабочимъ, т. е. въ результатѣ на ту же работу затрачиваетъ ежегодно на 50.000 франковъ болѣе,

чѣмъ новый. Но чтобы ежегодно дѣлать экономію въ 100.000 франковъ на жалованьи рабочимъ, надо затратить на модернизацію оборудованія не 500.000 франковъ, какъ полагаетъ г. Камбонъ, а нѣсколько милліоновъ; кромѣ того, по той быстрой послѣдовательности, съ какой Германія модернизировала свои оборудованія, погашеніе капитала слѣдуетъ считать не изъ 10 процентовъ, а изъ 20 или даже 25. Считая минимально на два милліона расходовъ по 15 процентовъ на погашеніе, мы получимъ ежегодный расходъ въ 300.000 франковъ противъ эфемерныхъ, никогда не оправдываемыхъ, 100.000 франковъ экономіи.

Если бы модернизировавшій свое оборудованіе заводъ разсчиталъ часть своего рабочаго персонала, то этотъ персоналъ былъ бы немедленно перехваченъ сосѣднимъ конкурирующимъ заводомъ, а слѣдовательно расходы на вознагражденіе рабочихъ въ общемъ балансѣ германской промышленности отъ этого не уменьшились бы. На практикѣ переоборудованный заводъ сохранялъ всѣхъ своихъ рабочихъ; но для того, чтобы покрыть сразу какъ прежніе, такъ и новые расходы, онъ удваивалъ количество своихъ машинъ, а слѣдовательно и своего производства. Каждое переоборудованіе являлось такимъ образомъ новымъ фатальнымъ увлеченіемъ въ области интенсивнаго расширенія промышленности. И каждый день приходилось увеличивать производство, чтобы на другой день еще его увеличить.

Но когда производишь, надо продавать, а когда удваиваешь производство, удваивать сбытъ, и когда главная часть кліентуры заграничная, то ежегодно удваивать свой вывозъ, а когда у себя не имѣешь сырого матеріала, то въ той же пропорціи увеличивать и свой ввозъ; въ концѣ концовъ приходится все болѣе и болѣе подчиняться требованіямъ заграничныхъ поставщиковъ и капризамъ міровой кліентуры. Собственникъ фабрики шварцвальдскихъ часовъ уже въ 1907 г. разъяснялъ мнѣ, насколько обѣ эти данныя отражаются на прибыльности и даже на жизнеспособности его дѣла.

Въ бисмарковскія времена онъ ежегодно выпускалъ около двадцати пяти тысячъ часовъ, изъ которыхъ четыре пятыхъ продавалъ въ Германіи и одну пятую внѣ ея пре-

дѣловъ. Въ Германіи въ то время было мало часовъ, и всѣ ими обзаводились; фабрикъ въ имперіи было очень мало; охранительныя пошлины ограждали производство отъ иностранной конкуренціи: двадцать тысячъ часовъ легко и выгодно продавались въ имперіи и покрывали всѣ расходы по всему производству. Остальныя пять тысячъ часовъ составляли прямой чистый барышъ: ихъ сбывали въ другія государства, особенно въ Англію, безъ особаго барыша, конечно, по изготовительной цѣнѣ; но пять тысячъ часовъ, даже по десяти марокъ только, составляли чистый барышъ въ пятьдесятъ тысячъ марокъ.

Въ періодъ съ 1890 по 1900 г. этотъ фабрикантъ удвоилъ свое ежегодное производство, между тѣмъ, какъ вокругъ него конкуренты воздвигали новыя фабрики. Но въ имперіи почти всѣ дома уже обзавелись часами, и какъ бы часы германской выдѣлки ни были недолговѣчны, они все же выдерживали лѣтъ десять, двадцать, такъ что имперія оказалась наводненной часами своего производства. Отсюда уменьшеніе числа покупателей и паденіе цѣнъ внутри государства. Фабрика въ предѣлахъ имперіи стала покрывать лишь три четверти своихъ расходовъ. Внѣшніе рынки должны были покрыть недостающую часть и дать доходъ. Но и тамъ, благодаря германской конкуренціи, приходилось продавать свои часы по все болѣе и болѣе низкимъ цѣнамъ и покупать необходимые матеріалы на все болѣе и болѣе тяжкихъ условіяхъ. Но и при этихъ ухудшившихся условіяхъ дѣло все еще давало чистую прибыль, которая однако уже никогда не достигала упомянутыхъ пятидесяти тысячъ марокъ; при удвоенномъ производствѣ фабрика стала давать на 25 процентовъ меньше дохода.

Между 1900 и 1905 гг. онъ вновь болѣе, чѣмъ удвоилъ свое производство, и всѣ его конкуренты поступили такъ же. Конечный результатъ оказался таковымъ же, какъ и за предшествовавшее десятилѣтіе: при удвоенномъ производствѣ—удвоенный сбытъ при вдвое ухудшившихся условіяхъ продажи, кліентурѣ, заграничная часть которой возросла въ три и даже четыре раза, при этомъ иностранные рынки, привыкшіе покупать германскія производства по грошевымъ

цѣнамъ, отказывали товарамъ германскаго производства въ томъ повышеніи цѣнъ, на которое соглашались въ отношеніи товаровъ англійскаго и французскаго производства, такъ какъ всегдашнимъ свойствомъ этихъ послѣднихъ была дороговизна, нѣмецкіе же товары всегда были и должны остаться дешевкой. «Дѣлая расчетъ такъ, какъ это принято во Франціи, добавилъ баденскій фабрикантъ, воспитанный въ Швейцаріи и привыкшій къ обычаямъ своихъ французскихъ корреспондентовъ, я не выручаю въ настоящее время и 4 процентовъ чистыхъ на затраченный капиталъ. Мои сосѣди скажутъ вамъ, что они выручаютъ 12 и 14 процентовъ; дѣло въ томъ, что они считаютъ на нѣмецкій ладъ, принимая въ расчетъ лишь первоначальный основной капиталъ; когда ихъ фабрика, начавшая свое дѣло съ основнымъ капиталомъ въ 100.000 марокъ, приноситъ имъ въ настоящее время чистыхъ 15.000 марокъ, они твердятъ, что получаютъ 15 процентовъ; но они забываютъ, что за это время ихъ фабрика поглотила, какъ моя, всѣ приносимые ею доходы за десять лѣтъ, или въ нее вложено добавочно еще 200—300 тысячъ марокъ, а при этомъ условіи едва очищается 4 процента въ ожиданіи еще худшаго».

Стоимость часовъ продолжала падать; стоимость необходимаго матеріала все возрастала и онъ былъ въ полномъ отчаяніи отъ цѣнъ за послѣдніе четыре года: 126 въ 1904 г., 149 въ 1905, 186 въ 1906 и 188 въ 1907 г.! И при этомъ надо было находить деньги, чтобы постоянно модернизировать оборудованіе, чтобы еще удвоить производство и оклады и въ результатѣ еще удвоить запруженность рынка!

Около 1890—1895 гг. еще можно было вывозить часы въ Лондонъ; въ 1907 г. въ Берлинѣ въ продажѣ вновь появились англійскіе часы, а въ Гамбургѣ—американскіе; англійскіе имѣли за собою моду, снобизмъ, предпочтеніе людей богатыхъ, а американскіе—грандіозность предпріятій Новаго Свѣта, гдѣ германская наука орудуетъ при условіяхъ въ десять разъ болѣе благопріятныхъ, со сто разъ бо́льшими капиталами! Вскорѣ и въ имперіи пришлось бы продавать въ убытокъ, подобно тому, какъ на иностранныхъ рынкахъ.

Въ виду этого, этотъ миролюбивый баденскій фабрикантъ

уже въ 1907 г. совѣтовалъ своимъ французскимъ друзьямъ возможно скорѣе войти въ соглашеніе съ императоромъ (кайзеромъ) о закрытіи континентальнаго европейскаго рынка для всѣхъ постороннихъ (въ томъ числѣ конечно и Англіи), иначе германская культура, которая создала свою промышленность, чтобы быть въ состояніи нести тяжесть своего вооруженія, будетъ принуждена, говорилъ онъ, пустить въ ходъ свое оружіе, чтобы облегчить и даже спасти свою промышленность.

«Zollverband, таможенный союзъ», говорилъ Вильгельмъ II своимъ берлинцамъ въ 1907 г.

Въ 1907 г. упомянутый фабрикантъ часовъ видѣлъ бы въ континентальномъ таможенномъ союзѣ спасеніе баденскихъ фабрикантовъ часовъ, спасеніе всѣхъ германскихъ промышленниковъ и настоящій рай для ихъ европейской кліентуры, которая въ такомъ случаѣ въ полной мѣрѣ пользовалась бы произведеніями культуры и благодѣяніями германской организаціи. Но онъ сознавалъ, что рай не для міра сего, а потому былъ готовъ удовлетвориться «Kartellverband'омъ», интернаціональной ассоціаціей національныхъ картелей подъ арбитражемъ большихъ германскихъ картелей.

Картель—это ассоціація производителей одной общей спеціальности, которые между собою входятъ въ соглашеніе, ограничивающее максимумъ производства или продажи каждаго изъ членовъ, ассоціація, которая задалась цѣлью заставить свою кліентуру платить цѣны не ниже опредѣленныхъ минимальныхъ цѣнъ. Картель былъ удобствомъ въ бисмарковскій періодъ—онъ сталъ необходимостью при «новомъ курсѣ». Дѣло въ томъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ между германской промышленностью и торговлей возникла все болѣе и болѣе увеличивающаяся рознь, даже въ предѣлахъ одного и того же предпріятія: «Техническая дирекція фирмъ, говоритъ Камбонъ, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ независима отъ коммерческаго управленія фирмою; иногда даже промышленная и торговая части находятся въ рукахъ двухъ разныхъ обществъ, при чемъ одно общество только продаетъ издѣлія другого; этимъ стремятся устранить ежедневные конфликты, столь часто возникающіе между персоналами этихъ двухъ

отраслей». Можетъ быть такимъ образомъ и устраняются повседневные конфликты, но при этомъ теряется и та постоянная согласованность, безъ которой промышленность уже не отвѣчаетъ потребностямъ торговли, и притомъ, конечно, превышая ихъ: такъ какъ при этомъ производство не согласуется съ потребностью рынка, то спросъ перестаетъ регулировать предложеніе; наоборотъ, предложеніе пытается регулировать спросъ и при помощи картеля старается навязать свои требованія.

«Въ настоящее время, пишетъ Камбонъ въ 1908 г., конкуренція на германскомъ и міровомъ рынкахъ такова, что производители не могутъ болѣе разсчитывать нажиться на своемъ производствѣ, если оно не защищено картелемъ или не находится почему-либо въ исключительно выгодныхъ условіяхъ».

Первые почитатели германскаго картеля разъясняли разницу между нимъ и американскимъ трестомъ слѣдующимъ образомъ: трестъ—это оружіе для достиженія господства и возможности грабительства въ торговлѣ; картель—это честное и мирное орудіе урегулированія и улаженія, актъ братскаго объединенія трудолюбивыхъ производителей, которые хотятъ только оградить себя отъ измышленій какихъ-нибудь спекулянтовъ и вреда отъ скупости своей кліентуры. Въ мирное бисмарковское время картель, быть можетъ, и могъ играть такую добродѣтельную роль: дѣло касалось тогда раздѣла между германскими производителями исключительно кліентуры германскаго рынка, огражденнаго покровительственными тарифами. Но съ того дня, когда ареной германскихъ вожделѣній сталъ міровой рынокъ, что иное могъ сдѣлать картель, какъ предложить всѣмъ производителямъ міра — братство (т. е. соглашеніе) или смерть? И когда могущественные картели, какъ угольный, металлургическій, мореплаванія и т. п., въ лицѣ императора и близкихъ ему лицъ имѣли акціонеровъ столь же жадныхъ къ наживѣ, какъ и скорыхъ на угрозы, то понятно, какое давленіе ихъ требованія могли оказать на германскую политику.

Въ 1914 г. крупные картели въ феодальной имперіи Вильгельма II сыграли такую же роль, какъ крупные фео-

далы временъ романо-германской священной имперіи: это они объявили своему властелину, что съ потерей своихъ доходовъ не смогутъ болѣе ручаться за свою вѣрность и за вѣрность своихъ людей, что Германія 1914 г., подобно Германіи 1114 г., не можетъ болѣе жить на свои собственныя средства, а потому ей необходимо поработить ея сосѣдей. Учрежденіе акціонернаго предпріятія существовало въ Англіи между 1880 и 1890 гг., «Company limited» дало толчокъ къ зарожденію чемберленовскаго имперіализма и было непосредственной причиной возникновенія южно-африканской войны. Специфически германское учрежденіе картеля является главнымъ виновникомъ войны теперешней. Вильгельмъ II лишь послушался своихъ соакціонеровъ: въ 1914 г. одинъ изъ французскихъ министровъ предупреждаетъ свое правительство, что собраніе крупныхъ металлурговъ въ Дюссельдорфѣ требуетъ войны, какъ единственнаго средства, чтобы выйти изъ создавшагося положенія и погасить долги, громадные долги германской промышленности, путемъ подчиненія всего континентальнаго рынка контролю германскихъ картелей.

Французская широкая публика часто высказывала удивленіе по поводу того, что богатая, процвѣтающая и все разрастающаяся германская промышленность не удержала своего правительства отъ объявленія войны, которая могла ее разорить и ни въ какомъ случаѣ не могла ей оказать услуги, такъ какъ, повидимому, уже не подлежало сомнѣнію, что экономическое господство надъ Европой и всѣмъ міромъ ей обезпечено. Въ дѣйствительности же «новый курсъ» привелъ всѣ германскія предпріятія на край банкротства, и война 1914 г. была прыжкомъ въ пространство, чтобы попытаться избѣжать паденія въ пропасть. Банкротство или война съ цѣлью ограбленія; разореніе Германіи—или порабощеніе Европы: вотъ дилемма, къ которой въ 1914 г. привели бисмарковскую имперію властолюбивые замыслы Вильгельма II.

